Г. А. МИХАЛЕВА

УЗБЕКИСТАН В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

РЕМЕСЛО, ТОРГОВЛЯ И ПОШЛИНЫ

«ФАН»

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Г. А. МИХАЛЕВА

УЗБЕКИСТАН В XVIII—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

РЕМЕСЛО, ТОРГОВЛЯ И ПОШЛИНЫ

Под редакцией
академика АН УзССР Г. А. Пугаченковой

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
1991

В монографии освещается состояние ремесленного производства в среднеазиатских ханствах XVIII — первой половине XIX в. и его развитие в связи с укреплением и расширением связей с соседними странами, рассматривается развитие внутренней торговли, денежного обращения и правового положения среднеазиатских купцов в России и российского купечества в Средней Азии.

Для научных работников, интересующихся историей среднеазиатских ханств в период позднего феодализма.

Рецензенты:
доктор исторических наук *К. Ш. Шаниязов*,
кандидат исторических наук *Б. С. Маннанов*

М $\frac{0503020904-480}{М\ 355\ (04)-90}$ 27—91 © Издательство «Фан» АН УзССР, 1991 г.

ISBN 5—648—01167—9

Гульсум Алиевна Михалева

УЗБЕКИСТАН В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА.
Ремесло, торговля и пошлины.

Утверждено Ученым советом Института истории, Бюро отделения истории, языкознания и литературоведения АН УзССР

Редактор *Л. А. Леус*
Художник *В. С. Тий*
Технический редактор *Л. П. Тюрина*
Корректор *А. А. Ковалёва*

ИБ № 5511

Сдано в набор 26.02.91. Подписано к печати 29.05.91. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 7,7. Тираж 500. Заказ 55. Цена 3 р.

Издательство «Фан» АН УзССР: Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» АН УзССР: Ташкент, проспект М. Горького, 79.

ВВЕДЕНИЕ

В XVIII в. Средняя Азия, раздираемая междоусобными войнами и феодальными мятежами, переживала тяжелый кризис, парализовавший ее хозяйственную и культурную жизнь. Кризис этот назревал постепенно и в основном был вызван неблагоприятными условиями развития страны. Укрепление трех среднеазиатских ханств — Бухарского, Хивинского и Кокандского, не ликвидировало феодальной раздробленности, господствовавшей в Средней Азии. Однако в конце XVIII — начале XIX в. здесь наблюдался некоторый хозяйственный и политический рост, который свидетельствовал о дальнейшем развитии общественных отношений внутри феодально-экономической формации. Хозяйственный подъем в этот период выражался в расширении ирригации, оседании кочевников, изменении характера поземельной собственности, развитии товарно-денежных отношений, торговли с соседними странами и усилении экономических связей с Россией. Развитие торговли способствовало не только пополнению казны за счет пошлинных доходов, но и оказывало культурное влияние на жителей среднеазиатских ханств. Поездки купцов по русским городам обогащали их новыми знаниями и представлениями, которыми они делились по возвращении в ханства. Сближение среднеазиатских народов с другими народами было явлением исторически прогрессивным. «Оно вело,— отмечал П. Е. Матвиевский,— неизбежно к уничтожению национальной замкнутости, к хозяйственному сближению народов и постепенному объединению громадных территорий в одно целое»[1].

Торговые связи между странами закономерно являются связями между народами этих стран, поэтому в работе уделяется внимание освещению стремления самих народов, в данном случае среднеазиатских ханств, казахской степи и России, к взаимному сближению и влиянию. Спрос на среднеазиатские товары в казах-

---

[1] Матвиевский П. Е. Абулхаир, поборник единения казахского народа с русским//Ученые записки Чкаловского госпединститута. Вып. 1. Чкалов, 1948. С. 71.

ской степи, соседних странах и в России, а на российские товары и сырье кочевого хозяйства — в среднеазиатских ханствах расширял круг потребителей этих товаров, а потребителями в большинстве своем были народные массы.

Длительное общение с среднеазиатскими ханствами дало возможность русскому правительству уяснить, что углубление России в недра Средней Азии даст то, что дало для всей Западной Европы открытие Америки. «Углубление в недра Турана,— по выражению одного из представителей торгово-промышленных кругов С. Хрулева,—для нас та же Америка, открытая, но еще не тронутая»[2]. Чтобы открыть ее для себя, русское правительство первостепенное значение придавало глубокому изучению внутренней жизни среднеазиатских народов, их нравов, выяснению возможностей превращения Средней Азии в выгодный рынок продукции российской промышленности и источник дешевого сырья. В связи с этим был накоплен огромный материал по истории среднеазиатских ханств, их отношений с кочевниками, между собой и соседними странами, а также по другим важным вопросам, связанным с развитием широкой торговли.

Особенно благоприятные возможности для этого сложились после основания в 40-х годах XVIII в. города Оренбурга, который стал военно-административным, политическим и экономическим форпостом Российской империи на Востоке. В ведение оренбургских властей входило административное руководство казахскими жузами, через Оренбург осуществлялись дипломатические связи со среднеазиатскими ханствами. Царское министерство иностранных дел в лице Оренбургской пограничной комиссии имело своеобразный филиал, в котором служили, как правило, опытные чиновники — знатоки местных политических хитросплетений, владевшие языками народов Востока. В составе дипломатических миссий Среднюю Азию посещали русские путешественники, проявлявшие огромный интерес к жизни ее народов. Они изучали экономическое состояние ханств, исследовали их недра, природно-климатические условия. В составе посольств царской России участвовали различные специалисты, среди которых были геологи, зоологи, ботаники, географы, врачи, лингвисты, востоковеды и др. По заданию русского правительства они собирали сведения о государственном устройстве, общественной жизни, нравах, обычаях и культуре населяющих Среднюю Азию народов. Все это получило отражение в их отчетах, письмах и записках, мемуарах и путевых дневниках.

Следует отметить, что русские послы и путешественники, проникавшие в среднеазиатские ханства иногда под видом купцов, наряду с выполнением своей основной миссии вели торговую и политическую разведку в целях экономического и политического проникновения в Среднюю Азию. Наибольший интерес российские

[2] ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 7508, л. 1—8-об.

послы и путешественники проявляли к Бухаре — крупнейшему городу Бухарского ханства, которое попало в орбиту широкого политического и экономического влияния России.

Среднеазиатские купцы, подолгу жившие в России, посещавшие крупные торговые центры и ярмарки, сами служили ценным источником информации для русских властей, сведения которых дополняли или подтверждали уже имевшиеся данные о жизни среднеазиатских народов. Немалая заслуга в добывании таких сведений принадлежит Г. Ф. Генсу, прибывшему в Оренбург в начале XIX в. и долгое время занимавшему должность председателя Оренбургской пограничной комиссии. Имея отличное университетское образование, он живо интересовался историей Средней Азии и собрал много любопытных данных о среднеазиатских ханствах, с которыми в это время были установлены развитые экономические отношения. И все же наибольшее внимание русская администрация уделяла тем сообщениям, которые добывались лицами, специально посещавшими среднеазиатские ханства с определенным заданием в составе торговых караванов под видом купцов или в числе дипломатических миссий.

Большой интерес к изучению среднеазиатских ханств стал проявлять еще Петр I. Так, в 1721 г. великий преобразователь Русского государства отправил в Бухару секретаря ориентальной коллегии Флорио Беневени, который в ходе своего длительного путешествия (1721—1725 гг.) собрал данные об экономическом, внутриполитическом и международном положении Бухарского ханства. Однако его донесения и отчеты, оказавшиеся в государственных архивохранилищах, как сообщают Н. А. Халфин и Е. Ф. Рассадина, в научный оборот были введены лишь в 1853 г., через 10 лет после опубликования книги Н. В. Ханыкова[3]. Эти материалы впервые были опубликованы в обширной статье А. Попова, к которой были приложены документы Ф. Беневени[4].

Сведения о среднеазиатских ханствах добывались не только от прибывших в Оренбург среднеазиатских купцов и путешественников, но и частью от русских людей, попавших в плен и проданных затем в рабство. В частности, интересны записи унтер-офицера Филиппа Ефремова, захваченного в плен в казахской степи в конце XVIII в. и совершившего невольное путешествие, длившееся с 1774 по 1782 г. Благодаря своим познаниям в военном деле, он приобрел некоторый вес при дворе бухарского аталыка Данияр-бека и по его поручению ездил в Хиву и Мерв. Владея восточными языками и занимая официальное положение при бухарском дворе, он смог собрать ценные сведения, и по возвращении на родину издал книгу[5], которая настолько заинтересовала современ-

[3] Халфин Н. А., Рассадина Е. Ф. Н. В. Ханыков — востоковед и дипломат. М.: Наука, 1977. С. 25.

[4] Попов А. Сношения России с Хивою и Бухарою при Петре Великом //Записки ИРГ. Кн. IX., 1853. С. 237—318, 319—424.

[5] Российского унтер-офицера Ефремова (Ф. С.) десятилетнее странство-

ников,— заметил В. В. Бартольд,— что за короткий срок трижды переиздавалась (в 1786, 1794 и 1811 гг)[6]. В советское время книга была переиздана в 1950 г. По вполне понятным причинам она содержит больше материалов по военным проблемам; данных по социально-экономическим вопросам в ней меньше.

В 1793—1794 гг. из Оренбурга в Хиву было совершено путешествие глазного врача Бланкеннагеля, посланного туда по просьбе хивинского правителя для исцеления глаз его ослепшего дяди. Сделанный Бланкеннагелем отчет о поездке в Хиву был издан профессором В. Григорьевым[7].

В 1794 г. по просьбе эмира в Бухару были отправлены горные инженеры Т. С. Бурнашев и А. С. Безносиков. Подробно описав свои странствования, Т. С. Бурнашев осветил некоторые стороны жизни Бухары и ее окрестностей[8]. Хотя его данные и представляют интерес, но, в основном, они носят характер беглых заметок. Т. С. Бурнашев вместе с горным чиновником Поспеловым в 1800 г. ездили из Семипалатинска в Ташкент, где собрали некоторые сведения о происходивших там событиях[9].

Сведения о Кокандском ханстве собрал переводчик Филипп Назаров, который ездил туда из Петропавловска в 1813—1814 гг.[10]

Большое количество ценных материалов добывалось членами дипломатических миссий, в частности экспедиции А. Ф. Негри, посетившей Бухару в 1820 г.,— известным зоологом (как тогда говорили «натуралистом») Х. И. Пандером и ботаником и зоологом Э. А. Эверсманом, который состоял с 1818 г. на русской службе в качестве врача при Златоустовской оружейной фабрике. Значительный интерес для изучения истории Бухарского ханства представляют материалы, собранные членом той же экспедиции Е. К. Мейендорфом. По его собственным словам, на него было возложено собирание географических и статистических сведений о странах, по которым русской миссии предстояло проехать. Результатом всего виденного и слышанного им в течение долгого пути из Оренбурга в Бухару, а также многочисленных опросов явилась книга, изданная в 1826 г. в Париже на французском языке под редакцией французского тюрколога Амедея Жобера. Она

вание и приключения в Бухаре, Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию, писанное им самим. Спб., 1786.

[6] Бартольд В. В. Соч. Т. IX. С. 410.

[7] Путевые заметки майора Бланкеннагеля о Хиве в 1793—1794 гг. с примечаниями В. В. Григорьева//Вестник РГО. Ч. 22. 1858.

[8] Бурнашев Т. С. Путешествие от Сибирской линии до г. Бухары в 1794 г. и обратно в 1795 г.//Сибирский вестник гр. Спасского. Спб., 1818. Ч. I—III.

[9] Поездка Бурнашева и Поспелова в Ташкент в 1880 г. с примечаниями Я. Ханыкова//Вестник РГО. Кн. 1. Ч. 1. Отд. VI. 1851.

[10] Записки о некоторых народах и землях средней части Азии Филиппа Назарова, Отдельного Сибирского корпуса переводчика, посланного в Коканд в 1813—1814 гг. Спб., 1821.

привлекла внимание широкого круга читателей как свод разнообразных сведений о Средней Азии, как новый достоверный источник о жизни среднеазиатских народов. Ею широко пользовались специалисты, большое значение ей придавала царская администрация. До недавнего времени труд Е. К. Мейендорфа оставался почти недоступным для широкого читателя, так как нуждался в квалифицированном переводе на русский язык. Такой перевод был осуществлен в 1955 г. виднейшим знатоком историографии Средней Азии, востоковедом и книговедом, заслуженным библиотекарем Узбекской ССР Е. К. Бетгером. Однако этот замечательный перевод вышел в свет спустя двадцать лет, в 1975 г. в Москве под редакцией Н. Халфина[11].

Кроме личных наблюдений, а также расспросных сведений Е. К. Мейендорф пользовался многими историческими произведениями как среднеазиатских, так и европейских авторов, а также сообщениями путешественников, побывавших в Средней Азии до него, о чем свидетельствуют ссылки на них автора, а также многочисленные упоминания о них в книге. Большая часть фактов и сведений в научный оборот вводились им впервые.

Наиболее ценной для нас является третья часть книги, в которой содержится материал об экономике, этнографии, а также о торговле и дипломатических взаимоотношениях Бухарского ханства с русским государством и соседними странами. Автор дает полное представление об основных статьях ввоза и вывоза, причем он высказывает правильное понимание глубокой разницы, существовавшей в положении России по отношению к Западу и Востоку. В то время, как в торговле с Западом Россия зависела от общей конъюнктуры рынка, на Востоке она занимала командное положение и могла диктовать свои условия. Е. К. Мейендорф высоко оценивал значение торговли в экономике ханства, называя Бухару «по преимуществу торговой страной».

Особое значение сохраняют также собранные Е. К. Мейендорфом сведения о ремесленном производстве и положении трудящегося городского населения в Бухарском ханстве в начале XIX в. Автор, хотя и коротко, но живо и точно характеризует орудия труда ремесленников, их мастерство и опыт, накопленные в течение многих столетий, что позволяло доводить их продукцию до совершенства. Многие сообщения Е. К. Мейендорфа, особенно о тяжелом положении трудящихся масс Бухары, являются ценным первоисточником для изучения истории узбекского народа. Менее всего Е. К. Мейендорф останавливается на положении женщин и женском труде в Бухарском ханстве. И это понятно, если учесть, что затворнический образ жизни женщин в Бухаре не позволил ему ознакомиться с их бытом, он лишь с восторгом отзывается о красоте тех из них, которых ему удалось увидеть случайно.

---

[11] Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М.: Издательство восточной литературы, 1975.

Большое значение изучению среднеазиатских ханств придавали сами оренбургские губернаторы. Так, В. А. Перовский в своем письме от 26 сентября 1833 г. писал директору Азиатского департамента Министерства иностранных дел К. Х. Родофинкину, что «...состояние заграничной торговли здешнего края и сношения с соседними народами заставляют желать, чтобы можно было получать верные и основательные сведения обо всем происходившем в областях Средней Азии и о положении тамошних дел»[12].

Богатством научных результатов отличается русская миссия, которую в 1841—1842 гг. возглавил инженер К. Ф. Бутенев. Он посетил Бухару по приглашению эмира Насруллы. Зная по слухам, что в России добывается много золота и что его добыча производится не теми кустарными способами, как в Бухаре (промывание песочного золота на бараньих шкурах), он обратился к русскому правительству с просьбой прислать соответствующего специалиста, могущего произвести необходимые исследования. Однако практические результаты разведки Бутенева удовлетворить эмира не могли, так как крупных месторождений золота вопреки желанию бухарского правителя, обнаружить не удалось[13]. Ценным было то, что Бутенев и его спутники собрали обширный и разнообразный материал для характеристики как производительных сил Бухарского ханства, так и быта его населения. Особого внимания заслуживает «Описание Бухарского ханства» Н. В. Ханыкова, который побывал в Бухаре в качестве помощника К. Ф. Бутенева. Его рукопись была издана в 1843 г. отдельной книгой. К моменту ее появления Бухара отнюдь не была белым пятном в научной литературе, однако Н. В. Ханыкову удалось сказать о ней новое слово, поэтому его книга в то время вызвала восторженные отзывы знатоков истории Средней Азии. Крупнейший специалист И. В. Мушкетов считал исследование Н. В. Ханыкова «чрезвычайно обстоятельным...», содержащим «всю сумму новейших для того времени сведений о Бухаре»[14]. После выхода этой книги,— констатировал В. В. Бартольд,—«многие русские исследователи имели возможность посетить Бухарское ханство при еще более благоприятных условиях, чем Ханыков; тем не менее его книга остается и до сих пор лучшим описанием ханства».

В своей книге Н. В. Ханыков дает подробные сведения о стране, о населении, в особенности об административном устройстве, подробно описывает базары, торговые ряды и караван-сараи. «Исключительные достоинства книги Ханыкова,— отмечал В. В. Бартольд,— возбуждают еще больше удивления, если вспомнить, что автору во время пребывания в Бухаре было 19 лет, во время издания книги — 21 год»[15].

---

[12] Записки о Бухарском ханстве (Отчеты П. И. Демезона и И. В. Витке-вича). М.: Изд-во восточной литературы, 1983. С. 5.

[13] Иванов П. П. Очерки истории Средней Азии (XVI—середина XIX в.). М., 1958. С. 145.

[14] Мушкетов И. В. Туркестан. Т. 1. Ч. 1. Спб., 1886. С. 98—99.

[15] Бартольд В. В. Соч. Т. IX. С. 440.

Историю Хивинского ханства освещают труды Г. И. Данилевского[16], большой фактический материал о Кокандском ханстве содержит работа В. Наливкина[17], позволяющая понять реакционный характер правления кокандских ханов. Однако в работе нет характеристики социально-экономического строя Кокандского ханства, а приводимый фактический материал не содержит серьезного научного аппарата.

В начале 60-х годов XIX в. свое знаменитое путешествие по Средней Азии совершил венгерский ориенталист-тюрколог А. Вамбери. Путешествуя под видом дервиша, что было возможно, разумеется, лишь при условии прекрасного знания языка и быта местных жителей, он мог наблюдать те стороны жизни населения Средней Азии, которые для обыкновенных путешественников того времени были недоступными. Результаты своих путешествий А. Вамбери изложил в книге «Путешествие по Средней Азии», которая была издана в 1865 г. в Санкт-Петербурге. Им были опубликованы также «Очерки Средней Азии» и другие сочинения, представляющие значительный интерес для исследователей.

Русские путешественники посещали не только Бухару, Хиву и Коканд, они ездили и в другие города Средней Азии. Так, Миллер и Кошелев в 1739 г., Поспелов и Бурнашев в 1800 г., Ф. Назаров в 1813 г. побывали в Ташкенте. Сведения, сообщенные Миллером, вошли в «Историю Оренбургскую» П. И. Рычкова[18]; материалы поездки Поспелова и Бурнашева были опубликованы с примечаниями Н. В. Ханыкова в «Вестнике императорского русского географического общества» в 1851 г. (ч. I, кн. I, VI, с. 11—56).

Следует отметить, что русские путешественники и участники русско-среднеазиатских посольств в большинстве своем были представителями царской администрации. Поэтому при всех достоинствах их научных трудов приводимые в них данные требуют осторожного и критического подхода. В частности, как представители своего класса они не могли быть объективными к оценке древней среднеазиатской культуры, порой даже отрицали наличие ее у этих народов.

Среди исследователей можно назвать еще десятки имен, с деятельностью которых было связано изучение Оренбургского края и среднеазиатских ханств. Каждый из них внес свой определенный вклад в дело познания и изучения положения в Средней Азии.

Изучение истории взаимоотношений России с среднеазиатскими ханствами справедливо связывается с именем П. И. Рычкова — первого историографа Оренбургского края. Вышедший из посадской среды города Вологды, он не смог получить систематического образования, но благодаря трудолюбию, упорству и таланту стал

---

[16] Данилевский Г. И. Описание Хивинского ханства//ЗИРГО. Кн. 5. 1851.

[17] Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886.

[18] Рычков П. И. История Оренбургская (1730—1750). Издание Оренбургского статистического комитета. Оренбург, 1896.

широко образованным человеком своего времени. Он оставил много интересных исследований по истории, географии, экономике, отчасти агрономии, ботанике, зоологии и геологии Оренбургского края. Самым важным его трудом бесспорно признана «Топография Оренбургской губернии», первоначально напечатанная в журнале Миллера «Ежемесячные сочинения и переводы» за 1762 г. Биограф Рычкова академик П. П. Пекарский, писал, что «появление в свет «Топографии Оренбургской губернии» Рычкова было для своего времени событием заметным и в литературе и в обществе. Из нее впервые узнали о крае, малоизвестном не только широкой публике, но и самому русскому правительству»[19].

Представляет интерес и другая его работа —«История Оренбургская» (1730—1750)», изданная Оренбургским статистическим комитетом в 1896 г., и многочисленные статьи, опубликованные в журналах.

В основу нашей работы положены материалы монографии В. Н. Витевского «И. Н. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г.»[20], опубликованной в четырех томах в 1897 г. в Казани. Этот труд является первоисточником, его отличают обилие материала, в том числе архивного, тщательно разработанного, последовательность изложения. Данная монография основана на официальных источниках, притом очень редких, не всегда и всем доступных. Она является справочной книгой для историков, занимающихся исследованием отношений России со среднеазиатскими ханствами и казахскими жузами.

Большой интерес представляют также работы таких дореволюционных авторов, как А. Н. Попов, А. Шепелев, С. В. Жуковский, Н. И. Веселовский, П. И. Небольсин, В. В. Вельяминов-Зернов, А. Вамбери и др.[21]

Труды дореволюционных историков содержат обширные и обстоятельные фактические материалы, в том числе забытые и малоизвестные. Однако в большинстве их история Средней

---

[19] Пекарский П. П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. Спб., 1867. С. 66.

[20] Витевский В. Н. И. Н. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т. 2. Казань, 1897. С. 297—298.

[21] Попов А. Н. Сношения России с Хивою и Бухарою при Петре Великом//Записки императорского русского географического общества. Кн. IX. Спб., 1853. С. 319—324; Шепелев А. Очерк военных и дипломатических сношений России со Средней Азией до начала XIX в.//Альманах «Средняя Азия». Ташкент, 1895. С. 1—57; Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие//Труды общества русских ориенталистов. Пг., 1915. № 2; Веселовский Н. И. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. Спб., 1877; Небольсин П. И. Очерки торговли России со странами Средней Азии, Хивой, Бухарой и Кокандом (со стороны Оренбургской линии)// ЗРГО. Т. X. Спб., 1856; Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России с Среднею Азиею со времени кончины Абул-Хайр хана (1748—1765 гг.)//Вельяминов-Зернов В. В. Соч. Т. I. Уфа, 1853; Вамбери А. История Бохары или Трансоксании с древнейших времен до настоящего/Пер. А. И. Павловского. Т. 1—2. Спб., 1873.

Азии освещается с точки зрения интересов царского самодержавия, которому нужно было узнать многое о среднеазиатских ханствах, включенных в орбиту влияния многонациональной Российской империи. При критическом использовании эти материалы дают возможность обобщить отдельные исторические факты, разбросанные по страницам дореволюционных исследований, использовать их рациональное зерно.

Дворянско-буржуазной историографии противостояла революционно-демократическая историческая школа, возглавляемая Белинским, Чернышевским, Добролюбовым и другими. Верно отражая действительность, они требовали бережного отношения к национальной культуре и традициям народов окраин, правдивого описания их жизни. Они подчеркивали, что «настоящий патриотизм, как частное проявление любви к человеку, не уживается с неприязнью к отдельным народностям»[22].

Кроме материалов, извлеченных из трудов русских путешественников и дореволюционных историков, в нашу монографию вошли документы, данные научно-справочной литературы и периодических изданий, хранящихся в Государственном архиве Оренбургской области (ГАОО); частично использованы материалы архивов Ленинграда и Москвы.

Большое научно-историческое значение имеют материалы Оренбургской ученой архивной комиссии (ОУАК), просуществовавшей с 1887 по 1913 г. и издавшей 35 томов, в которые кроме протоколов заседаний и отчетов о деятельности комиссии вошли научные исследования, написанные на основе архивных документов.

Значительное количество документальных материалов содержит Государственный архив г. Оренбурга, которые, однако, разобщены по ряду фондов больших и малых, первостепенных и второстепенных. Поэтому, чтобы не пропустить их, приходилось просматривать массу дел, отбирая самые нужные.

В процессе работы над книгой мы обращались к трудам советских историков, в которых так или иначе затрагивалась интересующая нас тема.

Изучение истории Средней Азии теснейшим образом связано с именем выдающегося ученого-востоковеда В. В. Бартольда, который отмечал, что «история среднеазиатских ханств XVIII—XIX вв. принадлежит к числу наименее разработанных отраслей истории Востока, что объясняется не отсутствием источников, а равнодушием исследователей»[23]. В речи «Задачи русского востоковедения в Туркестане», предназначенной для произнесения на торжественном годовом собрании Академии 29 декабря 1914 г., он сказал: «Долг великой страны вести свое население, без различия национальностей, не назад, а вперед; но тщатель-

---

[22] Добролюбов Н. А. Соч. Т. 3. С. 227—228.
[23] Бартольд В. В. Соч. Т. II. Ч. II. М., 1964. С. 400.

ное изучение культуры былых времен и бережная охрана памятников этой культуры остаются одними из основных признаков культурного государства»[24].

Для характеристики политического и социально-экономического положения среднеазиатских ханств в изучаемый период во многом помогли труды П. П. Иванова, О. Д. Чехович, Е. А. Давидович, М. А. Абдураимова, Б. Г. Гафурова[25], а также материалы «Истории Узбекской ССР», «Истории таджикского народа» и сборника «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках»[26]. Использовались также труды таких видных советских историков, как А. В. Панков, Е. Б. Бекмаханов, Н. Г. Аполлова, П. Е. Матвиевский, Х. З. Зияев, Н. Б. Байкова, Е. Я. Люстерник, Б. В. Лунин и других, исследовавших историю Средней Азии и взаимоотношения ее с другими странами[27].

В 1982 г. автором настоящей монографии была издана книга «Торговые посольские связи России со среднеазиатскими ханствами через Оренбург (XVIII — первая половина XIX в.)». В ней была высказана мысль о том, что в торговле баланс почти всегда был не на стороне среднеазиатских ханств, как это утверждалось во многих книгах, посвященных истории взаимоотношений России со среднеазиатскими ханствами, а в пользу Российского государства. В настоящем исследовании эти доводы подтверждаются новыми архивными материалами. Многие данные вводятся в научный оборот впервые.

---

[24] Там же. Т. IX. М., 1977. С. 533.

[25] Иванов П. П. Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.). М., 1958; Чехович О. Д. К вопросу о периодизации истории Узбекистана (XVI—XVIII вв.)//Известия АН УзССР. 1954. № 5; Ее же. О некоторых вопросах истории Средней Азии XVIII—XIX веков//Вопросы истории. 1956. № 3; Давидович Е. А. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв. (золотые и серебряные монеты Джанидов). Душанбе, 1964; Ее же. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М., 1970; Абдураимов М. А. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI — первой половине XIX в.; Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972.

[26] История Узбекской ССР. Т. I. С древнейших времен до середины XIX в. Ташкент, 1957; История таджикского народа. Т. II. Кн. вторая. М., 1964; Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. Алма-Ата, 1961.

[27] Панков А. В. К истории торговли Средней Азии с Россией XVI—XVII вв.//В. В. Бартольду/Сб. статей. Ташкент, 1927; Бекмаханов Е. Б. Присоединение Казахстана к России. Алма-Ата, 1957; Аполлова Н. Г. Присоединение Казахстана к России в начале XVIII в. Алма-Ата, 1948; Ее же. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX в. М., 1960; Матвиевский П. Е. Оренбургский край в Отечественной войне 1812 г.//Ученые записки Оренбургского госпединститута. Вып. 17. Оренбург, 1962; Зияев Х. З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI — XIX вв. Ташкент, 1983; Его же. Ташкент в XVIII — первой половине XIX века (по данным русских источников)//Общественные науки в Узбекистане. 1983. № 4; Байкова Н. Б. Роль Средней Азии в русско-индийских связях. Ташкент, 1964; Люстерник Е. Я. Русско-индийские экономические связи в XIX в. М., 1958; Лунин Б. В. История Узбекистана в источниках. Известия путешественников, географов и ученых XVI — первой половины XIX в. Ташкент, 1988.

Глава 1

СОСТОЯНИЕ РЕМЕСЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ХАНСТВАХ В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Важным фактором в подъеме экономики среднеазиатских ханств являлась караванная торговля, которая способствовала развитию прозводительных сил тех районов, через которые проходила. Особенно влияла она на развитие ремесла, способствуя подвижности населения, взаимовлиянию культур, разложению, хотя и медленному, старых и возникновению новых общественных отношений.

Значительными экономическими сдвигами, выразившимися в развитии производительных сил в ханствах, характеризуется вторая половина XVIII в. Среднеазиатские ханства в это время входят в орбиту большого политического влияния России и постепенно вовлекаются в сферу международного обмена. Как отмечает П. П. Иванов, международный, в частности российский рынок, уже во второй половине XVIII в. «начинает предъявлять усиленный спрос на среднеазиатское сырье и некоторые изделия, стимулируя таким образом местное производство и вызывая там соответствующую перестройку производственных отношений внутри местного общества, насколько это было вообще здесь возможно»[1].

В связи с крайней необеспеченностью как скотоводческого, так и земледельческого населения, большое значение в экономике ханств имело ремесло, широко распространеннос среди городского и сельского населения. Путешественники, побывавшие в Бухарском ханстве в этот период, довольно подробно описывают существовавшие здесь ремесленные предприятия по изготовлению различного рода тканей, производству шелка и готовых изделий из них. Крупное промышленное производство не было развито и не достигало даже того уровня, на котором находилась европейская мануфактура XV—XVI столетий[2]. Некото-

---

[1] Иванов П. П. Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX века). М., 1958. С. 113.

[2] Там же. С. 124.

рые русские путешественники называют ремесленные предприятия среднеазиатских городов «фабриками», однако, как правильно отмечает О. Д. Чехович, это были лишь ремесленные мастерские, чаще всего с одним-двумя рабочими[3].

Наряду с ремеслом на территории Бухары, Хивы и Коканда широкое распространение имела домашняя промышленность, продукция которой была рассчитана не только на удовлетворение потребностей семьи, но отчасти шла на продажу[4]. Домашняя ткацкая промышленность, тесно связанная с земледелием, была основой производства хлопчатобумажных изделий, вывозившихся в Россию, казахские степи и другие соседние страны. Она была основана главным образом на переработке сырья в том хозяйстве (крестьянской семье), которое его добывало. «Домашние промыслы,— отмечал В. И. Ленин,— составляют необходимую принадлежность натурального хозяйства, остатки которого почти всегда сохраняются там, где есть мелкое крестьянство»[5].

Характеризуя домашнюю промышленность Бухарского ханства, грек Н. Григорьев, проживший в Бухаре с 1734 по 1752 гг., констатировал, что «...мануфактурная фабрика там только одна собственная помянутого Рагим-бека, да и та небольшая, в которой делают шелковые парчи и бархат, однакож де оныя и прочие жители у себя в домах своими руками прядут и платки и кисеи и другие шелковые, а также и бумажные вещи из них ткут; других же фабрик, ни заводов никаких там нет»[6].

О домашнем характере текстильного производства Бухары писал и Т. С. Бурнашев, побывавший там в 1794—1795 гг.: «Некоторые из сельских жителей, подобно городским прядут бумагу и шелк, и ткут материи, но те и другие не имеют для сих работ особенных зданий, а исправляют их в своих домах»[7]. Основная масса ремесленников, даже организованная в цехи, не имела достаточных средств для закупки сырья и потому должна была нести на себе всю тяжесть эксплуатации представителями местного торгово-ростовщического капитала. Говоря об организации ремесла в Средней Азии и о положении местного ремесленника, П. П. Иванов приводит сообщение одного из путешественников, «что капиталист раздает известным ему семействам очистку

---

[3] Чехович О. Д. К истории Узбекистана в XVIII в.//Труды Института востоковедения АН УзССР. Вып. III. Ташкент, 1954. С. 48.

[4] Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России с Средней Азией со времени кончины Абул-Хайр хана (1748—1765 гг.)//Вельяминов-Зернов В. В. Соч. Т. I. Уфа, 1853/Приложение (с. 8—32). Показания грека Николая Григорьева, жившего в Бухаре с 1734 до 1752 г. и выехавшего оттуда в Россию. Показание снято в Оренбургской губернской канцелярии 8 декабря 1852 г., с. 20.

[5] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 328.

[6] Показания грека Николая Григорьева... С. 20.

[7] Путешествие Т. С. Бурнашева от Сибирской линии до города Бухары в 1794 г. и обратно в 1795 г./Изложено Г. Спасским//Сибирский вестник. 1818. № 3.

хлопка, другим прядение, третьим ткачество, четвертым окраску и т. д., что не обязывает его ни к устройству помещения для мастерских, ни к покупке станков, ни к плате за то время, которое рабочие сидели без работы»[8].

В некоторых районах Бухарского ханства выделялись такие отрасли кустарной промышленности, продукция которых шла в значительном количестве на рынок (металлические, гончарные и другие изделия). Особенное распространение получило производство шелковых, шерстяных и хлопчатобумажных тканей, причем в одной местности производились исключительно шерстяные, в другой — хлопчатобумажные ткани[9]. Коканд, Бухара, Ходжент были центрами хлопчатобумажной промышленности, производство шелковых тканей сосредоточено было в Бухаре, Маргилане, отчасти в Ходженте. По свидетельству Ефремова, в городах Бухарского ханства значительного уровня достигла выделка разноцветных хлопчатобумажных, шелковых и полушелковых тканей[10].

На подъем ткачества большое влияние оказывали прежде всего торговые связи между ханствами, с кочевой казахской степью, а также установление деловых контактов с соседними странами и с Россией. «Ткачество,— отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс,— было первой из мануфактур и оставалось главной из них. Возросший вместе с ростом населения спрос на ткани для одежды; накопление и мобилизация естественно сложившегося капитала, начавшиеся благодаря ускорившемуся обращению; потребность в предметах роскоши, порождённая этим и стимулируемая постепенным расширением торговли,— всё это дало толчок количественному и качественному развитию ткачества, вырвало его из рамок прежней формы производства»[11].

Широкий спрос на среднеазиатские хлопчатобумажные ткани сделал наиболее распространенным в Средней Азии хлопчатобумажное производство, в котором было занято наибольшее число рук. Оно существовало кустарно и включало такие отрасли, как очистка хлопка, прядение, ткачество, красильное дело и т. п. Странствовавший по Средней Азии в 70-х годах XVIII в. Ф. Ефремов писал, что в Бухаре «...в великом количестве родится хлопчатой бумаги, из коей прядут пряжу, а из пряжи ткут чадры, широкий холст, с которого в России делается полуситец, набойка, *кисеи, пестреди, выбойки, фаты, бурметы, бязи и другие разные* ткани, и отвозятся в другие государства...»[12].

---

[8] Иванов П. П. Указ. соч. С. 124—125.

[9] Гребенкин А. Д. Узбеки//Русский Туркестан. Вып. 2. М., 1872. С. 104.

[10] Российского унтер-офицера Ефремова, ныне коллежского асессора, десятилетнее странствование и приключения в Бухарии, Хиве, Персии и Индии, и возвращение оттуда чрез Англию в Россию, писанное им самим. Спб., 1786. С. 64.

[11] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 55.

[12] Лунин Б. В. История Узбекистана в источниках. С. 119.

Основными производителями хлопчатобумажной пряжи, тканей и изделий из них были дехкане и городские ремесленники. В Средней Азии не было «фабрик в том смысле, как мы их понимаем,— писал П. И. Небольсин.— Каждый житель, занимавшийся разведением хлопчатой бумаги, заставляет свою челядь делать из нее пряжу; каждый житель, имеющий лишнюю копейку, скупает ее на базарах; и тот и другой раздают по рукам для выткания из нее грубой материи, вроде холста, и известной под общим названием бязи». После окраски в синий цвет ее называли «зендень»; частью она окрашивалась марсной в рыжеватый цвет и принимала название «выбойки». Из шелка чистого или с примесью в бухарских семействах изготовляли полосатые материи, похожие по качеству на русские серпянки и называющиеся «сусой» или «алачей». Крашением пряжи занимались почти всегда женщины, «изготовляющие изделия про свой обиход и частью на продажу, из необходимости поддержать незавидное существование своих семейств»[13].

В расширении производства среднеазиатских ремесленных изделий русское правительство было очень заинтересовано, считая, что «не только нельзя и не должно вытеснять туземной промышленности на среднеазиатских рынках, но необходимо даже допускать их в Россию, так как иначе Туран не имел бы способов платить нам за отправляемые в него продукты и, следовательно, был бы принужден отказаться от значительной части их»[14],— писал Г. И. Данилевский. Большой спрос на ткани и изделия из них повлек за собой значительное развитие текстильных ремесел и рост городов Средней Азии. Изделия среднеазиатских ремесленников особенной популярностью пользовались у кочевников, так как были добротными и стоили очень дешево. В большом количестве среднеазиатские ткани производства бухарских и кокандских ремесленников вывозились в Поволжье и Сибирь. Ремесленная промышленность была там слабо развита, поэтому среднеазиатские купцы долгое время держали монополию в своих руках.

По данным Оренбургской пограничной таможни, с 1840 по 1850 г. из Средней Азии в Россию было вывезено хлопчатобумажных тканей и изделий из них более чем на 4 млн руб. серебром, тогда как русских фабричных материй в Среднюю Азию за это же время поступило только на 1,5 млн руб.[15] В пограничных городах России и в Сибири продавались разноцветные хлопчатобумажные, шелковые и полушерстяные ткани среднеазиатских ремесленников, которые благодаря прочности и дешевизне поль-

[13] Небольсин П. И. Очерки торговли России со странами Средней Азии, Хивой, Бухарой и Кокандом (со стороны Оренбургской линии). Спб., 1856. С. 26.

[14] Залесов Н. Посольство в Хиву подполковника Данилевского в 1842 г. Туркестанский сборник. Т. V. С. 217—218.

[15] История Узбекской ССР. Т. 1. С. 19, 29—30.

зовались здесь большим спросом. По свидетельству А. Вамбери, особенно в большом употреблении была алача, из которой шили мужскую и женскую одежду. В Хиве алачу ткали из хлопка и шелка, а в Бухаре и Коканде — только из хлопка. Здесь не существовало портных, поэтому ремесленники сами ткали и сами шили платья, халаты и другие изделия, реализуя свою продукцию в готовом виде[16].

Во время пребывания Вамбери в Средней Азии, как жаловались сами жители, цены на готовые платья были высокими: хивинские платья первого сорта стоили 30 таньга, второго — 20 и третьего сорта — 8 таньга; бухарские — соответственно 20, 12 и 8 таньга, кокандские — 18, 8 и 5 таньга[17].

Кроме алачи, среднеазиатские ремесленники вырабатывали шелковые материи, шерстяные шали для тюрбанов и полотно, большей частью грубых сортов, из которого выделывали нечто вроде коленкора с темно-красными разводами, употребляемого в Средней Азии для постельных покрывал[18].

По данным «Военно-статистического сборника», бухарские ремесленники для экспорта в Россию вырабатывали канаус, которую продавали кусками от 8 до 20 аршин. Из шерсти овец, верблюдов и ослов они изготовляли войлоки, валяные шляпы и грубую толстую ткань, из нее шили мешки, чтобы складывать в них небьющиеся товары, отправляемые с караванами в Россию и другие страны[19].

В Бухаре, Самарканде и Каратаге, по данным А. К. Писарчик, выделывали шелковые ткани «шохи» и атлас с богатым и разнообразным орнаментом «абр» (облако). В Ходженте, кроме того, ткали полушелковые ткани — пестрый адрас и полосатый бекасаб, а также бумажные полосатые ткани алачи и калами[20].

Во второй половине XVIII — первой половине XIX в. местное производство в Средней Азии не выходило за рамки мелкой кустарной промышленности. Основными орудиями ремесленного производства служили хлопкоочистительный станок и деревянная прялка. Для прядения грубой пряжи из хлопка или шерсти повсеместно применялось ручное верстено. Главным же орудием производства был ткацкий станок простейшей конструкции[21].

Е. К. Мейендорф подчеркивает, что кустарные мастерские в Бухарском ханстве не были крупными, в них одновременно было занято не более 4—5 человек. Самое большое количество

[16] Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. Спб., 1865. С. 210—211.
[17] Там же.
[18] Там же.
[19] Военно-статистический сборник/Под. общ. ред. Н. Н. Обручева. Вып. III. Спб., 1869; Туркестанский сборник. Т. XXX. Спб., 1870. С. 112.
[20] Писарчик А. К. О народном прикладном искусстве Таджикистана// Труды АН Таджикской ССР. Т. XXIX. Вып. 2. С. 62.
[21] История таджикского народа. Т. II. Кн. вторая. С. 95.

рабочих рук, по его свидетельству, было занято на выращивании и обработке хлопка[22]. О том, что «разведение хлопчатой бумаги составляет также немаловажный предмет промышленности жителей Бухары»,— писал и Т. С. Бурнашев, отмечая при этом, что зерна от хлопка отделяются «на особых станах»[23]. Подробное описание процесса отделения хлопкового волокна от семян приводит в своей книге Мейендорф[24]. Очисткой хлопка, как заметил он, обычно занимались женщины, возмещая этим самым стоимость своего содержания в женской половине бухарского дома (ичкари.— *Г. М.*).

Из хлопка «бухарцы прядут хлопчатую бумагу и делают из нее различные ткани как для собственного употребления, так и для отпуска в Россию и другие места»— сообщал из Бухары Т. С. Бурнашев[25].

Хлопчатобумажные ткани, сотканные из хлопкового волокна, частично поступали для обработки к красильщикам, частично — к печатникам. Много хлопчатобумажной материи оставалось в самой Бухаре, где весь народ, как заметил Е. К. Мейендорф, одевался в хлопчатобумажные ткани[26].

Следует отметить, что бухарцы носили самую простую одежду, однообразную и бедную. Священник И. Ф. Будрин, посетивший Бухару в 1820 г. в составе экспедиции А. Негри, писал, что мужчины поверх рубашек носили халаты из шелковых и бумажных тканей — два, три и четыре, которые большей частью не подпоясывались[27]. Количество надеваемых халатов зависело от состояния погоды. «Там говорят,— замечал Н. С. Шустиков— холод в два халата, в три и т. д.»[28]. На голове бухарцы носили чалму из индийской кисеи или из белой и синей бязи. «Без такого наряда никому не позволяли выходить из дома». Женская одежда состояла из рубашки «полукафтанья», а сверху «из халата с узкими и столь длинными рукавами, назади сшитыми вместе, что когда она идет, то концы халата тащатся по земле. Халаты эти (паранджа) они одевают при выходе на улицу и всегда закрывают (лицо) черной сеткой (чачваном.— *Г. М.*)». Все — от мала до велика — носили одежду не только одного покроя, но почти и из одинаковых материалов, главным образом из хлопчатобумажных тканей. Мало-мальски зажиточные люди носили особую обувь: нечто вроде кожаных чулок

---

[22] Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. С. 114.

[23] Бурнашев Т. С. Указ. соч. С. 76—77.

[24] Мейендорф Е. К. Указ. соч. С. 114.

[25] Бурнашев Т. С. Указ. соч. С. 76—77.

[26] Мейендорф Е. К. Указ. соч. С. 114.

[27] Справочная книжка Оренбургского края на 1871 год./Отд. II. Оренбург, 1871. С. 1—45.

[28] Шустиков Н. С. Природа, люди и промышленность Туркестанского края//Оренбургский листок. 1895. 23 апреля.

(ичиги. — *Г. М.*), на которые надевали калоши (кауши) из лошадиной кожи[29].

Труд ремесленников, работающих в кустарных мастерских Бухарского ханства, был дешевым. Из-за дешевизны хлопка, шерсти, шелка и марены, а также вследствие дешевой рабочей силы кустарные изделия, вырабатываемые в ремесленных мастерских, также были дешевыми, хотя и не очень добротными. Выбойки получались неровные, но очень плотные и окрашивались в самые стойкие цвета. Для их изготовления бухарцы не жалели ни пряжи, ни марены.

Цены на выбойку были тоже низкими, поэтому ее раскупали быстро. Кусок, из которого можно было сшить два женских платья, стоил от 1 руб. 25 коп. до 1 руб. 50 коп. русскими деньгами[30]. В большом количестве бухарскую выбойку приобретали жители Оренбургской губернии, высоким спросом она пользовалась также у прилинейных казахов[31]. Пользовавшиеся успехом в России среднеазиатские ткани, однако, не привлекали внимания европейских купцов[32].

Ремесленники-ткачи, специализируясь на одном-двух видах изделий, достигали высокой степени совершенства, но это не облегчало их положения. «Их нещадно эксплуатировали феодалы. Работая с раннего утра до позднего вечера, ткач успевал изготовить на своем примитивном станке лишь четыре, редко восемь аршин ткани и при самом напряженном труде зарабатывал всего десять копеек в день»[33].

Дешевыми в Бухаре были и шерстяные изделия. Шерстяное производство почти исключительно было занятием кочевников. Переносное жилье кочевника (кибитка или юрта), войлок, расстилаемый на земле и заменяющий мебель, ковры и паласы, украшающие жилье, халаты из армячины и летние войлочные шляпы, а также мешки для хранения домашнего скарба и навьючивания на верблюдов при перекочевках, арканы, нитки, покрывала для животных — все это изготовлялось из шерсти. Особенно популярными среди жителей культурных оазисов были войлочные шляпы, узорчатые войлоки и полосатые мешки. Приобретая таковые у кочевников, оседлое население среднеазиатских ханств некоторые другие предметы из шерсти — сукна, ткани из козьего пуха и др., производило у себя. Ряд изделий ремесленного производства жители Бухарского ханства приобретали у туркмен, например, попоны для лошадей, шерстяные ковры, ткани из верблюжьей шерсти, войлоки из козьей шерсти, а также черкелы (род ткани хорошего качества)[34]. Большое значение как торгово-ре-

[29] Там же.
[30] ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 7736, л. 21—32.
[31] Там же, л. 24 об. и 25.
[32] Там же, л. 47—об.
[33] Радлов В. В. Средняя Зеравшанская долина//Записки ИРГО. Отделение статистики. Т. VI. Спб., 1880. С. 43.
[34] Мейендорф Е. К. Указ. соч. С. 115.

месленные центры имели южнотуркменские города Мерв и Абиверд, в которых производились не только предметы из шерсти (кошмы и ковры), но и из металла и керамики[35].

Очень важную роль в экономической жизни населения ханств играло шелководство, которое в Средней Азии было мелкокустарным. Везде, где узбеки и таджики составляли основную массу населения, «шелководством занимались и старый и малый. Главными центрами шелководства были Самарканд и Бухара, а на севере — Ходжент и Фергана»[36]. Шелк бухарцы получали из шелковичных червей, для которых вдоль каналов в изобилии выращивали тутовые деревья. Из шелка ремесленники ткали парчу, атласы, сусы и другие материи, но по своему качеству они уступали российским[37].

По свидетельству Е. К. Мейендорфа, в Бухаре выделывали два сорта шелковой материи, качество которой различалось по количеству содержащейся в ней шелковой нити и добавляемого хлопкового волокна. Один сорт шелковых тканей вырабатывался в полоску разных цветов, другой сорт представлял собой разноцветную пеструю ткань с преобладанием красного цвета. Расплываясь, цвета переходили один в другой. Окрашивание шелковых тканей значительно удорожало их цену[38].

Наблюдая за процессом изготовления шелковых тканей, Е. К. Мейендорф заметил, что шелковые нити протягивались из одного конца комнаты в другой, сосчитанные и отделенные друг от друга сообразно намеченному рисунку. Усевшись у одного края, ремесленник при помощи челнока пропускал поперек шелковых бумажные нити, сближая их гребнем. Этим способом, похожим на европейский, вырабатывалась довольно плотная ткань, окраска которой получалась очень прочной. Крашение шелка и шелкоткачество было весьма распространено в Бухарском ханстве, но особенно любимым занятием оно было у бухарских евреев, которых, по данным Е. К. Мейендорфа, насчитывалось в Бухаре около 800 домов[39].

О том, что бухарские евреи занимаются выращиванием шелковичных червей, красят шелк, ткут из него шелковые платки и материи, сообщал еще раньше А. Субханкулов, который посетил Бухару в 1809 г. Земледелием они не занимались[40]. Учитывая это, русское купечество старалось наладить через них торговлю шелком. Бухарские евреи охотно скупали российские товары; продажа среднеазиатских товаров в основном также была сосредо-

---

[35] История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 3. Ч. IV. Кн. вторая. М., 1964. С. 1192.

[36] Оренбургский листок. 1895. 21 мая.

[37] Справочная книжка Оренбургского края за 1871 г. С. 1—45.

[38] Мейендорф Е. К. Указ. соч. С. 114—115.

[39] Там же.

[40] ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 291, л. 146.

точена в их руках[41]. Но большей частью они увлекались красильным делом. Для окрашивания тканей в черный или темно-синий цвета они использовали брусковую краску индиго, для окрашивания в синий и коричневый цвета — сандаловое дерево, которое доставлялось в Бухару из Оренбурга. Расходы на перевозку повышали его стоимость на 100%[42]. Однако эта краска была очень непрочной, поэтому для окрашивания шелковых материй бухарские евреи использовали растительную красную краску кошениль. Ее добывали в Бухаре и называли «кермез». Этой краской окрашивали не только шелк, но и сукна, которые назывались кармазинными[43].

Желтая краска получалась из испарака (род дельфиниума или генисты), который доставлялся из Шахрисабза.

Для достижения белого цвета ремесленники использовали некоторые части саксаула, называемые «ишкар». Розовая краска получалась путем кипячения местного бухарского растения гулимахсар, темно-красный цвет — путем отвара ветвей кустарника рузан, который смешивали с кошенилью[44].

С похвалой отзываясь о хорошем состоянии красильного дела, Е. К. Мейендорф писал, что в целом ремесла в Бухаре находятся в жалком состоянии. Очень несовершенным было кустарное производство, которое занималось дублением кож. Кожа получалась непрочная, поэтому в большом количестве ее, главным образом сафьян (красную кожу), ввозили из России. Здесь хорошо было налажено производство шагреневой кожи всех цветов (местное название «саури»), которая употреблялась для изготовления калош (каушей) и туфель зеленого или черного цвета. Из нее делали также ножны для сабель и футляры для ножей. Сауровую кожу вырабатывали из шкур баранов, козлов и ослов[45].

За исключением мешков для воды, которые выделывались из русской кожи, все предметы упряжи и другие шорные изделия изготовлялись из местного сырья. Выделкой кожевенных предметов, — как свидетельствует А. Вамбери, — особенно славились Бухара и Коканд. В Хиве выделывали только один сорт толстой кожи. Из нее шили башмаки и сапоги. Из более тонких полос изготовляли махси (ичиги) и носили их с башмаками (кауши), сшитыми из самой толстой кожи[46].

Наиболее развитыми в Бухарском ханстве были шорное и седельное ремесла, продукцией которых были завалены все базары ханства. Шорно-седельные изделия изготавливались также

---

[41] ЦГИАЛ, ф. 13, оп. 2, д. 1149, Спб., 1806, л. 1—17.
[42] Мейендорф Е. К. Указ. соч. С. 115.
[43] Попов А. Н. Сношения России с Хивою и Бухарою при Петре Великом//Записки ИРГО. Кн. IX. Спб., 1853. С. 68.
[44] Мейендорф Е. К. Указ. соч. С. 115—116.
[45] Там же. С. 116, 118.
[46] Вамбери А. Указ. соч. С. 211.

на вывоз и особенно большим спросом пользовались у казахов[47]. В связи с этим отмечается относительно высокий удельный вес кожевенного сырья (13%) в Бухарском вывозе, что, в свою очередь, имело большое влияние на развитие кожевенной промышленности в России, в частности в пограничной Оренбургской губернии, где, по данным отчетов военного губернатора, к 1837 г. работало 59 кожевенных заводов[48].

В Бухаре выделывали отличную булатную сталь, из которой изготовлялись превосходные ножи. Ножи делались также из клинков сломанных сабель, доставляемых из Индии. Хорошего качества большие ножи стоили от 1 до 3 тилля; бухарскую саблю продавали за одну тилля; хорошие персидские сабли стоили в десять раз дороже[49]. Красивые ножи из стали с рукоятками, выложенными золотом и серебром, изготовлялись в Карши[50], который по своему положению и коммерческому значению считался вторым городом в Бухарском ханстве. По данным А. Вамбери, в городе было 10 караван-сараев и довольно богатый рынок. Ножевые изделия каршинских ремесленников хорошо расходились не только в Средней Азии, они вывозились также в Персию, Аравию, где их покупали по ценам, втрое и даже вчетверо превышавшим стоимость. Большим вкусом и прочностью отличались ножи из дамасской стали с рукоятками, выложенными золотом и серебром[51].

Из-за незначительного количества своего металла производство металлических изделий в Бухарском ханстве было ограничено почти одним только кузнечным делом. Как свидетельствует грек Николай Григорьев, «...медь, железо и чугун в деле и ни в деле получают они (бухарцы. — *Г. М.*) торгом, именно серебро и не в деле медь из Персии... Железо и чугун из города Исарь (Гиссар. — *Г. М.*), состоящего от Бухарии ездою в шести днях; и из меди и железа посуду и всякие потребные домовые вещи, и недавно из чугуна и пушки и из железа ружья, турки и винтовки також и порох... делают уже у себя»[52].

Ввоз металла из России до начала XIX в. был запрещен, изредка делались исключения по просьбе бухарских правителей. Так, в 1731 г. бухарскому эмиру было разрешено купить в России до 3 тыс. пудов меди[53]. В начале XIX в. бухарские купцы вывозили из России уже значительное количество железа и меди. Из русской меди в Бухаре изготовляли посуду и чеканили монету, из железа — земледельческие орудия и др. Однако русские предпри-

[47] Туркестанский сборник. Т. XXX. Спб., 1870. С. 112.

[48] Бунаков Е. В. К истории сношений России со среднеазиатскими ханствами в XIX в.//Советское востоковедение. М.—Л., 1941. II. С. 5—26.

[49] Мейендорф Е. К. Указ. соч. С. 116.

[50] История таджикского народа. Т. II. Кн. вторая. М., 1964. С. 95.

[51] Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. Спб., 1865. С. 114.

[52] Вельяминов-Зернов В. В. Исторические известия о киргиз-кайсаках... Приложение. С. 21—22.

[53] История Узбекской ССР. Т. I. Кн. вторая. Ташкент, 1956. С. 29.

ниматели продавали металл неохотно, так как понимали, что выполненные из него готовые изделия продавать в среднеазиатских ханствах было выгодней[54].

Золото и серебро бухарцы ввозили большей частью из Индии, Персии и Китая[55], хотя золота, как отмечал грек Н. Григорьев, бухарцы «и поныне имеют у себя немало, пред прежним уменьшения ему в них нет... А серебро де в рупиях, медь, железо и чугун в деле и не в деле получают они торгом, а именно серебро и не в деле медь из Персии...»[56].

Из меди бухарцы сами отливали пушки, а из пушечного лома — ядра. Из-за дороговизны меди в XIX в. большое распространение в Бухарском ханстве получили чугунные пушечные стволы, в изготовлении которых особенно преуспели котельщики Шахрисабза. В середине XIX в. здесь отлили самый крупный пушечный ствол, для которого пришлось устроить очень массивный по тому времени станок на двенадцати колесах[57]. «Из выплавленного же ими свинца, — сообщал Бурнашев, — (бухарцы) делают ружейные пули. Свинцовые руды, добываемые близ Бухары, они плавят в небольших горнах без всякого искусства и с большою потерею металла, так же как и литье снарядов. Они сами делают порох, но слабее Российского»[58]. Из меди бухарцы изготовляли также посуду и чеканили монету.

С начала XIX в., когда было дано разрешение на ввоз в Среднюю Азию железа, меди, стали и чугуна, — они стали занимать ведущее место в русско-среднеазиатской торговле. По данным П. И. Небольсина, за десятилетие с 1840 по 1850 г. только через Оренбургскую линию из России в среднеазиатские ханства было вывезено: меди — 40 тыс. пудов, железа — свыше 400 тыс., чугуна — 75 тыс. и стали — 25 тыс. пудов. Из привозного металла в Бухарском ханстве изготовляли сельскохозяйственные орудия и разные металлические изделия[59]. Большое количество железа и меди (полуфабрикатов) переправлялось в Бухару через Троицк[60].

Как отмечают русские путешественники, в Бухаре большим спросом пользовались самовары, подносы, подсвечники, медные изделия, а также слесарные и железные предметы. Среднеазиатские ремесленники изготовлять их не умели и ввозили из России. Привозное железо обходилось очень дорого, поэтому его берегли. Сортовое железо, листовую медь, чугунную посуду и

---

[54] ГАОО, ф. 6, оп. 7, д. 778, л. 29—об.

[55] Чехович О. Д. К истории Узбекистана в XVIII в.//Труды Института востоковедения АН УзССР. Ташкент, 1954. С. 48.

[56] Показания грека Николая Григорьева... С. 21.

[57] История таджикского народа. Т. II. Кн. вторая. С. 95.

[58] Бурнашев Т. С. Указ. соч. С. 83.

[59] История Узбекской ССР. Т. I. Кн. вторая. С. 29.

[60] Аполлова Н. Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX в. М., 1960. С. 307.

олово бухарцы имели возможность получать только из России[61].

Из российского металла в бухарских кузницах и слесарных мастерских выделывали всякую посуду, железные и стальные предметы. Много работы было у ремесленников-ювелиров. Они оправляли в серебро ножи, сабли, перстни, украшали золотом уборы для женщин и сбруи для верховых лошадей[62].

Занимались в Бухаре токарным и столярным делом. Много было башмачников, которые очень искусно и изящно маленькими гвоздиками выполняли рисунки на подошвах толстых калош. Из пестрого бархата местного производства они шили красивые женские сапожки. Издревле в Бухаре пекли вкусные лепешки. Бухарские пекари, отмечает Е. К. Мейендорф, так же, как и персидские, придавали хлебу круглую форму толщиной в несколько линий и пекли их в больших сосудах (тандыр. — *Г. М.*), прилепив изнутри к стенам. Вместо дров использовали густую траву, растущую в степях, которая известна в России под названием «бурьян»[63].

Славилась Бухара вышивальщиками и особенно вышивальщицами, которые буквально были завалены работой. Бо́льшую часть тюбетеек, которые мужчины носили под чалмой, кожаные воротники, пояса, чехлы вышивали шелком. Для бухарских женщин вышивание было приятным времяпрепровождением. В Бухаре было известно также искусство полировать камни, но оно было очень несовершенным. Как сообщает Е. К. Мейендорф, здесь был только один резчик по драгоценному камню по происхождению кашмирец[64].

В ассортименте вывозимых из среднеазиатских ханств товаров весьма ценными были знаменитые кашмирские шали. Их доставляли в Бухару через Синьцзян и Афганистан. Изготовлялись кашмирские шали из нежнейшего пуха (подшерстка) с груди диких коз специальной породы, водившихся сначала только в горах Тибета, а затем завезенных в холодные районы Средней Азии. Торговля кашмирскими шалями была настолько прибыльной, что жители Бухарского ханства, а затем Коканда, Маргилана и Уратюбе сами стали изготовлять шали из козьего пуха, наподобие кашмирских, с цветами и каймой. «Не было дома, — отмечал Г. Ф. Генс, — где не занимались бы этим промыслом»[65].

Для изготовления шалей употреблялась шерсть двух сортов: руно домашней приручeнной и дикой козы. Однако достать пух из Тибета было очень трудно, поэтому бухарцы стали приобретать его у казахов или каракалпаков. Пуховую пряжу искусно красили бухарские евреи. Пуховые шали в Бухаре быстро расходились и

---

[61] ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 7736, л. 21—32.
[62] Мейендорф Е. К. Указ. соч. С. 116—117.
[63] Там же.
[64] Мейендорф Е. К. Указ. соч. С. 117—118.
[65] ГАОО, ф. 166, оп. 1, д. 6, л. 22.

продавались по 2 червонца и дороже, иногда за них платили и по 10 червонцев. Очень выгодно шали сбывались в Коканде[66].

Изготовление пуховых шалей постоянно совершенствовалось и вскоре по своему качеству они уже не уступали кашмирским. Как сообщает Г. Ф. Генс, в 1819 г. один бухарский еврей привез из Уратюбе шаль собственного изготовления. Она была настолько красива, что заинтересовала эмира, который послал нарочного узнать — сколько стоит эта шаль. Оказалось, что ее продавали за 50 червонцев. Лучшие кашмирские шали стоили в Бухаре по 100 червонцев. Хан приказал доставить этого мастера к себе, «обласкал, одарил его и велел набрать учеников, чтобы научить их своему ремеслу»[67].

Процесс изготовления пуховых шалей нам неизвестен, по всей вероятности, он был заимствован у кашмирцев, которые снабжали шалями почти весь мир. По сведениям Г. Ф. Генса, у них было 16 тыс. ткацких станков, и каждый третий кашмирец был занят на этом производстве. Воспользовавшись данными г. Стрэчи (*члена свиты английского посла в Кабуле*), Г. Ф. Генс пишет, что «мастерская может работать над одной шалью при условии, если она будет превосходной красоты, свыше года, тогда как другие мастерские за тот же срок могут изготовлять от 6 до 8. Шали, содержащие много узоров, изготовляются отдельными кусками в нескольких мастерских, причем надо заметить, что готовые куски никогда не бывают одинаковой величины. Мастерские состоят из рамы, возле которой рабочие сидят на скамье в числе от 2 до 4. При простых шалях нужны только 2 человека, которые работают посредством длинного, узкого, очень тяжелого челнока»[68]. Пестрые узоры выполнялись деревянными иголками, отдельной иглой для каждого цвета; для этого челнока не нужно было. За работой поденщиков наблюдение вел и руководил ими устад (мастер). Оплата труда устада (если заказчик приносил свой материал) составляла от 6 до 8 пайс в день; простой же рабочий получал за свой труд от 1 до 4 пайс (одна пайса в Кашмире равнялась примерно трем полупенсам). Тибетская шерсть, из которой изготовлялись кашмирские шали, стоила от 10 до 20 рупий тарак (около 12 фунтов)[69].

По данным А. Вамбери, центрами ремесленной промышленности Средней Азии были Бухара, Карши, Янги Ургенч, Коканд и Наманган. Здесь производились хлопчатобумажные и шелковые материи, полотна и кожаные изделия, которые удовлетворяли не только внутренний спрос, но и составляли одну из главных статей внешней среднеазиатской торговли[70].

---

[66] Там же.
[67] Там же.
[68] Там же, д. 7, л. 60/Пер. с англ. Н. Б. Байковой.
[69] Там же.
[70] Вамбери А. Путешествие в Среднюю Азию в 1863 г.//Туркестанский сборник. Т. XII. С. 351—356.

Таким образом, ассортимент продукции ремесленного производства Бухарского ханства в 60-х годах XIX в. оставался почти таким же, что и в начале века.

Так как портняжного дела в Средней Азии, как уже отмечалось, самостоятельно не существовало, то ремесленники одновременно занимались и шитьем, поэтому значительная часть их продукции выпускалась в виде готового платья.

По свидетельствам А. Вамбери и других путешественников, которые в разное время посещали среднеазиатские ханства, здесь было развито ковровое дело. Им, преимущественно, занимались кочевники. Ковроткачество было трудоемким занятием — над одним ковром одновременно трудились несколько женщин и девушек. Их работой руководила пожилая мастерица, которая остроконечной палкой сначала наносила узор точками на песке, а затем, глядя на него, указывала число различных нитей, необходимых для выполнения нужного узора[71].

О примитивных способах ткачества ковров писала газета «Оренбургский листок»: по углам будущего ковра вбивались четыре кола; на две палки натягивалась основа. Ножик, которым отрезали шерсть, мощная гребенка для прибивания ниток и железные ножницы местной кузнечной работы для обрезывания ворса — вот и все необходимые приспособления, при помощи которых ткали ковры. Тем не менее они представляли собой высокохудожественные произведения, которыми восхищались не только на бухарских базарах, но и на рынках Западной Европы и даже в Америке[72]. Особенно славились текинские ковры, при изготовлении которых использовалась растительная краска марена, дающая теплые, нежные и благородные оттенки. Для приобретения текинских ковров бухарские купцы ездили в Мерв.

Следует отметить, что ковроткачество в Средней Азии было на высоком уровне, но с присоединением ее к России качество ковров ухудшилось. Газета «Оренбургский листок» от 14 апреля 1902 г. в связи с этим отмечала, что «старинные художественные образцы были вывезены из края, рисунки затеряны, изящные и оригинальные узоры и орнаменты заменены рыночной безвкусицей, вместо растительных красок употреблялись минеральные, нередко крайне непрочные, линючие». Второе место в этой отрасли ремесленного производства принадлежало войлочным изделиям, мастерством изготовления которых, как отмечал А. Вамбери, особенно отличались казахские женщины[73].

Изучая состояние ремесленного производства в среднеазиатских ханствах, русские путешественники обратили внимание на состояние здесь горного дела. Горный инженер и дипломат К. Ф. Бутенев, побывавший в Бухаре в 1841—1842 гг., результаты

---

[71] Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. Спб., 1865. С. 211.
[72] Оренбургский листок. 1902. 14 апреля.
[73] Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. Спб., 1865. С. 211.

своей поездки отразил в ряде статей, которые были опубликованы в «Горном журнале» за 1842 г.: «Монетное дело в Бухарии», «Замечания о ковке булата в Бухарии», «Заводское дело в Бухарии» и др. В них он дает следующую оценку бухарской промышленности: «В Бухарии, где даже ремесла стоят на низшей точке совершенства, заводского дела нет, да и не может быть до тех пор, пока правительство там будет действовать в таком духе, в каком действует оно поныне. Устройство казенных заводов не может иметь места, потому тамошнее правительство слишком невежественно, не видит настоящей пользы таких заводов и не имеет средств и знающих людей для устройства их; частные же люди, если бы и нашлись из них желающие на подобное предприятие, не решились бы, потому что не пожелали бы открыть пред жадным правительством капиталы свои, и в случае хорошего действия заводов опасались бы видеть их взятыми в казну»[74].

Заслуженной славой по всей Средней Азии пользовалась бумага, изготовляемая в Бухаре и Самарканде. Ее делали, свидетельствует А. Вамбери, из сырцового шелка; она была гладкая, тонкая и хорошо приспособлена для арабского письма[75].

Говоря о большом политическом, а также торгово-промышленном значении (в смысле развития цехового ремесла), следует отметить города Самарканд, Карши, Джизак, Каттакурган, Керминe, Нурата, Заамин, Хатырчи и окружающие Бухару мелкие населенные пункты: Каракуль, Гиждуван, Варданзи, Вабкент и др. Здесь, пишет О. Д. Чехович, отмечалось «множество построенных уже в первой половине XVIII в. мельниц и толчей на каналах, отчего якобы терпело ущерб сельское хозяйство»[76].

Крупным экономическим и политическим центром в изучаемый период становится город Ташкент. Его географическое положение на границе с кочевой казахской степью способствовало интенсивному развитию ремесленного производства, на изделия которого кочевники предъявляли постоянный стабильный спрос. Имея обширный рынок сбыта, ташкентские ремесленники непрерывно развивали производство, несмотря на войны и междоусобицы, характерные для феодальной эпохи. Торговля и ремесло Ташкента не были прекращены ни джунгарским нашествием 1723 г., ни завоеваниями Надиршаха Ашрафа 1740—1741 гг., наоборот, разруха первой половины XVIII в., нарушившая нормальную жизнь в Самарканде, Бухаре и Хиве, отчасти способствовала росту Ташкента за счет притока населения, бежавшего из других городов.

Как отмечает Ю. Соколов, «ремесленное производство Ташкента сосредоточивалось в махаллях. Ремесленники длительное

[74] Бутенев К. Ф. Заводское дело в Бухарии//Горный журнал. 1842. Ч. V. Кн. XI. С. 148—149.

[75] Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. С. 211.

[76] Чехович О. Д. Указ. соч. С. 48.

время работали на дому по той отрасли производства, которую они наследовали от своих отцов. В результате некоторые махалли получали значение даже локального центра определенной отрасли ремесленного производства. Оно давало наименование и самой махалле (например, дегре — чугунолитейщиков, игарчи — седельников, парчабаб — ткачей, махсидуз — изготавливающих кожаную обувь, чулки, кунчилик — кожевников и т. д.), но в большинстве случаев ремесленники, не сообразуясь со специальностью, были разбросаны по всему городу»[77].

Широко было распространено в Ташкенте ткацкое производство. Здесь вырабатывались грубые ткани и одежда, приспособленные ко вкусам и обычаям кочевого общества.

По данным Ю. Соколова, в Ташкенте также были распространены: прядильное производство (хлопковая пряжа); шелкоткацкое (полушелковые ткани и кушаки); парчеткацкое (парчи); красильное (окраска пряжи и набивка тканей); скорняжное (меха из лисьих лап, козьих лап, из мерлушек); шубное (шубы овчинные крытые и некрытые, мерлушчатые, тулупы); портняжное (халаты мужские и женские хлопчатобумажные, полушелковые, шелковые, шерстяные и парчевые, закройки халатов, поступающие в продажу в нешитом виде, рубахи мужские хлопчатобумажные, шелковые и полушелковые, зарукавья суконные); шапочное (шапки, шапки из выдры и лисьих лап); кожевенное (выделанная козлина, овчина, конские и коровьи кожи); сапожное (ичиги, сапоги юфтовые, калоши кожаные); шерстеваляльное (попоны, армячная ткань); седельное (седла); шорное (сбруя конская, ужовки, ремни); ковровое (ковры ташкентские); золотошвейное; ювелирное (серьги «ташкентские»); чугунолитейное (утварь, наконечники для омачей и др.); кузнечное и слесарное (убор конский, удила, стремена, клейма, кованые гвозди, ножи и др.); мукомольное; рисообдирочное; гончарное; столярное, деревообделочное; арбяное; чеканное по металлу и разного вида художественные промыслы — резьба по металлу (личные печати); переплетное дело; оружейное (холодное оружие — наконечники копий, стрел, булавы, топоры); военное (изготовление пороха, снарядов и пуль)[78].

Из добываемых в горах металлических руд ташкентские ремесленники изготовляли предметы, пользовавшиеся спросом у казахов: котлы, удила, кувшины, ножи, топоры и т. п.

Характеризуя металлическую «промышленность» Ташкента, Поспелов отмечает, что ташкентцы «выплавляют чугун и делают из него посуду. Руду добывают в отрогах Алайского хребта... для плавки чугуна из руд, в небольшом количестве приготовленных, сделан горн, который приводится в действие посредством ручных мехов...». Он заметил, что в 1800 г. в его бытность в

---

[77] Соколов Ю. Ташкент, ташкентцы и Россия. Ташкент, 1965. С. 53.
[78] Там же.

Ташкенте «имелись уже и крупнокалиберные пушки Ташкентского производства из меди, привозившиеся из России... Однако пушки, которых было всего 5 штук, были очень толсты, и неискусственно сделаны (более для страху, чем для действия)... Ташкентское войско было обеспечено и боеприпасами местного производства. Свинец ташкентцы добывают в Каратау, а больше привозят из других мест... Селитру тоже добывают на месте и очищают ее вываривaнием. Серу привозят из соседних владений». Порох делался в Ташкенте и был «по силе действия довольно хорош, но мало»[79].

Будучи горным инженером одного из крупнейших в России районов горнорудного производства, М. Поспелов отметил рутинность литейной техники, отсталость и примитивность ее по сравнению с передовым для того времени литейным производством России. Но его отношение к ташкентским ремеслам, которые, как он считал, «вообще не показывают искусства и не заслуживают быть описаны», является субъективным. Он не учитывал того, что ремесленное производство Ташкента находилось на уровне развития феодального ремесла в Средней Азии XVIII в. Этот уровень был низок и не мог сравниться с российским.

В пределах среднеазиатских ханств, главным образом среди кочевого населения пустынь и казахских степей, местные ремесленные изделия пользовались широким спросом и большой популярностью.

Особенно велик был спрос на продукцию ткацкого производства, но своего сырья у горожан не хватало, поэтому ташкентские купцы закупали ткани в Бухаре и других городах Средней Азии. Ташкентские ремесленники из привозного сырья вырабатывали шелковые и хлопчатобумажные материи, разные полотна и выбойки[80]. «Покупное ж вместе с своим, — отмечал М. Поспелов, — (ташкентцы) обрабатывают на разные ткани, как для себя, так и на продажу посторонним, чем и занимается большая часть людей обоего пола. Дело сих ткачей в Ташкенте, как и сами тамошние обитатели признаются, в чистоте уступает еще другим владениям»[81].

Поспелов высоко отзывался о трудовых навыках и традициях жителей Ташкента: «Вообще должно сказать, — констатировал он, — о весьма отличном трудолюбии народа и что из онаго мало таких, коим бы праздность была известна, и они, как нужное для себя пропитание, так и подать частновременно собираемую, приобретают единственно неусыпными своими трудами»[82].

О ремесленном производстве Ташкента сообщал и хорунжий Н. И. Потанин, посетивший Ташкент в 1829 г. Он писал, что «ре-

[79] Поездка Поспелова и Бурнашева... С. 26—36.
[80] Добросмыслов А. И. Указ. соч. С. 55—64.
[81] Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 г.//Примечания Я. Ханыкова//Вестник РГО. Кн. I. Ч. I. Отд. VI. 1851. С. 334.
[82] Там же. С. 35.

месленники Ташкента выделывают различного рода шелковые и бумажные материи, разводят шелковичных червей и хлопок»[83]. Он отмечал также, что другими ремеслами в Ташкенте не занимались, но это не соответствует действительности, так как современники относительно Ташкентского владения отмечают значительный рост его производительных сил, особенно начиная со второй половины XVIII в. По сведениям Н. Г. Малицкого, в Ташкенте «ремесленники, сложившиеся в крепкие цеховые организации, земледельцы и торговцы сообща вели общественные дела». В эту эпоху, надо полагать, — пишет он, — особенно укрепились и развились в Ташкенте, в этом «Гамбурге» Средней Азии, по выражению русских официальных документов середины XIX в., те замечательные муниципальные нравы большого города, о котором говорят русские источники XVIII—XIX столетий[84].

О том, что в Ташкенте были развиты различные ремесла, пишет и Х. З. Зияев, констатируя, что здесь было «в шелку и в бумаге хлопчатой довольство, и делают всякие на тамошний расход парчицы, полотна и выбойки». Он приводит данные Нурмухаммада Алимова о том, что «в Ташкентском и Туркестанском владениях довольно железа, кое копают в горах, а наипаче по реке Чилчи (Чирчик); медь привозят из Самаркандской стороны, и продается дешевою ценою; свинцу вблизи Туркестана... великое множество, где всяк, кому надобно, берет и льют пули, а золото добывают песчаное в верховье Чилчи... и отвозят на продажу в Бухарию, ...жители тем золотом себя и содержат, а на Чилчи речке золото в Бухарах похваляют лучше Сыр-Дарьи»[85].

В «Записках» Филиппа Назарова, побывавшего в 1813—1814 гг. в Кокандском ханстве, указывается, что в Ташкенте, Коканде, Андижане, Намангане и Маргилане было развито производство хлопчатобумажных, шерстяных и шелковых тканей, которые вывозились в другие страны[86].

Ремесленное производство в Хивинском ханстве специализировалось в основном на выработке дешевых текстильных изделий, преимущественно самых грубых полушелковых и хлопчатобумажных материй. Из первых хивинцы шили халаты, а из хлопчатобумажной пряжи ткали толстое полотно— белое называлось бязью, иногда ее окрашивали в синий цвет и затем шили из нее одежду. Однако текстильные изделия, вырабатываемые в кустарных мастерских Хивинского ханства, как заметил Д. Рукавкин, «были весьма посредственной доброты»[87]. По сообщению

---

[83] Потанин Н. И. Записка о Кокандском ханстве... С. 14.

[84] Малицкий Н. Г. Ташкент (исторический очерк)//Известия Ташкентской городской думы. 1915. № 2. С. 82.

[85] Зияев Х. Указ. статья//ОНУ. 1983. № 4. С. 43.

[86] Назаров Филипп. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. М., 1968. С. 46—51.

[87] Московский любопытный месяцеслов на 1776 год. С. 210, 380.

П. И. Рычкова, шелка и шелковых изделий в Хиве вырабатывалось больше[88].

Характеризуя ремесленное производство Хивинского ханства, А. Вамбери отмечал, что особенно славились здесь ургенчские ремесленники, изготовлявшие замечательный вид одежды, которую ткали из шерстяных или шелковых тканей двух различных цветов. Хива была знаменита медными изделиями, Хазарасп — всякого рода одеждой и особенно женской, а Таш-хауз — полотнами[89]. Продукцию своего ремесленного производства хивинские купцы вывозили в Бухару, а оттуда в Хивинское ханство завозили более дорогие ткани, с которыми выезжали торговать в Оренбург, приобретая там российские товары. Хивинские ткани вывозились также в Афганистан, Индию и Северную Персию[90].

В Хиве почти не существовало металлического производства. Все необходимые изделия из железа, чугуна и меди завозились главным образом из России. В Хиве, как и в других среднеазиатских ханствах, не имели никакого представления о приготовлении стекла. Порох был очень низкого качества, в незначительных количествах его приготовляли в окрестностях Янги Ургенча[91].

Значительным было промышленное производство Коканда, где кустарным способом главным образом вырабатывали хлопчатобумажные ткани. По словам анонимного автора «Обозрения Кокандского ханства», опубликованного в 1849 г., «выделка грубых бумажных тканей так же всеобща, как выделка льняного холста в наших русских селениях. Этими тканями одевает Кокания не только низший класс своих собственных жителей, но передает их в обильном количестве киргизцам, кочующим на восток и север от ее пределов. Рои торговцев ежегодно рассеиваются по степям, отделяющим Коканию от России и Китая, и променивают стеганые бумажные халаты, одеяла и разных родов ткани на скот, кожи, сало, шерсть и меха». Одновременно здесь возникли районы специальных ремесленных производств, снабжавших своей продукцией всю Среднюю Азию и даже заграничные рынки[92].

В Коканде вырабатывались также шелковые материи, производилась кустарная писчая бумага, пользовавшаяся широким спросом за пределами Кокандского ханства. Коканд являлся крупным пунктом обмена товаров, привозимых из Индии, Тибета, Бухары, Афганистана и России. Поспелов и Бурнашев свидетельствовала о слабом разделении труда, недостаточной развитости обмена между такими владениями, как Ташкентское и

---

[88] Рычков П. И. История Оренбургская... С. 59.
[89] Вамбери А. Путешествие по Средней Азии... С. 170.
[90] Туркестанский сборник. Т. XII. С. 230.
[91] Туркестанский сборник. Т. XXX. С. 93.
[92] История народов Узбекистана. Т. 2. Ташкент, 1947. С. 100.

Ферганское: «Между ними и не может торговля войти в большое действие, ибо все изделия собственно в каждом владении находятся, а ежели и бывает, то единственно для получения таких вещей, каких из своих произведений не имеют»[93].

Посетивший в 1829 г. Коканд Н. И. Потанин сообщал, что жители Кокандского ханства занимались хлебопашеством, садоводством, разведением шелковичных червей и хлопка. Упоминал он также о существовании здесь порохового «завода», не указывая — принадлежал ли он правительству или составлял собственность частного лица[94]. Говоря о трудолюбии кокандцев, он отмечал, что «разведением хлопка здесь занимаются с бо́льшим искусством, чем в Ташкенте, поэтому материи, выделываемые в Коканде, превосходят ташкентских... Шелковые и бумажные материи в Кокандском ханстве выделывались по домам... фабрик (здесь) не находится, кроме фабрики писчей бумаги и порохового завода»[95].

«Коканд и Кокандское государство, — писал Филипп Назаров, — изобильно хлопчатою бумагою и шелковичными деревьями; везде видишь засеянные хлопчатою бумагою поля, из коей кокандцы приготовляют ткани и меняют оною бухарцам на российские товары: железо, выдр, сандал... купорос, сталь, сукна». Шелководство, по его словам, имело массовый характер, шелк вывозился в Бухару, а изделия из него (парчи) продавались киргизам. Ткачеством хлопчатобумажных и шелковых тканей занималось население городов Андижана, Намангана и Маргилана. Они вывозили ткани в Кашгарию, Хивинское и Бухарское ханства, Каратегин и казахские степи. Проезжая по городам, Ф. Назаров отмечал «беспрестанно разбросанные многолюдные деревни, коих жители... занимаются изделием хлопчатой бумаги и разведением шелковичных червей»[96]. В кустарных мастерских Намангана, Коканда и Маргилана вырабатывались шои (канаус), адрас и бекасаб. Эти ткани по своему качеству уступали одноименным материям, изготовляемым бухарскими ремесленниками[97].

В связи с тем, что железа, ввозимого из России, не хватало, кокандцы кое-как выплавляли свое железо, из которого делали кетмени, котлы и другие необходимые в хозяйстве предметы[98].

Следует отметить, что в изучаемый период ремесло во многих районах Средней Азии еще не вполне отделилось от земле-

---

[93] Поездка Поспелова и Бурнашева... С. 38.
[94] Потанин Н. И. Указ. соч. С. 22.
[95] Там же. С. 28.
[96] Записки... Ф. Назарова. С. 46, 62, 75.
[97] Хорошхин А. П. Заметки о Коканде//Туркестанский сборник. Т. XXIII. С. 177.
[98] Там же. С. 179.

делия; многие ремесленники в летнее время обрабатывали землю и питались продуктами со своих наделов.

Как в сельском хозяйстве, так и в ремесленном производстве господствовали кабальные формы найма. Поденная оплата труда ремесленника была чрезмерно дешевой, народ слишком беден и плохо одет. Жизнь трудящегося народа чрезвычайно мало ценилась. Из-за низких цен на хлопок, шерсть, шелк, а также марену и другие красильные вещества и особенно низкооплачиваемой рабочей силы ремесленные изделия в Бухаре были дешевы, хотя и не очень совершенны[99]. О дешевизне рабочих рук Е. К. Мейендорф писал, что носильщики всего лишь за несколько пулов перетаскивали груз весом в 320 фунтов на расстояние четверти мили. Люди толпились у базаров, ожидая какой-нибудь работы, и готовы были выполнять любые поручения, даже в самую плохую погоду, чтобы заработать на пропитание. «Ввиду дешевизны рук можно было расширить ремесленное производство», но, по мнению Мейендорфа, этому процессу препятствовал «низкий уровень просвещения бухарцев»[100].

Положение ремесленников ничем не отличалось от положения крестьян. Основным источником их доходов была реализация ремесленной продукции, однако дневного заработка едва хватало на прокормление семьи и покупку сырья. Е. К. Мейендорф отмечал, что сапожники, например, трудясь целый день, зарабатывали только 45 пулов. Хлеб, который съедал самый бедный человек, поглощал более половины этой суммы, а ему нужен был еще и рис более чем на 10 пулов. Ремесленники почти не питались мясом, так как у них оставалось только 25 копеек ассигнациями в день на одежду и квартиру[101].

Таким образом, развитие ремесленного производства и образование промышленных центров явилось предпосылкой создания в будущем единого среднеазиатского рынка. Отмеченные в хозяйственной жизни среднеазиатских ханств явления свидетельствовали о развитии производительных сил, но они были недостаточно сильны, чтобы повлиять коренным образом на экономику, и специализация как сельского хозяйства, так и промышленных районов находилась еще в зачаточном состоянии. Общее направление политики среднеазиатских правителей заключалось в том, чтобы ремесла развивались в зависимости от создавшегося в данный момент положения. В более лучшем состоянии находились ремесла, продукция которых шла на экспорт. Внешний спрос стимулировал развитие таких ремесленных предприятий, которые занимались изготовлением хлопчатобумажных тканей и текстильных изделий, пользовавшихся большой популярностью у кочевников и населения пограничных российских городов.

---

[99] История Узбекской ССР. Т. I. Ташкент, 1967. С. 622.
[100] Мейендорф Е. К. Указ. соч. С. 118.
[101] Там же.

Глава 2

ВНУТРЕННЯЯ ТОРГОВЛЯ, ТОРГОВЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ, ПОШЛИНЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И МЕТРОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Изучению внутренней жизни среднеазиатских ханств русское правительство уделяло большое внимание. Об этом, в частности, шел разговор в письме министра иностранных дел К. В. Нессельроде, адресованном оренбургскому генерал-губернатору П. К. Эссену 27 ноября 1825 г.: «Распространение наших связей с народами Азии требует точных познаний не только о внешних отношениях их к областям сопредельным, но и внутренних учреждениях их разного рода»[1].

Благодаря деятельности оренбургской администрации, которая снаряжала из Оренбурга в среднеазиатские ханства посольства и отправляла русских путешественников, таких сведений в Азиатском департаменте было накоплено довольно много. Однако чтобы определить «истинное понятие» о выгодах развития торговли со Средней Азией, этого было совершенно недостаточно. Нужны были данные не только об экономическом положении среднеазиатских ханств, но и об их общественно-государственном устройстве, состоянии путей сообщения, опасности на караванных дорогах, внутриполитическом положении, настроениях и действиях их правителей. Собирать сведения о среднеазиатских ханствах вменялось в обязанность каждому, кто посещал Среднюю Азию. Оренбургской пограничной комиссии было дано указание приобретать образцы монет, которые находились в обращении в ханствах. На эту акцию из средств Азиатского департамента специально отпускались деньги[2].

Особого внимания среди материалов, содержащих ценные сведения для изучения внутренней жизни среднеазиатских ханств, заслуживают «Замечания директора Оренбургской пограничной таможни Павла Величко касательно азиатской торговли»[3], составленные в феврале 1806 г. Подробно освещая внутреннюю жизнь Бухарского ханства, П. Величко отмечал, что торговля в

[1] ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 3284, л. 6—15.
[2] Там же.
[3] ЦГИАЛ, ф. 13, оп. 2, д. 1149, л. 1—17.

Бухаре «производится всеми состояниями людей, то есть каждый подданный бухарского правления отправляет ее свободно». Из тех, кто прибывал сюда из других стран и городов, наиболее благоприятными условиями пользовались купцы-мусульмане. Они могли жить в Бухаре сколько захотят, не подвергаясь никаким притеснениям. Иноверцы же, остававшиеся здесь более года, платили по две таньги в месяц с человека, «как платится подобная подать живущими там постоянно евреями и армянами»[4].

Русские путешественники, побывавшие в Средней Азии, сообщали, что торговля в Бухаре «почиталась собственной выгодой купца, а не выгодой государства». Бухарское правительство только взимало пошлины с товаров, поступавших из разных стран, но не заботилось о том, чтобы выработать какие-либо правила торговли, защищавшие интересы как местных, так и иностранных купцов[5]. Коллегия иностранных дел отмечала, что с Хивой и Бухарой, а также с другими «тамошними областями никаких контрактов и до коммерции касающихся постановлений нет», поэтому с приезжавшими в Оренбург среднеазиатскими купцами поступали в соответствии с таможенным уставом 1755 г.[6]

Бухарцы, ездившие для торговли к российским границам, в большинстве своем были приказчиками, торговавшими по кредитам крупных феодалов или знатных купцов, почти безотлучно живущих в Бухаре. Подобный кредит доставлял феодалам большие выгоды и был весьма сносным для самих заимщиков. Купец, получавший товары в кредит для торговли в российских городах, приобретал их по ценам Бухары, платя за «доверие» 30%, т. е. взявший при отправлении из Бухары товаров на 1000 бухарских червонцев по возвращении из России платил кредитору 1300. Доверивший товары в кредит никаких расходов не нес. Путевые издержки и оплата пошлин полностью ложились на купца, взявшего товары в кредит, исключая убытки от несчастных случаев: пожара, грабежей и пр.[7]

Кроме купцов, бравших товары в кредит, были приказчики-комиссионеры, которые получали товар по продажной цене, но 30% кредиторам не платили, они делили с хозяином поровну как барыши, так и убытки[8].

Расчеты в обоих случаях производились по возвращении купца из России и реализации им привезенных оттуда товаров. Это было очень удобно среднеазиатским купцам. Не ограниченные сроками уплаты кредитов, они могли выдерживать в России цены на свои товары и проживать в пограничных российских городах сколько понадобится, лишь бы выгодно продать товар.

---

[4] ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 3284, л. 25—об.

[5] Русские в Бухаре в 1820 году (Записки очевидца)//Справочная книжка Оренбургского края на 1871 год. Отд. II. Оренбург, 1871. С. 1—45.

[6] ЦГИАЛ, ф. 13, оп. 2, д. 234, л. 14.

[7] Там же, д. 1149, л. 4.

[8] Там же, л. 5.

Купцы рассчитывались с кредиторами бухарскими червонцами. Приказчики-комиссионеры и те, кто брал товары в кредит, должны были вести книгу, записывая в ней приход, расход и другие торговые операции. Истинность зафиксированных в книге показателей подтверждалась одной только клятвой-присягой. Товары в кредит на указанных условиях у бухарских купцов брали и хивинцы, однако только в том случае, если за них поручались постоянные жители Бухары. Иногда приказчики объединялись в компании от 5 до 10 человек и тоже брали товары в кредит, поручаясь при этом друг за друга[9].

Хотя торговля в Бухарском ханстве была очень оживленной, «по капиталам, приводимым ее в обращение», она была незначительной[10]. Внутреннюю торговлю Бухары составляли главным образом продовольственные товары, а также предметы ремесленников: хлопок и хлопчатобумажная пряжа, каракуль и овчины, сухофрукты, разнообразные хлопчатобумажные и шелковые ткани[11]. «Бухара фабрикует прекрасные бумажные материи, кожаный товар с тисненными узорами и шелковые платки», — писал К. К. Абаза[12].

Сами бухарцы, как заметил Е. К. Мейендорф, «мало пользуются предметами роскоши и имеют ограниченные потребности»[13]. Видимо, здесь имелось в виду малоимущее население, на которое большое влияние оказывала мусульманская религия. В числе ее запрещений находился «исраф» — воздержание от роскоши и излишнего употребления даже всего дозволенного кораном.

Крупными центрами торговли Бухарского ханства была не только Бухара, но и такие города, как Самарканд и Карши. На их базарах устанавливались цены на товары и курс денег[14]. В других населенных пунктах тоже были базары, но торговля на них производилась в неделю один или два раза, в определенные дни. Торговую деятельность внутри Бухарского ханства чрезвычайно затрудняли недостаток и плохое состояние путей сообщения.

Внутренний рынок средневековой Бухары работал на обеспечение потребностей не только местного городского населения и сельских жителей, но обслуживал также кочевников, которые приезжали в Бухару, чтобы обменять продукцию своего скотоводческого хозяйства на изделия бухарских ремесленников.

Кроме местных изделий на рынках Бухары было много товаров, доставляемых из других стран и кочевой степи. Хорошо расходились в Бухаре: парча, бархат, шелковые платки, ситцы, сук-

---

[9] Там же.
[10] Туркестанский сборник. Т. XXX. С. 112.
[11] ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 394 «а», л. 10.
[12] Абаза К. К. Завоевание Туркестана. Спб., 1902. С. 109.
[13] Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. С. 112.
[14] Туркестанский сборник. Т. XXX. С. 112.

на разных сортов, холст, медь, сталь и железо полосовое, чугунная посуда, латунь, пряденое серебро и золото, сахар, кошениль, юфть, опойки, сафьяны, бумага писчая, иглы и всякая мелочь[15]. «Половина города состоит из караван-сараев, базаров и лавок, в которых со всех стран света собираются люди, чтобы обманывать друг друга», — писал из Бухары доктор Эверсман 11 января 1821 г. Оренбургскому генерал-губернатору П. К. Эссену[16]. О том, что обман, обмер и обвес имели в Бухаре широкое распространение, писал еще раньше русский офицер Т. С. Бурнашев. Критикуя нравы бухарского купечества, он отмечал, что «обман и мошенничество в продаже товаров между торговыми людьми здесь в большом обыкновении и на честность их никак нельзя положиться, несмотря на строгость наказаний... никакие меры не могут обуздать жадность купцов к безнаказанному прибытку и склонность их к обману...»[17]. В связи с этим уместно привести высказывание К. Маркса о том, что «Пока торговый капитал играет роль посредника при обмене продуктов неразвитых стран, торговая прибыль не только представляется результатом обсчета и обмана, но по большей части и действительно от них происходит»[18].

Самая оживленная торговля в Бухаре начиналась с января и продолжалась до мая.

Караваны прибывавшие из Персии, Афганистана, Индии, Тибета, России и др., а также со всех окрестных мест Бухарского ханства, останавливались в специально отведенных караван-сараях, приспособленных для приема большого количества купцов с их товарами. Ф. Ефремов сообщал, что на бухарском рынке в его бытность в Бухаре было четыре караван-сарая под названием Чарсу, где «с утра до половины дня торг бывает». Со второй половины дня торговля переносилась на центральную площадь Регистан[19].

Плата за хранение товаров с купцов взималась «соразмерно времени пребывания в караван-сарае». В свою бытность в Бухаре Т. С. Бурнашев засвидетельствовал девять двухэтажных караван-сараев[20]. По данным Оренбургской пограничной таможни, в начале XIX в. в Бухаре для иноземных купцов было 10 караван-сараев и почти столько же торговых рядов на разных перекрестках, где в розницу продавались иностранные товары и собственные изделия[21].

К моменту приезда экспедиции А. Негри (1820 г.) в Бухаре

---

[15] ЦГИАЛ, ф. 13, оп. 2, д. 1149, л. 1—17.
[16] ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 2150, л. 30—38—об.
[17] Путешествие Т. С. Бурнашева... С. 80—81.
[18] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. I. С. 364—369.
[19] Российского унтер-офицера Ефремова, ныне коллежского асессора десятилетнее странствование... С. 67.
[20] Бурнашев Т. С. Указ. соч. С. 73.
[21] ЦГИАЛ, ф. 13, оп. 2, д. 1149, л. 3.

насчитывалось 14 караван-сараев: Абдулла-Джана, Кушбеги, Индийский, Ногайский, Ходжа Джуйбара, Ташкентский, Каршинский, Мирагуль, Эмирский, Кулл-ата, Фишана, Джанкулшира и два маленьких ургенчских. Самый крупный караван-сарай Абдулла-Джана был построен в 1819 г.[22] Судя по названиям, многие страны и районы, ведущие торговлю с Бухарским ханством, имели свои караван-сараи для складирования товаров. Ко времени прибытия в Бухару Н. В. Ханыкова здесь было 24 каменных караван-сарая и 14 деревянных (каркасных)[23].

По свидетельству Е. К. Мейендорфа, все караван-сараи были сооружены по одному и тому же плану: они в виде прямоугольных построек располагались вокруг двора. На каждой из его сторон стояли лавки, над которыми возвышался второй этаж (балахана). Как на нижнем, так и на верхнем этажах складывались товары, за хранение которых взималась плата — иностранцы за наем лавок в караван-сараях платили по половине тилля и несколько меньше — за «покойчик» или кухню[24]. За лавку в Бухаре платили 16 руб. в месяц. Она служила не только амбаром, но и местом для жилья. Однако более состоятельные купцы нанимали склады в одном, а жили в другом месте. «Я знал в Бухаре татарского купца, — писал Е. К. Мейендорф, — который нанимал склад в одном караван-сарае, а жил в другом, где нашел комнату, более теплую и менее сырую, чем та, где он держал свои товары»[25].

В связи с тем, что караван-сараи в большинстве случаев были основаны на средства, завещанные на благочестивые дела, или вакфы, доходы от них принадлежали медресе или настоятелям мечети (муллам). Караван-сараи содержались неопрятно, «из комнаты в комнату шныряют праздно шатающиеся с целью поболтать и убить время. Это неудобство, — как заметил Е. К. Мейендорф, — обитатели караван-сарая вынуждены терпеть, потому что обычай не дозволяет отказывать кому-либо в приеме»[26].

В каждом караван-сарае специальные чиновники производили осмотр товаров, который обычно длился три дня. За это время из него никого не выпускали. Товары оценивались в присутствии одного из знатных купцов, не имевших отношения к прибывшему каравану, и одного маклера. Таможенное управление находилось в ведении кушбеги. Его распоряжения исполнял один из чиновников, который действовал по своему усмотрению[27]. Иногда при оценке товаров он присутствовал сам, особенно когда в Бухару поступали кашмирские шали. Кушбеги пользовался большим благоволением хана, у которого, как сообщал Е. К. Мейендорф, не

---

[22] Мейендорф Е. К. Указ. соч. С. 100.
[23] Ханыков Н. В. Описание Бухарского ханства. Спб., 1843. С. 88—89.
[24] ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 3284, л. 26—об.
[25] Мейендорф Е. К. Указ. соч. С. 100.
[26] Там же.
[27] ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 3284, л. 27.

возникало иного мнения, чем у кушбеги. Последний был «слишком влиятелен, чтобы кто-нибудь осмелился стать его врагом»[28].

Здания больших караван-сараев были двухэтажными, нижний выложен из жженого кирпича. Жилые строения, склады и лавки, сдававшиеся в наем, окружали со всех сторон большой двор, посередине которого помещали загон для прибывших сюда вьючных животных.

Главный бухарский базар располагался на центральной площади Регистан, около главной каменной мечети. Здесь продавали не только товары, но и невольников. Кроме скота, говядины и хлеба все остальное можно было купить вдвое дешевле российских товаров[29]. Некоторые лавки на Регистане устраивались в палатках всевозможных расцветок, которые располагались вокруг большого бассейна (хауза). На открытой части площади продавали дрова, овощи, рис, ячмень, джугару, хлопковые семена, кунжутное масло, верблюжьи корма, приготовленные из выжатых кунжутных семян. Здесь сбывали всевозможные фрукты, хлеб, свечи и различные предметы повседневного употребления. Так как Регистан был наиболее посещаемым местом города, здесь приводили в исполнение смертные приговоры — вешали преступников и выставляли напоказ головы врагов, убитых в сражениях[30].

Существовали крытые базары (тимы) со множеством торговых рядов (расты), где сосредотачивались товары одного только вида: были ряды шелковые, бумажные, кожевенные, железных и гончарных изделий и т. д. Здесь интересно отметить, что в далекой Москве, которая одинаково подвергалась влиянию и Запада, и Востока, торговля одним и тем же товаром также всегда была сосредоточена в одних и тех же рядах, что и в Бухаре, и других городах Востока. Этот обычай изумлял и приводил в восхищение купцов-иностранцев, прибывающих с Запада[31].

В больших сводчатых зданиях на бухарских базарах с несколькими входами хранились сотни шкафов, расположенных в один ряд. В них купцы складывали шелковые материи, сотканные ремесленниками Бухары. Каждому купцу, соответственно его состоянию, принадлежали один или несколько шкафов. В других сводчатых зданиях располагались маленькие кельи, в которых на столах купцы раскладывали чужеземные товары: драгоценные индийские, персидские и русские парчи, персидские, русские, английские и индийские набойки, «предназначенные для соблазна прекрасного пола»[32].

Товары в лавки доставлялись к 11 часам утра, к трем часам

---

[28] Мейендорф Е. К. Указ. соч. С. 112.
[29] Справочная книжка Оренбургского края на 1871 год. Отд. II. С. 27.
[30] Мейендорф Е. К. Указ. соч. С. 101.
[31] Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве. Пгр., 1918. С. 226.
[32] Мейендорф Е. К. Указ. соч. С. 100—101.

пополудни их уже уносили, упаковав в тюки весом в один батман или 320 фунтов, в караван-сарай и складывали в амбарах[33].

Лавки в Бухаре располагались и по обеим сторонам длинных улиц. В них продавались женские туфли, москательные товары и ароматические вещества, наполняющие благовонием воздух, драгоценные камни, обычно небольшой ценности: бирюза из Персии, «татарские рубины» из Бадахшана и Аравии, золотые диадемы, украшенные посредственной бирюзой — их охотно приобретали казашки[34].

В Бухаре было много каменных торговых рядов. «Сии ряды, отмечал священник Будрин, посетивший Бухару в 1820 г., — построены иные кругло, а другие продолговато, — и сведены сводами, в коих сделаны небольшие окна для света». В каждом ряду продавали определенный товар: были отдельные ряды для халатов, шелковой сусы, шалей, платков и покрывал, сусы бумажной и выбойки. В отдельном ряду продавались российские товары, были ряды для керамической и фаянсовой посуды, медной посуды, пологов и башмаков и т. д.[35]

В Бухаре были перекрестки, перекрытые сводами, которые поддерживались толстыми колоннами. Под ними располагались торговцы крашеным шелком, вышитыми тюбетейками, лентами, ножами, огнивами, чаем низкого сорта, лошадиными попонами и кольчугами[36].

Бухарские базары изобиловали фруктами. «...Что ж касается до фруктов, — писал Ф. Ефремов, — и всякого рода ягод, как например гранатовых яблок, шепталы (персики), алю (род слив), яблок, груш, винограду (винных ягод), дынь, арбузов, миндалю в тонкой и мягкой скорлупе и прочих плодов, весьма в великом множестве родится»[37]. О том, что в Бухаре «плоды хорошие», писал и доктор Эверсман: «Виноград, арбузы, дыни, сливы, гранаты и яблоки продаются дешево, только груши дорогие, потому что кушбеги добился исключительного монопольного права на продажу их... Удивляет, — констатировал он, — что первый министр (кушбеги. — *Г. М.*) торгует грушами; но что вы скажете, когда узнаете, что даже возвратившийся с нами бухарский посланник сидит теперь с аршином в маленькой лавочке»[38]. Ничего удивительного здесь, конечно, нет. Известны случаи, когда купцов очень часто направляли в Россию в качестве посланников эмира, которые вели переговоры и одновременно сбывали в Оренбурге свои товары (Муминджан Азимджанов, Мурзабек Аллаяров и другие).

---

[33] Там же. С. 101.
[34] Там же.
[35] Справочная книжка Оренбургского края на 1871 год. Отд. II. С. 1—45.
[36] Мейендорф Е. К. Указ. соч. С. 102.
[37] Российского унтер-офицера Ефремова, ныне коллежского асессора десятилетнее странствование. С. 65.
[38] ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 2150, л. 34—об.

Сады Бухарского ханства были богаты персиками, абрикосами и многими другими неизвестными в России плодами, из которых бухарцы изготовляли сухофрукты, а затем в большом количестве продавали российским купцам[39]. Большой диковиной для русских были гранаты. Один фунт или два больших плода стоили в Бухаре 24 коп. В Бухаре было очень много орехов (янгак), их продавали по 2 коп. фунт; во множестве они произрастали в Ташкенте и Коканде. Один фунт сушеного урюка в Бухаре стоил 10 коп.[40] Сухими фруктами были забиты целые своды, где продавались также засахаренные фисташки, зеленые и розовые сливы, виноград, гранаты; вдоль стен на камышовых подвесках развешивались дыни. Между амбарами размещались съестные лавки, где готовили плов, окрашиваемый шафраном в желтый цвет, разные блюда из рубленого мяса[41]. Кроме фруктов, на бухарских базарах было много овощей и бахчевых. Своими размерами и вкусом особенно отличались бухарские дыни — их вес достигал 30 фунтов (12 кг). Очень крупными были и арбузы.

Наряду с фруктовыми деревьями в садах Бухарского ханства разводили цветы и высаживали такие деревья, как осина, тополь, вербовник, которые использовались для хозяйственных нужд. На верблюдах привозили саксаул на дрова. Один воз саксаула стоил 8 таньга или 6 русских рублей; нередко вместо дров в качестве топлива использовали сушеный помет (кизяк)[42].

По сообщениям русских путешественников, нельзя было представить бухарские базары без маклеров. Как заметил священник Будрин, лично посещавший базары, это были узаконенные мошенники, которые под видом соблюдения честности и справедливости разными хитростями и уловками старались «согласить в цене как продавца, так и покупщика». Маклер требовал награды и с того, кто выгодно сбывал, и с того, кто приобретал какой-нибудь товар[43].

Бухарские базары поражали всех своей красочностью. Особенно большой интерес у иностранцев вызывали те лавки, по словам А. Вамбери, где выставлялись произведения местных ремесленников: «бумажная материя аладжа (алача. — *Г. М.*) — с широкими двухцветными полосами; различные сорта шелковых изделий — от тонких платков, напоминающих паутину, до тяжелого атреса» (адрас. — *Г. М.*). Большую роль играли кожаные изделия — мужская и женская обувь; «были лавки, где была выставлена различная одежда — по большей части блестящих, ярких красок»[44].

Характеризуя бухарские базары, А. Вамбери обращал вни-

---

[39] Там же, д. 7736, л. 80.
[40] Там же, ф. 166, оп. 1, д. 7, л. 66.
[41] Мейендорф Е. К. Указ. соч. С. 101.
[42] Справочная книжка Оренбургского края на 1871 год. Отд. II. С. 1—45.
[43] Там же.
[44] Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. Спб., 1865. С. 90.

мание на то, что они совсем не такие, как в больших городах Персии. Очень немногие из них были со сводами, или построены *из камня, самые большие крыты или деревом, или камышовыми* циновками, растянутыми на высоких кольях. Они были построены Абдулла-ханом по персидскому образцу по возвращении его из Персии в 1582 г. и разделялись на следующие части: Растеи-Сузангаран, где размещались мелочные торговцы; Растеи-Сарафан — менялы и книжные торговцы; Растеи-Заргаран — золотых дел мастера; Растеи-Чилингеран — слесаря; Растеи-Аттари — торговцы пряниками; Растеи-Каннади — кондитеры; Растеи-Чайфуруши — чайные торговцы; Растеи-Читфуруши — торговцы ситцами; Базари-латта — полотняные лавки и т. д. На каждом базаре был свой собственный аксакал (старшина), ответственный перед эмиром за порядок на нем и сбор податей. Кроме базаров в Бухаре Вамбери отметил около 30 караван-сараев, служивших или оптовыми складами, или для приема путешественников[45].

Из-за недостатка «ходячей монеты» внутренняя торговля в Бухарском ханстве производилась чаще всего обменным путем, а также в кредит, который не утверждался ни векселями, ни другими письменными обязательствами, а только одними свидетелями[46].

На бухарских базарах торговали не только собственными, но и товарами из других среднеазиатских ханств. Из Коканда, например, поступали шерстяные и искусно кованые изделия[47]. В Коканд, где было 10 караван-сараев, бухарские купцы возили изделия собственного ремесленного производства и товары, поступающие из других стран. В Коканде насчитывалось 420 различных лавок. Базар был огромным и очень чистым, местами крытый[48]. В условиях того времени Коканд был крупным торговым и ремесленным центром.

Описывая базары Кокандского ханства, Ф. Назаров сообщал, что в Маргилане, например, он устроен рядами, где в назначенные дни, два раза в неделю, «народ с утра до вечера толпится во множестве... В городе находятся разные фабрики, на коих выделывают персидские парчи, бархаты и разные азиатские материи, которые они продают в Бухарию и Кашгарию, от последней получают чай, фарфоровую посуду, в ямбах серебро (китайское серебро в слитках разного весу), ... краски и все лучшие китайские материи»[49]. На рынках Коканда, по сведениям хорунжего Н. И. Потанина, сопровождавшего в 1829 г. посольство кокандского хана, «торги бывают три раза в неделю:

---

[45] Вамбери А. Указ. соч. С. 181—182.

[46] ЦГИАЛ, ф. 13, оп. 2, д. 1149, л. 3.

[47] Вамбери А. Указ. соч. С. 181—182.

[48] Хорошхин А. П. Заметки о Коканде. Самарканд, 1868//Туркестанский сборник. Т. XXIII. С. 171.

[49] Записки о некоторых народах и землях средней части Азии Филиппа Назарова... Спб., 1821. С. 49.

воскресенье, среду и четверг. В это время привозят из окрестных городов и селений в большом количестве различные товары кокандского производства и разные произведения той страны»[50].

Значительную торговлю Бухара производила с главным городом Кокандского ханства Ташкентом. По сообщению того же Потанина, в Ташкенте было «пять рынков с пятью сараями, из которых три каменные, а два глиняные, между ними был выстроен из глины огромный гостиный двор. В первых трех торгуют иноземцы, а в последних — здешние жители»[51]. Главный базар Ташкента располагался на центральной городской площади — Регистане, где, сообщал П. И. Рычков, «есть сделанный пруд (хауз. — *Г. М.*), выкладен диким камнем в длину и поперек до 10 сажен, а поверх земли аршина на два наполнен водой и снабжен великими тутовыми деревьями»[52]. Здесь же были выстроены амбары, где приезжие купцы за определенную плату складывали свои товары и там же жили. Кроме того, в Ташкенте было множество специализированных рынков, каждый из которых был рассчитан на реализацию определенного товара — на одном продавали зерно, на другом хлопок, шелк, готовую одежду, обувь, шелковые парчицы и др. Каждый вид товара имел на рынке определенное место.

В установленные базарные дни в Ташкенте устраивались ярмарки, на которые приезжали купцы не только из Бухары, но и из Самарканда, Карши, Хивы, Шахрисабза, Куляба, Миankаля, а также из Балха, Андхоя, Бадахшана и др., куда ездили и сами ташкентские купцы. «В Бухару они ездили специально к тому времени, когда туда прибывали караваны из России, чтобы закупить российские товары: сукна кармазинные, бобры заморские и выдры, краску брусковую и кошениль»[53]. По данным Ю. Соколова, территорию Ташкента пересекали восемь главных улиц, одновременно служивших и дорогами, которые радиально расходились от базара за город. Они связывали его со всеми основными районами торговой деятельности жителей в казахской степи и в среднеазиатских ханствах. Через казахскую степь эти дороги приводили ташкентских купцов в пограничные районы России[54]. Из казахской степи в Ташкент поступали большей частью меха корсаков и лисиц, которые обменивались на привозные товары[55].

После основания города Оренбурга и предоставления ряда

---

[50] Записки о Кокандском ханстве хорунжего Потанина (1830 года). Отдельный оттиск//Военный журнал. № 4—5. С. 27—28.

[51] Там же. С. 31.

[52] Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Соч. 1762 г. Оренбург, 1887. С. 22.

[53] Там же.

[54] Соколов Ю. Ташкент, ташкентцы и Россия. Ташкент, 1965. С. 47.

[55] Добросмыслов А. И. Материалы по истории России//Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. 1735 и 1736 годы. Т. II. Оренбург, 1900. С. 55—64.

привилегий среднеазиатским купцам ташкентцы стали развивать караванную торговлю непосредственно с Россией. Эта деятельность активизировалась во второй половине XVIII в., создавая предпосылки для дальнейшего развития города Ташкента.

Характеризуя ташкентские базары XVIII столетия, Ю. Соколов отмечал, что характерной их чертой «являлось полное или почти полное отсутствие на их территории ремесленных производств. Он был только центром, на котором торговали купцы и кустари-ремесленники, выступавшие в качестве продавцов готовой продукции своего ремесла». Говоря о торговых центрах Ташкента, Ю. Соколов указал на наличие в нем еще двух крупных специализированных рынков. «Один из них, скотопригонный рынок, находился в северной, ближней к степи половине города и размещался в местности Хаст-Имам... Другим важным специализированным базаром являлся Галля-базар или зерновой по продаже продуктов полеводства. Он находился в центре города близ Чорсу и имел значение рынка, который снабжал главным образом кочевье (киргизцы, кочующие близ урочища Ташкента, пользовались от него хлебом, пшеницей, мукой, просом, джугарой (кукурузой) и прочими продуктами местного земледельческого хозяйства)»[56].

Внутренняя торговля Хивинского ханства была менее значительной. По сообщениям русского геодезиста Муравина, побывавшего там в 1740—1741 гг., в Хиву «приезжают российские купцы через Астрахань и Бухарию, также шемахинские (то есть персидские) товары к ним привозят; товары они, хивинцы, имеют, шелк и бумага хлопчатая у них родится; также кушаки делают... и сами ездят в Бухарию, Персию и в Россию»[57].

Путешествуя по Средней Азии, А. Вамбери заметил, что почвы Хивинского ханства были очень плодородны. Особенно славилась Хива хлебом, рисом, шелком, «хлопчатой бумагой», руяном (род корня), из которого готовилась отличная краска. Замечательными были, — пишет он, — хивинские фрукты, особенно яблоки из Хазараспа, груши и гранаты из Хивы, восхитительные дыни, известные даже до отдаленного Пекина, особенно ургенчские дыни, которые очень ценились в России. За воз зимних дынь здесь отдавали целый воз сахара[58]. На хивинских базарах часто можно было видеть туркмен, закупавших хлеб; взамен привозили персидских невольников, продажа которых составляла доходную отрасль.

Вся внутренняя торговля хивинских городов была меновая, на деньги продавали и покупали только невольников. Кроме Хивы, крупными торговыми центрами были Янги Ургенч и Кунград. «Складочным» местом для товаров, поступавших из Бухары и

---

[56] Соколов Ю. Указ. соч. С. 53, 56.

[57] Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740—1741 гг. поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиным, изд. Я. В. Ханыковым//Географические известия, 1850. № 2. С. 555.

[58] Вамбери А. Путешествие по Средней Азии... С. 170.

России, была Хива. В Янги Ургенче большей частью торговали сырьем; Кунград был торговым центром северной части Хивинского ханства[59].

Со строительством Оренбурга и образованием Оренбургской губернии русское правительство стало предпринимать все меры для усиления торговли с Хивинским ханством, надеясь через торговые связи «путь и коммерцию тамошнюю разведать, а также развить торговлю с Бухарой, а ежели возможно будет, хотя бы до Индии»[60]. С этой целью И. И. Неплюев в 1749 г. отправил в Хиву несколько оренбургских и казанских татар с товарами на три тысячи рублей. Реализовав часть своих товаров, они приобрели семь пудов серебра в персидской монете, а остальной товар вывезли в Бухару. После этого указом правительства от 13 августа 1750 г. И. И. Неплюеву было предписано и «дальше практиковать посылку купцов, особенно казанских татар для изучения возможности распространения торговли с среднеазиатскими ханствами»[61].

Так как в Хиву караваны заходили реже, здесь был только один караван-сарай, где за наем лавок, а также за место на базарах взималась довольно высокая плата[62]. Д. Рукавкин, посетивший Хиву в 1753 г., писал: «...жителей в крепостях (городах) Хивы весьма мало и торги производят в определенные дни так, как в российских селах; а большой торг у них бывает в Ургенче: приезжают бухарцы, туркмены и аральцы. Хивинцы живут вокруг городов, каждый при своем разведенном саду, где и хлеб для себя сеют... Скот скупают у казахов и аральцев»[63].

А. Вамбери сообщал, что таких базаров и лавок, какие он видел в Персии и других восточных странах, в Хиве вовсе не было. Он упоминал тим — маленький, хорошо выстроенный базар с довольно высокими сводчатыми помещениями для 120 лавок и караван-сарая. Здесь были выставлены полотна, сукна, мелочные железные товары, льняные и бумажные изделия, доставляемые русскими, тут же помещалась и незначительная доля произведений Персии и Бухары. Тим был окружен нанбазари (хлебным рынком), бакальбазари (бакалейными лавками), шембазари (свечными лавками) и сартарашбазари (цирюльнями). К базарам относился и Кичик-караван-сарай, где продавались рабы, доставляемые туркменами текке и йомутами. В Хиве земля обрабатывалась исключительно рабами[64].

В среднеазиатских ханствах, как и в других мусульманских

---

[59] Туркестанский сборник. Т. XXX. С. 93.
[60] ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 956, л. 8.
[61] Там же.
[62] Байкова Н. Б. Из истории экономических связей России с Востоком (на узб. яз.). Ташкент, 1964. С. 61.
[63] Новости литературы. 1823. Кн. 5. С. 376—377.
[64] Вамбери А. Указ. соч. С. 163.

странах, действовала своя система обложения торговыми пошлинами. Здесь она называлась «закет» и взималась согласно шариату. На первый взгляд, пошлины казались необременительными, но если учесть, что при их уплате в таможне обязательными были подарки закетчикам, причем по их выбору, обычно в том же размере, что и закет, то пошлина соответственно увеличивалась. По шариату были установлены следующие размеры пошлины: с купцов-мусульман закет взимался — одна штука из 40 со штучного товара, с нештучных платили 1/40 часть стоимости товара или 2,5%; с купцов-христиан и немусульманского вероисповедания шариат приписывал взыскивать 1/20 часть товарами или деньгами, т. е. 5% от стоимости товара. Однако эти положения, введенные в начале мусульманского летоисчисления (VII—VIII вв.), при Арабском халифате, далеко не всегда соблюдались, и размеры закета в большинстве случаев произвольно увеличивались. В краткой записке «О невыгодном для России положении торговли с Среднею Азиею» В. В. Григорьев отмечал, что «уставы Ислама определяли только долю закета, которая вносилась с имущества торговцами-мусульманами; сбор же в том или ином размере пошлины с товаров, принадлежащих христианам, устанавливался повсюду в Средней Азии светской властью, следовательно, ею же мог быть отменен»[65].

В связи с тем, что с купцов-христиан взимали повышенную пошлину, торговать в среднеазиатские ханства ездили главным образом казанские татары, которым доверяли свои товары и русские купцы, нанимая их в качестве приказчиков. Исповедывавшие мусульманскую религию татары пользовались покровительством среднеазиатских правителей и в отправлении своих торговых дел они имели полную свободу, которой пользовались местные купцы. Сложив свои товары в отведенных им караван-сараях, казанские татары могли сбывать их затем и в обмен, и на наличные деньги как на базарах самой Бухары, так и в окрестностях Бухарского ханства. Им выдавались открытые листы, дававшие право беспрепятственного проезда по ханству в любое время[66]. Приобретая в Бухаре товары из первых рук, по возвращении в Россию они выдерживали те же цены, что и среднеазиатские купцы, и имели от торговли большую выгоду[67].

Не во всех ханствах порядки были одинаковыми. В Бухаре, например, с товаров, из какой бы страны они ни ввозились, если принадлежали мусульманину, торговая пошлина взималась в размере 2,5% от стоимости товара; христиане всех наций, а также персы платили 5%, а иногда и 10% со стоимости товара[68]. Из 40 червонцев иностранной монеты взимали по одному, сверх

---

[65] ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 7539, л. 61.
[66] Там же, д. 3284, л. 25—об.
[67] ЦГИАЛ, ф. 13, оп. 2, д. 1149, л. 5—6.
[68] Там же, л. 1—17.

того российский купец платил по 12 червонцев за лавку[69]. С пригоняемых для продажи баранов пошлина взималась натурой — с 40 голов одна; бухарская монета пропускалась беспошлинно[70]. С выпускаемых как местных, так и иностранных товаров в Бухаре никакой пошлины не взимали[71]. Заплатившим пошлину выдавали письменное свидетельство, на основании которого в Бухаре и других городах ханства ее больше не требовали[72]. Пошлину платили обязательно деньгами и безотлагательно. Отсрочку на несколько дней, но не более двух недель, делали в исключительных случаях, при условии, если кто-нибудь из бухарских купцов за это поручался. Если возникали конфликты, то аксакал, представляющий коммерческий суд, старался примирить стороны. Если это ему не удавалось, то дело рассматривал сам кушбеги и с помощью аксакала решал его в последней инстанции[73].

Кроме пошлин, купцы давали кушбеги и его чиновникам, осматривающим товары, подарки сукном или другими предметами, количество которых назначалось караванным начальником, смотря по состоянию и богатству купцов. Подарков, конечно, настоятельно никто не требовал, но они «так вошли в обыкновение, — писал председатель Оренбургской пограничной таможни, — что без них обойтись нельзя» было. За утайку товаров и ввоз их без уплаты пошлин виновных в Бухаре раздевали и водили по улицам, избивая палками. После этого взыскивали штраф, назначаемый кушбеги, в ведении которого находились все таможенные учреждения. Таможенной стражи в Бухаре не было[74].

В Хиве пошлины взимались так же, как и в Бухаре, по шариату. Но хивинские правители взяли себе за правило, чтобы караваны, идущие из России в Бухару, обязательно следовали, хотя и окольным путем, но через Хиву. Если они уклонялись от этого, то караваны подвергались разграблению[75]. Караваны, идущие из России непосредственно в Хиву, останавливались в местечке Ходжейли, где чиновники, высланные главным сборщиком налогов, осматривали товары и пропускали купцов в караван-сараи. После досмотра товары оценивались и с них взыскивалась пошлина. Иногда ее размер вместо установленных по шариату 2,5% доходил до 40%; исключение составляли бараны, за каждого из которых постоянно взимали по полтаньги[76].

По сообщению Г. Ф. Генса, пошлину в Хиве взимали не толь-

---

[69] ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 1654, л. 17—18 об.
[70] Там же, д. 3284, л. 25—27.
[71] ЦГИАЛ, ф. 13, оп. 2, д. 1149, л. 1—17.
[72] ГАОО, ф. 166, оп. 1, д. 6, л. 21—об.
[73] Мейендорф Е. К. Указ. соч. С. 112.
[74] ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 3284, л. 25—27.
[75] Гра А. Материалы к истории Оренбурга//Труды Ученой архивной комиссии. Вып. XI. Оренбург, 1903. С. 23.
[76] ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 3284, л. 27—об.

ко с ввозных, но и с вывозных товаров[77]. Исключение составляли те из них, которые поступали в Хиву с караванами по принуждению, фактически идущими в Бухару. Они платили пошлину только при въезде в Хиву и караван-сарай[78].

С отпускных товаров в Хиве взыскивали один бухарский червонец за два тюка[79]. С товара, оцененного на 4800 руб. или 480 тилля, в Хиве брали 12 тилля, а в Бухаре только 7,5[80]. Уплативших ввозную и вывозную пошлины подвергали еще и риску остаться без товара, так как хивинский хан и его чиновники вынуждали купцов дарить понравившиеся им товары, или платили за них гроши. Кто отказывался делать подарки, тех не выпускали из Хивы вообще. Подарки, подносимые хивинским чиновникам, были значительными, но купцы, боясь притеснений, соглашались на это. Купцы-иноверцы, не имея в торговле свободу и боясь лишиться жизни, почти не ездили в Хиву, а посылали туда своих приказчиков, которых назначали всегда из торговых татар. При малейшем подозрении на утайку товаров купцов в Хиве пытали, а чаще всего отбирали у них товары[81].

Требовали пошлину также казахи, если торговые караваны проходили через их кочевья; они брали ее товарами, которые пользовались у них спросом[82]. Управляющие казахами Чиклинского рода султан Арунгазы Абулгазыев и Чумекеевского рода султан Тимур Иралиев взимали пошлину с товаров в следующем размере: с каждого верблюда по два конца бурмети и по одному халату, а иногда и больше, что в переводе на деньги составляло от 15 до 25 руб.[83] Иногда купцам удавалось избегать этих поборов, если караван был многочисленным[84].

Несмотря на то, что большая часть казахов еще в XVIII в. приняла подданство России, хивинские правители продолжали претендовать на господство над ними. Ханы Хивы стремились контролировать торговые пути, соединявшие Индию, Иран, Афганистан, Среднюю Азию с русскими землями, чтобы облагать караваны пошлинами, а иногда и попросту грабить их. Вызванная этим русско-хивинская конфронтация вынуждала царские власти внимательно следить за действиями Хивинского ханства[85].

Караваны, направлявшиеся в Кокандское ханство главным образом из России, Китайского Туркестана и Бадахшана, а также из Семипалатинской, Петропавловской и Троицкой крепостей, проходили через местечки Сузак и Туркестан, не подверга-

---

[77] Там же, ф. 166, оп. 1, д. 1, л. 55—56.
[78] Там же, ф. 6, оп. 10, д. 3284, л. 27—об.
[79] ЦГИАЛ, ф. 13, оп. 2, д. 1149, л. 1—17.
[80] ГАОО, ф. 166, оп. 1, д. 1, л. 55—56.
[81] Там же, ф. 6, оп. 10, д. 3284, л. 27—об.
[82] ЦГИАЛ, ф. 13, оп. 2, д. 1149, л. 1—17.
[83] ГАОО, ф. 166, оп. 1, д. 8, л. 59.
[84] ЦГИАЛ, ф. 13, оп. 2, д. 1149, л. 6.
[85] Записки о Бухарском ханстве/Отчеты П. И. Демезона и И. В. Виткевича. М., 1983. С 6.

ясь ни остановкам, ни взысканию пошлин, хотя жители этих мест приобретали у купцов товары для хозяйственных нужд.

Правительство, будучи заблаговременно извещенное казахами о прибытии каравана, высылало из Коканда чиновника, который встречал купцов в семи верстах от города Ташкента, где под присмотром небольшой команды караван подвергался «очистке» товаров пошлиной, после чего следовал до Ташкента. Там кокандский чиновник вместе с правителями Ташкента досматривал товары и оценивал их. Пошлина взыскивалась так же, как в Бухаре: 2,5% с мусульман и 5% с иноверцев[86]. По истечении полугода со всех оставшихся непроданными товаров пошлину взимали снова[87]. На пошлины и налоги, поступавшие в казну кокандского хана, содержались двор и войска[88]. Торговые пошлины давали в год дохода до 100 тыс. червонцев. Стоимость одного кокандского червонца равнялась 3 руб. 80 коп. русскими деньгами[89].

Кроме пошлин существовали сборы, установившиеся обычаем — с лавок, весов и базаров. Пошлины собирал мехтер — особое лицо из финансового ведомства, где никакой отчетности не существовало, поэтому хан и сам не знал, по-видимому, точной цифры своих доходов[90].

После взыскания пошлины купцу предоставлялось право совершенно свободного торга по всему Кокандскому ханству. Торгующие в караван-сарае платили в месяц около 5 руб., многие жили по частным домам и торговали на базаре. Большая часть каравана обычно оставалась в Коканде, где торгующие в каменном караван-сарае платили в месяц за лавку 8 руб. С бухарских караванов пошлина взималась в Ходженте, с кашгарских — в Оше. За тайный провоз товаров виновных подвергали телесным наказаниям, а товар отнимали. Караваны из России большую часть товаров оставляли в Туркестане, обменяв их с казахами на сырье. За эту торговлю никто пошлин не требовал[91].

Торговля во всем Кокандском ханстве, как уже отмечалось, была свободной. Купцы, кроме пошлин, никаких податей не платили, иноземцы торговали без всяких ограничений, на равных правах с местными жителями. Как отмечал хорунжий Н. И. Потанин, «во всем Кокандском ханстве определенных податей не платили, в случае необходимости хан обращался к правителям городов, которые собирали с жителей управляемых ими городов требуемое количество денег, скота и других вещей. Хану принадлежала также пошлина с приходящих и выходящих караванов»[92].

---

[86] ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 3284, л. 30—31.
[87] Там же, д. 7359, л. 61.
[88] Хорошхин А. П. Указ. соч.//Туркестанский сборник. Т. XXIII. С. 179.
[89] Там же. С. 187.
[90] Там же.
[91] ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 3284, л. 30—31.
[92] Потанин Н. И. Указ. соч. С. 23.

При отправлении караванов из Кокандского ханства никаких пошлин с купцов не взыскивали[93].

Пошлину с среднеазиатских купцов брали не только в ханствах, но и на торговом пути из Индии в Бухару и дальше в Астрахань, куда караваны шли через территорию нынешнего Афганистана. С караванов, шедших из Бухары в Кабул, взимали пошлину в г. Карши, а затем также на заставе при переходе через реку Амударью. В Балхе со всех ввозимых в город товаров брали городскую пошлину. То же самое повторялось и в городах Хульме, Дуабе, Камарде, Бамиане и далее вплоть до границ Британской Индии. При этом пошлина здесь взималась не со стоимости товара, а с верблюжьего груза, приравненного к 16 пудам или 256 кг. Это приводило к тому, что груз камеди стоимостью 130 индийских рупий, и равный ему по весу груз грецких орехов стоимостью 16 рупий облагался одинаковой пошлиной — по 18 рупий. С английской хлопчатобумажной ткани стоимостью 3 тыс. рупий за верблюжий груз взимали пошлину в 74 рупии, за тот же вес индиго стоимостью 400 рупий брали 72 рупии. Следовательно, пошлина на грецкие орехи была на две рупии дороже их собственной стоимости, тогда как с английских ситцев — менее одной сороковой их стоимости[94].

На пути из Бухары в Герат, помимо пошлины с товара, пошлину брали также с верблюдов, лошадей и ослов, которые следовали в составе каравана; пошлиной облагались и невольники. На этой линии в городах: Карши, Керки, Андхое, Маймене, Альмаре, Фемгузаре, Кала-Вель, Бала-Мургабе, Кале-Но и др. в общей сложности за верблюжий груз платили закет 105 таньга, за верблюда — 51, лошадь — 32, осла — 15, невольника — 88 таньга. В самом городе Герате взималась еще особая пошлина в размере 20%. Кроме того, на некоторых особо опасных переходах по территории разбойничьих племен нанимали проводников из местных жителей, которым за услуги платили «камчин-пул»[95].

Таким образом, торговля среднеазиатских купцов на этой линии была весьма обременительной, кроме пошлин оплата товаров требовала наличных денег. Наиболее выгодной для них была торговля в Оренбурге, где среднеазиатские купцы пользовались льготами и привилегией, дарованной городу Анной Иоановной указом от 7 июня 1734 г. Согласно этой «Привилегии», с 1735 по 1738 г. с среднеазиатских товаров вообще никаких пошлин не брали. По истечении названного срока указом от 20 августа 1739 г. в течение 10 лет, до 20 августа 1749 г., пошлину велено было взимать «против торгующих в Астрахани иноземцев» с уменьшением на 3 копейки, а по прошествии еще 10 лет — на 5 копеек с рубля[96].

[93] ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 3284, л. 30—31.

[94] Вамбери А. Путешествие в Среднюю Азию. Ч. 1. М., 1963. С. 188—228.

[95] Там же. С. 224.

[96] Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии... С. 227.

В связи с тем, что никаких постановлений относительно правил сбора пошлин не было, для регулирования цен оренбургская администрация иногда издавала распоряжения по своему усмотрению. Так, в 1750 г. оренбургский губернатор И. И. Неплюев распорядился розничную и мелочную торговлю на деньги разрешить только гражданам Оренбурга. По его же представлению был издан указ от 10 января 1752 г. о разрешении в Оренбурге ярмарочной торговли для всех[97]. В том же году был утвержден азиатский тариф, в котором были представлены расценки товаров: одна — для поступающих из России, другая — на среднеазиатские. На предметы, которые не вошли в тариф, цены объявлялись самими купцами. Если же они понижались, то таможенным чиновникам предоставлялось право делать 20-процентную надбавку против объявленной цены и взимать пошлину по европейскому тарифу 1731 г.[98]

В 1752 г. был утвержден торговый тариф, на основании которого пошлина в Оренбурге и Троицке со всех товаров взималась в размере 5%, сверх того, вместо прежних мелочных сборов, брали еще по 4 копейки с каждого платежного рубля[99]. Обложению пошлинами подлежали: различные парчи, полотна, занавески, каракуль, кашмирские шали, персидские ковры и индийская кисея[100]. В Оренбургской, Троицкой, Петропавловской и Семипалатинской таможнях с некоторых товаров — шелковых, полушелковых и хлопчатобумажных материй, а также сухофруктов — пошлину брали соответственно качеству по 3% и меньше[101].

Повышенной пошлиной облагались: хлопок — 6 руб., шерсть — 2 руб. с пуда; со скота брали от 2 до 4 руб. Повышенную пошлину по сравнению с европейским тарифом 1731 г. взимали также с пестряди, сермяжного сукна и некоторых других российских товаров. Однако на такие отпускные товары, как иностранные сукна, краска и русская юфть, а также привозные из Средней Азии хлопчатобумажные ткани и мягкую рухлядь, по данным В. Н. Витевского, была наложена «пошлина», почти равная цене товара с меры и числа, что отчасти послужило причиной упадка оренбургской торговли»[102]. Но не только в этом крылась причина упадка, а в той конкуренции, которую российские купцы иногда не выдерживали. Если от торговли со среднеазиатскими купцами прежде они получали прибыли рубль на рубль, то с увеличением конкуренции эта прибыль уменьшилась, но ниже 40% никогда не падала[103], т. е. баланс в русско-среднеазиатской торговле был всегда на стороне Русского государства.

---

[97] ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5286, л. 6.
[98] Витевский В. Н. Указ. соч. Т. 3. С. 839.
[99] Там же.
[100] Оренбургские губернские ведомости. 1809. № 49. С. 246.
[101] ЦГИАЛ, ф. 13, оп. 2, д. 432, л. 7.
[102] Витевский В. Н. Указ. соч. С. 839.
[103] Там же. С. 841.

В 1755 г. был издан новый таможенный тариф, по которому к прежней 5-процентной пошлине была прибавлена еще 13-процентная внутренняя[104]. В 1777 г. в него были внесены изменения, которые заключались в том, что пошлину взимали не с цены и общей суммы товара, а со штуки. В общей сложности она была гораздо выше, чем прежняя пошлина. Постановлением от 7 июня 1800 г. сверх пошлины стали взимать еще и карантинные сборы[105].

Указом от 30 мая 1817 г. снова был утвержден торговый тариф, который начал действовать с 1818 г. От тарифа 1777 г. он отличался тем, что пошлину опять стали взыскивать не со штуки, а с общей стоимости товара. По прежнему тарифу пошлина взыскивалась только с российских купцов, а по новому ее должны были вносить и среднеазиатские купцы. На главные статьи среднеазиатского ввоза: хлопчатобумажную пряжу, шелковые, шерстяные и хлопчатобумажные изделия, некоторые краски, мягкую рухлядь и сырье — пошлина была значительно завышена, а на отпускаемые товары, наоборот, снижена на 1% с оценочного рубля. Этот тариф сохранял свое действие очень долго. В дополнение к нему указом от 4 октября 1830 г. разрешено было ввозить без пошлины только монеты[106]. Провозить золото, серебро и драгоценные камни всегда разрешалось беспошлинно. Это привело к тому, что среднеазиатские купцы вывозили из России большое количество золота и серебра. По данным известного статистика Шторха, за 25 лет конца XVIII — начала XIX в. в Среднюю Азию было вывезено золота и серебра на 25 млн рублевиков[107]. На золотые и серебряные монеты бухарские купцы покупали индийские товары, которые пользовались спросом в Бухаре, а также в России.

С самого начала открытия торговли в Оренбурге указом от 20 августа 1739 г. (пункт 6) среднеазиатским купцам разрешалось провозить свои товары для торговли и во внутренние города России, но с уплатой дополнительной пошлины, которую взимали на основании торгового устава, утвержденного для «иноземцев, въезжающих в Россию через Астрахань»[108]. Это разрешение по ходатайству И. И. Неплюева было подтверждено указом от 19 января 1740 г., однако вызвало многочисленные жалобы со стороны российского купечества на невыгодность такой торговли. В связи с этим 10 мая 1740 г. был издан новый указ, запрещавший среднеазиатским купцам выезжать для торговли внутрь России, что в свою очередь вызвало недозольство с их

---

[104] Там же. С. 839.

[105] ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5286, л. 6—об.

[106] Залесов Н. Посольство в Хиву подполковника Данилевского в 1842 году//Туркестанский сборник. Т. V. С. 220.

[107] ЦГВИА СССР, ф. Военно-ученого архива, коллекция 483, д. 4, л. 13.

[108] ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5286, л. 5—об.

стороны, они жаловались русскому правительству, направляя к нему своих представителей. Боясь осложнить отношения с среднеазиатскими ханствами, русское правительство издало указ от 10 мая 1754 г., на основании которого среднеазиатским купцам снова разрешили проезжать во внутренние города России, но с условием уплаты сверх портовой и внутренней пошлины еще и 10% проезжей, что было узаконено таможенным тарифом от 1 декабря 1755 г.[109]

Торгуя во внутренних городах России, среднеазиатские купцы, приобретали там товары из первых рук, т. е. по более низкой цене, а по приезде в Оренбург перепродавали их по завышенной цене, что лишало российских купцов выгод, которые прежде принадлежали им. Они жаловались русскому правительству и грозились не вывозить в Оренбург свои товары. В результате был издан указ от 13 мая 1763 г., по которому проезд среднеазиатских купцов во внутренние города России был снова запрещен. Запрет действовал до 1 января 1807 г. В этом году был издан манифест и дополнительно к нему указ от 27 октября 1807 г., на основании которых среднеазиатским купцам разрешалось в пределах пограничной линии и в Оренбурге торговать без записи в число гостей, а также выезжать для торговли в течение года только на три ярмарки: Нижегородскую, Ирбитскую и Коренную, без взимания при этом проезжей пошлины[110]. По указу от 26 февраля 1814 г. на право выезда на указанные ярмарки среднеазиатским купцам стали выписывать паспорта, за которые взыскивали плату в сумме 50 руб. в год. Разрешение торговать на трех ярмарках было подтверждено постановлением Азиатского комитета дважды: 28 июля 1825 г. и 28 февраля 1832 г.[111]

Несмотря на существующие ограничения, среднеазиатские купцы под разными предлогами старались выезжать во внутренние города России. В частности, под видом сбора долгов они подолгу проживали там и скупали с первых рук товары, подрывая тем самым положение российского купечества. Оно снова жаловалось и просило русское правительство запретить проезд среднеазиатским купцам во внутренние города России или же взыскивать с них гильдейские пошлины. Их жалобы, хотя иногда и принимались во внимание, однако из опасения, что стеснение среднеазиатских купцов может повлиять на отношения с ханствами[112], неоднократно признавались неуважительными. Так, жалобы российского купечества были отклонены постановлениями Азиатского комитета, «высочайше» утвержденными 28 июля 1825 г., 25 апреля 1830 г., 28 февраля 1832 г. и 11 марта 1837 г.

---

[109] Там же.
[110] Там же, д. 394—а, л. 37 и 37—об.
[111] Там же, д. 5286, л. 6.
[112] Залесов Н. Указ. соч.//Туркестанский сборник. Т. V. С. 220.

Кроме того, запрещение среднеазиатским купцам торговать во внутренних городах России, было крайне невыгодно для российских мануфактур, которые вынуждены были сбывать свою продукцию не в первые руки, а через многочисленных посредников.

Интересуясь внутренней торговлей среднеазиатских ханств и его торговыми учреждениями, оренбургская администрация собирала данные о денежном обращении и скупала образцы монет. Накопленные данные обобщались и доставлялись в Азиатский департамент. Так, в начале 1828 г. председатель Оренбургской пограничной комиссии Г. Ф. Генс направил туда «Записку о монетах бухарских и хивинских»[113], из которой следовало, что купля продажа в Бухаре осуществлялась на золотые, серебряные и медные деньги. Расчеты по торговым делам производились бухарскими червонцами.

По данным, собранным в Оренбурге в начале 1806 г., золотой червонец бухарского чекана стоил 6 русских рублей, серебряная монета — 34 русских копейки, медная — почти $1^1/_2$ русской копейки. Таким образом, в одном бухарском червонце заключалось 18 серебряных бухарских монет, в одной серебряной монете — почти 24 медных. Однако бухарцы, торгующие в России, как отмечал директор Оренбургской пограничной таможни П. Величко, оценивали свои червонцы в десять рублей, потому что товар, купленный в Бухаре за один червонец, в России они сбывали за 10 и 12 руб., исходя из спроса на него[114].

Ввозимая в Бухару иностранная золотая монета переделывалась в бухарские червонцы. Так, на монетном дворе, располагавшемся неподалеку от ханского дворца, из 100 голландских червонцев выбивали 75 бухарских, из которых два удерживали за переделку. Отсюда 100 голландских червонцев в Бухаре стоили 73 бухарских червонца. Всякая иностранная монета — золотая и серебряная — ходила в Бухаре по курсу и пробе свободно. Ввоз и вывоз монет, даже бухарских червонцев, а также переделка их в вещи не запрещались. Однако изготовление монеты частными лицами каралось смертной казнью[115].

В обращении собственного бухарского чекана, по данным Г. Ф. Генса[116], находились следующие деньги:

1. Золотая монета — тилля величиной более голландского червонца, в поперечнике 9/10 английского дюйма[117], вес 74 грана[118], или 1 и 2/35 золотника[119]. Надпись на л. ст., прочитанная Г. Ф. Генсом: владетель Даниал — богом хранимый, победонос-

---

[113] ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 3284, л. 6—15.
[114] ЦГИАЛ, ф. 13, оп. 2, д. 1149, л. 3.
[115] Там же.
[116] ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 3284, л. 6—15.
[117] Дюйм — мера длины, равная 2,540 см.
[118] Гран — ранее применявшаяся единица аптекарского веса, равная 0,62 г.
[119] Золотник — русская единица веса (ок. 4,266 г), равная 1,96 фунта. Название произошло от златника — древнерусской золотой монеты весом 4,2 г.

ный, 1230 г/х.; об. ст.: чеканено в преславном городе Бухаре, 1229 г/х. Внутреннее достоинство золота, по его же мнению, хорошее. По сравнению с количеством чистого золота в полуимпериалах[120], цена которого 1 и 39/96 золотника равнялась 5 русским рублям серебром, золотая бухарская монета стоила 3 руб. 75,873 копейки, а по курсу— 19 руб. 40 коп., равных 14 руб. 58,3873 коп. ассигнациями. Одна тилля стоила 22,5 таньги.

2. Золотая монета — тилля величиной 9/10 английского дюйма, вес — 73,5 грана или 1 и 1/20 золотника. Надпись на л. ст.: Милость божья, да будет богом хранима, 1239 г. х.; на об.: Чеканено в преславном городе Бухаре, 1240 г. х. Внутреннее достоинство в сравнении с полуимпериалом равнялось 3 руб. 73 и 1/3 коп. серебром или 14 руб. 48 и 16/30 коп. ассигнациями. За одну тилля этого чекана в Бухаре давали 22 таньги.

3. Золотая монета — тилля величиной 8/10 английского дюйма, вес — 60 гранов или 6/7 золотника. Надписи на л. и об. ст. те же, что и на № 1, лишь на обороте означен 1231 г. х. Внутреннее достоинство — 3 руб. 04,7619 коп. серебром или 11 руб. 82,4762 коп. ассигнациями. Курс соответствовал внутреннему достоинству.

4. Серебряная таньга величиной около 6/7 английского дюйма, вес 50 гранов или 5/4 золотника. Надпись на л. ст.: Эмир Хайдар Сейид; на об.: Чеканено в преславном городе Бухаре, 1234 г. х. Внутреннее достоинство — серебро хорошее. По сравнению с достоинством серебряного рубля она стоила 16,931217 коп. серебром или по курсу 3 руб. 72 коп. — 62,9841 коп. ассигнациями. За одну серебряную таньгу давали 54 пула.

5. Точно такая же серебряная таньга, описанная под № 4, но 1236 г. х.

6. Медная монета — пуль, гораздо толще таньги, вес 120 гранов или 1 и 5/4 золотника; в одном пуде 2240 монет. Внутреннее достоинство: если пуд меди в монете стоил 24 руб., то сама монета — 15/14 коп. За 54 пула давали 1 таньгу, следовательно 2240 шт. или 1 пуд меди стоили 41,5 таньги или 7 руб. 2 1/2 коп. серебром или 26 руб. 13 3/4 коп. ассигнациями.

7. Медная монета — пуль, толще таньги, вес 72 грана или 1 и 1/35 золотника. В пуде 3733 монеты, внутреннее достоинство — около 2/3 коп. За 3733 пула или 1 пуд меди в Бухаре давали 69 и 1/8 таньги или 11 руб. 70 и 1/4 коп. серебром или ассигнациями 43 руб. 53 и 1/4 коп.

8. Медный пуль из белой меди, толще таньги, вес — 1 золотник, в пуде 3840 монет. Надпись на л. ст.: Бухара, 1232 г. х. Внутреннее достоинство — около 2/3 коп. За 3840 монет или

---

[120] Империал — золотая монета, которую с перерывами чеканили в России в 1755—1899 гг., содержал 11,61 г чистого золота, по стоимости = 10 руб. Полуимпериал = 5,85 г или 5 руб.

1 пуд меди давали в Бухаре 71 и 1/9 таньги или 12 руб. 04 коп. серебром или 44 руб. 79 коп. ассигнациями.

В Азиатский департамент были направлены сведения также о хивинских монетах[121]. В Хиве в обращении находились:

1. Золотая монета — тилля, величиной более голландского червонца, в поперечнике 9/10 английского дюйма, вес — 72 1/2 грана или 1 и 1/28 золотника. Надпись на л. ст.: Мухаммед Рахим Богодыр-хан; на об. ст.: Чеканено в великом владении Хиве, 1236 г. х. Внутреннее достоинство — в сравнении с количеством чистого золота в полуимпериале (1 и 39/96 золотника) и по цене последнего 5 руб. серебром хивинская тилля стоила 3 руб. 68 и 1/4 коп. серебром, а по курсу — 19 руб. 40 коп. она стоила 14 руб. 28 3/4 коп. ассигнациями. За 100 червонцев голландских в Хиве давали 75 тилля, за одну тилля — 28 таньги.

2. Серебряная таньга, тоньше бухарской, вес 40 гранов или 4/7 золотника. Надпись на л. ст.: Мухаммад Рахим Богодыр-хан, *победоносный*, 1236 г. х.; *на об. ст.: Чеканено в Хорезме*, 1236 г. х. Внутреннее достоинство — по сравнению с русским серебряным рублем монета стоила 13,545 коп. серебром или по курсу 3 руб. 72 коп. — 50,384 коп. ассигнациями. За одну хивинскую тилля давали 28 таньги, за 5 хивинских таньги— 4 бухарских; одна хивинская таньга стоила 60 хивинских пулов; за бухарскую таньгу давали 75 хивинских пулов.

3. Серебряная таньга, такой же величины, как и № 2. Вес — 37 гранов или 34/40 золотника. Надписи те же. Внутреннее достоинство — 12,529 коп. серебром или 46 и 1/6 коп. на ассигнации. Курс тот же.

4. Серебряная таньга, такой же величины, как и № 2. Вес — 36 гранов или 18/35 золотника; надписи те же, только дата — 1237 г. х. Внутреннее достоинство — 12,19 коп. серебром или 45,3485 коп. на ассигнации. Курс тот же.

5. Серебряная таньга, такой же величины, как и № 2, вес — 35 гранов или 1/2 золотника. Надписи те же, дата — 1231 г. х. Внутреннее достоинство — 11,85 коп. серебром или 14,089 на ассигнации. Курс тот же.

6. Медная монета — пуль, меньше таньги, неправильной формы, вес — 30 гранов или 3/4 золотника. Внутреннее достоинство — около 1/4 коп. Курс — 8960 монет, равных 1 пуду меди, стоили 149 и 1/3 хивинской таньги или 17 руб. 69 коп. до 20 руб. 22 3/4 коп. серебром или от 65 руб. 80 3/4 коп. до 75 руб. 24 1/2 коп. ассигнациями.

7. Медная монета — пуль, как № 6. Вес 28 гранов или 2/5 золотника, в пуде 9600 монет. Внутреннее достоинство равно 1/4 коп. Курс — за 9600 монет, равных 1 пуду меди, в Хиве давали 160 таньга или от 18 руб. 96 и 1/4 коп. до 21 руб. 67 коп.

---

[121] ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 3284, л. 6—15, 20—21.

серебром; от 70 руб. 54 коп. до 80 руб. 52 и 1/4 коп. ассигнациями.

8. Медная монета — пуль весом 27 гранов или 27/70 золотника. В пуде 9955 монет, внутреннее достоинство около 1/4 коп. Курс — 9955 монет, равных 1 пуду меди, оценивались в 165 и 11/12 хивинской таньги или от 19 руб. 66 1/2 коп. до 22 руб. 47 и 1/4 коп. серебром; или от 73 руб. 15 и 1/4 коп. до 83 руб. 59 3/4 коп. на ассигнации.

Сведения о монетах, которые ходили в Бухарском ханстве, были собраны также членами экспедиции А. Негри, посетившей Бухару в 1820 г. Так, по данным священника Будрина, в Бухаре чеканили золотые деньги — тилля, серебряные — таньга, медные — пуль. Из 100 голландских червонцев в Бухаре выбивали 75 бухарских; с них удерживалось 2 червонца за переделку[122]. Тилля стоила 22 таньги, таньга — 50 медных пулов, пуль — 3 руб. русских денег. При размене на российскую монету тилля стоила 16 руб., таньга — 75 коп. За голландский червонец давали 17 таньга, а на целковый — 5 1/2. Бухарские монеты с обеих сторон имели персидские литеры и притом разных сортов: тилля — трех, таньга — трех. Причина их различия заключалась в том, что это «есть ни что иное, — как поясняет Будрин, — как различие ханов, от имени которых они деланы»[123]. Он же сообщает, что из золота и серебра сначала выливали тонкие полосовые прутики, которые разрубались на части, потребные для монеты. Каждую часть клали в станок, на котором снизу были высечены литеры; сверху был штемпель, по которому ударяли молотом и вынимали монету; медные монеты — пуль выливались в особых формах[124].

Как отмечал Е. К. Мейендорф, деньги, чеканенные при эмире Хайдаре (1800—1826), имели различные надписи, содержащие названия титулов, которые он последовательно присваивал себе: «падишах Мир-Хайдар», «эмир уль-мумин (глава правоверных) Мир-Хайдар»; «сейид (потомок Мухаммеда) Мир-Хайдар»; «эмир Даниал Ма'суми-гази» (эмир Даниал, любимец бога и защитник веры); «Абулгази эмир Хайдар падишах», и, наконец, «Ахмедбай бек Ма'суми-гази». На обороте монеты ставилась надпись: Чеканено в благородной Бухаре, и год хиджры[125]. По его же данным, бухарская золотая тилля равнялась 16 руб. русскими ассигнациями или 21 таньга, изготовляемой из серебра. Тилля весила один мискаль (самая малая мера веса в Бухаре). Серебряная тачьга равнялась 55 пулам — монетам из желтой меди или 76 русским копейкам медью; медный пуль равнялся 1,38 коп.[126] Тилля были тяжелее и больше, чем дукаты; серебряная таньга была величиной с 50-сантимовую монету, но несколько толще; пу-

[122] ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 394 а, л. 12.
[123] Справочная книжка Оренбургского края на 1871 год. Отд. II. С. 1—45.
[124] Там же.
[125] Мейендорф Е. К. Указ. соч. С. 113.
[126] Там же. С. 112.

лы были того же размера. Из желтой меди их стали чеканить лишь в 1816 г. Они заменили медные пулы, «ныне называемые «кара пули» и стоящие 1/24 части таньги». Как сообщал Е. К. Мейендорф, для изготовления монеты металлический слиток делили на кружочки одинакового веса, которые затем чеканились. Чеканка была несовершенной, поэтому оттиск редко приходился на середину[127].

А. П. Хорошхин отмечал, что Монетный двор Коканда находился вне ханского замка, располагаясь близ его южной стены. Здесь якобы ежедневно выпускали по 1000 таньга или коканов (20 коп. серебром). Серебро в ямбах, поступавшее из Кашгара, скупалось начальником Монетного двора (зараб-баши) для изготовления монет[128].

По данным хорунжего Н. И. Потанина, «кокандские золотые монеты — тилла, весили один золотник; серебряная монета — танга — 7/8 золотника; медная, пул — 1 золотник. Тилля равнялась 20 танга, последняя — 76 пулам»[129].

В Коканде чеканилась только разменная монета, довольно плохо посеребренная, по весу равная медной копейке. Серебро очень быстро старилось, поэтому ежегодно чеканили новые монеты, на которые обменивались старые. Новая монета называлась «ак-таньга»; за 300 таких таньга давали один бухарский червонец. Если требовали больше, то виновного подвергали телесному наказанию[130].

В Ташкенте исстари ходили деньги, подобные русским пятикопеечным. Монеты состояли наполовину из меди, наполовину из серебра. Прежде они чеканились под именами местных ханов. С тех пор, как начались военные действия, — отмечал А. И. Добросмыслов, — деньги в Ташкенте не чеканились, да и нужды в том не было, так как товары обменивались на товары. Золотой монеты в Ташкенте вообще не было[131].

Собственную монету Ташкент стал чеканить с приходом к власти Юнуса Ходжи (1784 г.), в казну которого поступали доходы Монетного двора. Как сообщал Ю. Соколов, в Ташкенте «чеканилась разменная монета достоинством в 1, 1/2, 1/4 танги (15 коп. по курсу 1866 г.). Год и место чеканки значились только на некоторых выпусках. Начало чекана относится к 80 годам XVIII в. На оборотной стороне монеты, как правило, чеканилась надпись: «Мухаммед Юнус-Ходжа Умари», на лицевой — славословие: «бисмилло...». Однако некоторые монеты, по определению профессора Г. Н. Маллицкого, «имели одним из элемен-

---

[127] Там же. С. 113.
[128] Хорошхин А. П. Указ. соч. С. 187.
[129] Потанин Н. И. Записка... С. 24.
[130] ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 3284, л. 44.
[131] Добросмыслов А. И. Материалы по истории России. Т. II. С. 55—64.

тов чекана изображение птицы, парящей в воздухе, или зверя с длинными рогами (ушами?), иногда тигра»[132].

В Оренбурге были собраны также сведения о мерах и весе, которые составлялись по данным, полученным от бухарских и российских купцов[133]. Бухарские меры веса чаще всего были представлены термином «батман», содержащим 28160 тилля/мискалей или 7 пудов 32 фунта русского веса. Кроме того, в Бухаре существовали промежуточные единицы:

1/2 б.	—нимн батман	14080 тиля/мискалей		или 3 пуда		36 фунтов		
1/4.	дахсир	7040	—.—	1	.	38	.	
1/8.	пянджсир	3520	—.—			39	.	
1/16 б	—дунимсир	—1760 тилля/мискалей		—19 фунтов		48 золотников		
1/32 .	нимсир	880	—.—	9	—.—	72	—.—	
1/64 .	чаръяк	440	—.—	4	—.—	84	—.—	
1/128 .	нимчаръяк	220	—.—	2	—.—	42	—.—	
1/256 .	нимча	110	—.—	1	—.—	21	—.—	
1/312 .	кадак или карванка	90 и 30 117 т/м		1 российский фунт				
1/512 .	ними-нимча	55 тилля/мискалей		58 1 2 золотника				
1/1024 .	нимхурд	22 1/2	—.—	29 и 1.4 золотника				
1/2048 .	нимнимхурд	13 3 4	—.—	14 и 5.8		—.—		
1/28160 .	тилля-мискаль	(бухарский золотник)		-1и7/110 золотника				
1/29952 .	карванка-мискаль	—110 117 т.м.—1 российскому золотнику						

Вес бухарского червонца равнялся 1 тилля-мискалю. Бухарский золотник содержал в себе 74,45454545 гранов, российский — 70 гранов.

Привозимые из России товары в караван-сараях Бухары продавались оптом и всегда на российский вес, при торговле мелкими товарами в лавках употребляли по желанию покупателей то российский, то бухарский вес. Вместо бухарского золотника употребляли бухарский червонец, который редко оказывался полновесным. Два батмана составляли обыкновенную ношу верблюда и в торговле принимались за 16 пудов российского веса.

Один гязь или маховая сажень — бухарская мера, которая содержала в себе 2 аршина 8 вершков российской меры; 1/2 гязи или гязи-ша (от середины груди до кончиков пальцев) равнялась 1 аршину 4 вершкам; 2/5 гязи назывались — алчин (искаженное от российского аршина); 1/4 гязи — нимгязи-ша — 10 вершков; 1/8 гязи — чаръяки-гязи — 5 вершков.

Бязь (белая бумажная ткань) и суса (полосатая полушелковая ткань) продавались в Бухаре сложенными длиною в 1 гязь и каждая складка, составляющая 2 гяза, называлась «кар» (около 4,5 аршин=3,21 м). Прочие товары по усмотрению покупателей продавались то по бухарской, то по российской мере. В российском караван-сарае почти всегда употреблялись российские меры.

---

[132] Соколов Ю. Ташкент, ташкентцы и Россия... С. 44 (примечание 1).
[133] ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 3284, л. 6—8.

Дороги в Бухаре измерялись персидскими фарсангами, составляющими 8 российских верст, поверхность земли — танабами, равными 60 гязам в длину и столько же в ширину. Следовательно, танаб составлял 3600 квадратных гязов или 2500 квадратных сажен российской меры.

Один батман в Хиве называли «дюрт-ун», который содержал 1 пуд 8 фунтов российского веса. Существовали промежуточные единицы[134]:

1/2 батмана или икки—ун-сер—24 фунта российского веса.
1/4 —.— ун-сер 12 —.— —.—
1/8 —.— кыркъ-агыр 6 —.— —.—
1/16 —.— джигирма-агыр=3 фунта российского веса
1/32 —.— ун-агыр=1 фунт 48 золотников р/веса
1/64 —.— биш-агыр= 74 —.—
1/320 —.— агыр= 14 и 2/5 золотника

В Ургенче вес против употребляемого в Хиве был в два раза выше. При снаряжении караванов на верблюда навьючивали 14 хивинских батманов или 7 ургенчских, т. е. по 16 пудов 32 фунта российского веса. При продаже российских товаров в Хиве употреблялись российские вес и мера. Однако хивинский танаб был меньше бухарского и имел 40 гязов в длину и 30 в ширину. Следовательно, составлял 1200 кв. гязов или 833 и 1/3 кв. сажени российской меры.

В Кокандском ханстве употреблялись бухарские вес и меры, счет производили бухарскими червонцами, которые находились там в обращении. В Коканде чеканились только разменная медная монета, довольно плохо посеребренная, весом равная медной копейке.

Нумизматические и метрологические данные имели для Русского государства большое значение. Они помогали изучить внутреннюю жизнь среднеазиатских ханств. Накопленные сведения не утратили своего практического значения и в наши дни, так как дают представление о жизни народов Узбекистана в период феодализма XVIII — первой половины XIX в. Они свидетельствуют о том, что главенствующая роль в то время принадлежала Бухарскому ханству и его столице Бухаре, где осуществлялась оживленная торговля. Со всех окрестностей Бухарского ханства, соседних стран и России сюда стекались купцы. Бухара была средоточием почти всей среднеазиатской торговли, что способствовало росту его городов и развитию ремесленного производства, продукция которого, особенно хлопчатобумажные ткани, пользовалась широким спросом среди кочевого населения казахских степей и туркмен, а также жителей южноуральских степей и Сибири.

[134] Там же (Сведения были составлены председателем Оренбургской пограничной комиссии Г. Ф. Генсом).

Глава 3

ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ХАНСТВ С КОЧЕВНИКАМИ, СОСЕДНИМИ СТРАНАМИ (АФГАНИСТАНОМ, ИРАНОМ И ИНДИЕЙ), С РУССКИМ ГОСУДАРСТВОМ В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. ВВОЗ И ВЫВОЗ ТОВАРОВ, СОСТОЯНИЕ ТОРГОВОГО БАЛАНСА

Узбекистан в первой половине XVIII в. оставался отсталой страной, не освободившейся от междоусобных войн и феодальной раздробленности. «Сама эта феодальная раздробленность, — отмечает О. Д. Чехович, исследовавшая источники по истории Узбекистана этого периода, — была закономерным результатом более глубоких сдвигов в развитии производительных сил и особенно развития феодальной собственности на землю, происходивших в предшествующее время и постепенно приведших к усилению многочисленных провинциальных центров во главе с феодалами, собиравшими значительные материальные средства путем эксплуатации трудящегося крестьянства и ремесленников»[1].

Феодальная раздробленность приводила к внутреннему ослаблению ханств и к захватническим действиям со стороны, что губительно отзывалось на состоянии хозяйства страны. Разруха первой половины XVIII в. привела к сокращению торговли и натурализации хозяйства. Внутренняя торговля, как и прежде, базировалась главным образом на существовании в среднеазиатских ханствах разделения труда между кочевниками-скотоводами, оседлыми земледельцами и ремесленниками сел и городов. В. И. Ленин подчеркивал, что «на базисе ручного производства иного прогресса техники, кроме как в форме разделения труда, и быть не могло»[2]. Вплоть до присоединения Средней Азии к России основные насущные потребности всех трех вышеуказанных групп населения удовлетворялись внутри собственных хозяйств, которые были в значительной степени натуральными[3].

Как отмечает П. П. Иванов, процесс феодализации, усиленно развивавшийся в Бухарском ханстве на протяжении XVII в., завершается в первых десятилетиях XVIII в. полной децентрализацией политической власти и созданием крупного землевла-

[1] Чехович О. Д. К истории Узбекистана в XVIII в.//Труды Института востоковедения АН УзССР. Вып. III. Ташкент, 1954. С. 45.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 428.

[3] История Узбекской ССР. Т. I. Кн. вторая. Ташкент, 1956. С. 27.

дения, сосредоточенного в руках феодальной знати. Власть бухарского хана фактически не простиралась за пределы столицы, будучи и здесь ограничена постоянным контролем и вмешательством главного ханского сановника — аталыка, назначавшегося из числа узбекских феодалов. Подобное же явление упадка ханской власти наблюдалось и в Хивинском ханстве, где за небольшой промежуток времени, прошедший со смерти хана Ануши (1637 г.), до вступления на престол хана Ширгазы (1716 г.) сменилось, по данным П. П. Иванова, около 10 ханов, большинство которых было свергнуто или даже убито представителями местной узбекской знати — аталыками и инаками, стремившимися укрепить свое влияние за счет ослабления ханской власти[4].

Общие условия политической жизни среднеазиатских ханств неблагоприятно отражались на хозяйственной деятельности населения. Враждуя друг с другом на почве раздела власти, узбекские феодалы подвергали разорению города и села своих противников, следствием чего был упадок сельского хозяйства, ремесла и значительное ослабление экономической жизни страны в целом.

С упадком ханской власти и междоусобиями в политической жизни Бухары и Хивы в начале XVIII в. наблюдался и упадок торговли в этих ханствах, что подтверждается данными Флорио Беневени, который в реляции Петру I от 10 марта 1722 г. писал из Бухары, что «коммерция в здешнем крае с добрым порядком, как инде практикуется, николи заведена быть не может, разве тогда, когда хан получит соверните». Он отмечал также, что «за деньги ни одному приезжему купцу сразу свой товар продать было невозможно, так как в Бухаре трудно было найти такого богатого торговца; товар брали купцы — перепродавали в долг и расплачивались за него только после того, как продадут из своей лавки весь товар»[5].

Особую статью торговли в этот период составляли товары, которые принадлежали хану, они не облагались пошлиной. Эмиры и ханы были крупными оптовыми торговцами и благодаря своей неограниченной власти и своим связям получали огромные прибыли. Общая сумма собираемой по Бухарскому ханству пошлины составляла 47 тыс. бухарских червонцев[6]. Активное участие ханы принимали и во внешней торговле. Так, А. В. Панков на основании данных из сборника князя Хилкова сообщал о том, что в 1705 г. в Россию прибыло бухарское посольство во главе с Алибеком Кочекбековым. Вместе с посольством приехал купец Миркубай Миргордаев, с которым бухарский хан отправил 30 вьюков с товарами на 10 тыс. руб. и снабдил его грамотой с

---

[4] Иванов П. П. Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.). М., 1958. С. 89—92.

[5] Записки Императорского русского географического общества (ЗИРГО). Кн. IX. Спб., 1853. С. 375—376, 380—384.

[6] Генс Г. Ф. Некоторые сведения о Бухарии//Отечественные записки. Кн. XIV. Ч. VI. Спб., 1821. С. 306.

обращением к Петру I не взимать с этих товаров пошлины, как *равно и с вещей, которые будут куплены для ханского двора* в России. Царь удовлетворил просьбу хана, для товаров которого по указу его в Гостином дворе Астрахани были отведены два амбара. Но не всегда ханам удавалось вести беспошлинную торговлю. По словам бухарского посла Кулибек топчи-баши, хан «не дал купчине ни товаров для продажи, ни денег для покупки (их) в России, потому, что с товаров, привезенных в Россию от имени его брата, прежнего хана, были взяты в Казани пошлины, тогда как русский купчина Иван Полк, приезжавший в Россию с немалым количеством товаров, не облагался пошлинами и содержался на счет хана»[7].

Некоторые сдвиги в сторону общего подъема хозяйственной жизни среднеазиатских ханств наблюдались со второй половины XVIII в. После смерти Надир-шаха (1747 г.) и распада его державы среднеазиатские ханства вновь обрели независимость и начали восстанавливать хозяйство. Это время в истории Средней Азии можно считать началом нового периода, когда, борясь против сепаратизма крупных феодалов и опираясь в большей или меньшей степени на торгово-ремесленное население городов, новые династии (Мангыты в Бухаре, Кунграты в Хиве и Минги в Коканде) достигли некоторой централизации государственной власти и экономического прогресса в рамках феодальной общественной формации[8]. Важную роль в этом сыграло усиление экономических и политических связей среднеазиатских ханств с другими странами. Особенно было необходимо наладить торговые связи с соседними странами и кочевой степью, с которыми среднеазиатские жители обменивались излишками своей продукции на необходимые в хозяйстве предметы. «Полунатуральное кочевое хозяйство узбеков и других кочевников нуждалось в текстильных изделиях и прочей продукции ремесленной промышленности оседлых районов, которые в свою очередь нуждались в скоте и сырье, производившихся кочевой периферией». Различие в хозяйственных системах оседлых районов среднеазиатского оазиса и кочевников среднеазиатских пустынь и казахов содействовало интенсивному развитию торговых отношений. «Развивавшийся на этой почве обмен,— отмечал П. П. Иванов,— явился одной из важнейших причин, заставлявших кочевников приближаться к оседлым районам[9]. Кочевники доставляли в ханства различные товары, главным образом сырье, в котором нуждались жители оседлых районов. Ф. Беневени упоминал, например, что в его бытность в Бухару прибыл большой ногайский караван с товарами на 300 верблюдах и доставил: «сукна, бобров, стали, олова и стволов на ружья целых три верблюжьих тюка». Большей ча-

[7] Панков А. В. К истории торговли Средней Азии с Россией в 1675—1725 гг. Торговля с Бухарией (отдельный оттиск). С. 52.
[8] История Узбекской ССР. Т. I. Ташкент, 1967. С. 607—608.
[9] Иванов П. П. Указ. соч. С. 50.

стью они провозили товары контрабандным путем — без клейма, и пошлину за него не платили[10].

Соседство с кочевой степью всегда играло очень большую роль в истории оседлых областей современного Узбекистана и оказывало влияние не только на экономическую жизнь народов среднеазиатских ханств, но и самих кочевников. Земледельцы и ремесленники среднеазиатских городов издавна поставляли им хлеб и ткани, получая взамен скот, кожи и шерсть. Характеризуя взаимоотношения между кочевниками и жителями земледельческого оазиса В. В. Бартольд отмечал, что «для культурных областей Средней Азии торговля с кочевниками — турками всегда имела большое экономическое значение. Для кочевников эти торговые сношения были еще более необходимы, чем для культурного населения; кочевникам было еще труднее обходиться без произведений культурной пормышленности, снабжавшей их одеждой, чем культурному населению без продуктов степного скотоводства; оттого кочевники, как везде, сами пригоняли свои стада для сбыта этих продуктов к границам культурных областей, не дожидаясь, чтобы купцы из этих областей приехали в степь для закупки скота, мяса, шерсти и т. п. Но и культурное население извлекало из торговли с кочевниками большие выгоды»[11]. Такой обмен в первой половине XVIII в. особенно был развит с кочевниками казахской степи, где ни городских центров, ни промышленности (даже ремесленной) в тот период не существовало, вследствие чего казахи в экономическом отношении зависели от окружающих соседей: от России — на севере, от Средней Азии — на юге и Китая — на востоке[12].

До учреждения Оренбургской экспедиции, отмечал П. И. Рычков, среднеазиатские купцы — «Хивинцы, Бухарцы, Ташкентцы и им подобные к Российской стороне далее Киргиз-кайсацких орд (казахских. — *Г. М.*) никогда не приближались, а торговали токмо в улусах обеих оных орд, которые в летние времена часто по самому Яику, и по впадающим в оный речкам располагались, да и торг их состоял токмо в мене бумажных их холстов и в сделанном из этого по их обыкновению платье, на которые вещи выменивали они от Киргизцев (казахов.— *Г. М.*) лошадей и баранов и, отгоняя их в Хиву и другие места, где их не довольно, продавали с прибылью»[13]. Были случаи, когда казахи продавали хивинцам свой скот за деньги, на которые приобретали в Оренбурге нужные им российские товары. Случалось и такое, отмечал В. Н. Витевский, что среднеазиатские купцы выменивали у казахов на свои полотна и ткани пушной товар,

---

[10] Панков А. В. Указ. соч. С. 55.
[11] Бартольд В. В. Соч. Т. II. Ч. I. М., 1963. С. 239.
[12] Иванов П. П. Указ. соч. С. 94—95.
[13] Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Ч. I. Сочинение 1762 г. Оренбург, 1887. С. 225.

перепродавал его затем в Оренбурге и Троицке с большой прибылью для себя[14].

Меновая торговля среднеазиатских народов, преимущественно хивинцев и бухарцев, с казахами и кочевавшими по правому берегу калмыками производилась еще задолго до основания Оренбурга. В летнее время казахи иногда располагались кочевьями недалеко от реки Яика (Урал) и по его левым притокам, особенно по Утве и Илеку, куда прибывали среднеазиатские купцы и на хлопчатобумажные ткани выменивали у казахов баранов, лошадей и верблюдов, прибыльно перепродавая затем их в Хиве и других местах. Бывали случаи, когда хивинцы и бухарцы приезжали с товарами к самому Учугу на Яике, чтобы обменяться с калмыками[15].

Ближайшими торговыми пунктами, где казахи сбывали скот, продукты скотоводства и изделия домашней промышленности, были также присырдарьинские города, куда поступала продукция из основных оазисов Средней Азии. Значение последней в снабжении казахских и ногайских степей местной ремесленной продукцией, в особенности текстильного производства, было чрезвычайно велико, и, как отмечает П. П. Иванов, имело решающее значение в экономической жизни степных районов[16].

На изделия текстильной промышленности, как уже отмечалось, среднеазиатские жители выменивали главным образом скот, сбыт которого в первой половине XVIII в. в Среднюю Азию, особенно курдючных баранов, намного превышал его сбыт в России. И в дальнейшем, в XVIII — начале XIX в. рогатый скот, баранов и лошадей казахи, особенно отдаленных от пограничной линии родов, предпочитали отправлять в Бухару, нежели к российским границам, так как их можно было сбыть там по более дорогой цене. Часть скота казахи обменивали на бухарские ремесленные изделия, изготовлявшиеся специально для кочевого населения. По сведениям директора Троицкой пограничной таможни М. С. Чекалова от 6 августа 1815 г., «Бухарское владение, повидимому, всю почти киргизскую торговлю обратило в свою пользу, не допускает ее до границ российских». По его же данным, казахи ежегодно отгоняли в Бухару более 70 тыс. одних только баранов[17].

Большой популярностью у казахов и других кочевых народов пользовались принадлежности туалета. А. Вамбери писал, что казахи, кипчаки и калмыки приезжали в Бухару через степь, чтобы приобрести одежду и сменить «свое платье из лошадиных шкур на легкое йектей (род летней одежды)...»[18].

---

[14] В. Н. Витевский. *И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г.* Т. 3. Казань, 1897. С. 818.

[15] Там же. С. 671.

[16] Иванов П. П. Указ. соч. С. 75.

[17] Государственный архив Оренбургской области (ГАОО), ф. 6, оп. 10, д. 1654, л. 41—об.

[18] Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. Спб., 1865. С. 90.

Бухарские купцы, имея большие выгоды в торговом обмене с казахской степью, старались не допускать казахов к российским границам. Казахи, докладывал М. С. Чекалов, перестали пригонять в пограничные российские города даже лошадей. Наоборот, они стали покупать при меновых дворах, особенно в Троицке, российских лошадей, чтобы усилить свое скотоводство, а лучших лошадей сбывали в Бухаре. Когда оренбургская администрация пыталась склонить казахов на торговлю у российских границ, они отказались, уверяя, что им «способнее и выгоднее пригонять всякий скот в Бухарию и продавать его по своей воле дорогою ценою»[19].

Как известно, казахи разводили громадное количество баранов и лошадей, с которыми было тесно связано их существование. Природа степей определяла вначале (как и везде на заре истории) и занятия, и общественный быт казахов-скотоводов. Для разведения баранов и лошадей было корма достаточно: летом в степи обильный подножный корм, а зимой они на тебеневке. Как сообщал П. И. Рычков, в его время вовсе не было редкостью, если казахи имели по 1000 баранов и лошадей, а у более зажиточных насчитывалось по 3000 баранов и 2000 лошадей. Численность казахов в это время простиралась до 300 тыс. человек[20].

Несмотря на то, что казахи в 40-х годах XVIII в. добровольно приняли русское подданство, экономически они все же тяготели к среднеазиатским ханствам. Это было очень выгодно для Русского государства. Причину такого положения В. Григорьев высказал в письме к редактору газеты «Москва», в котором отмечал, что это происходило вследствие «непонимания степных обстоятельств, на которые администраторы наши долгое время смотрели в европейские очки, туманившие природную зоркость нашу и по отношению не к одной Азии»[21]. Так продолжалось до первой четверти XIX в. С 20-х годов XIX столетия быт казахов, преимущественно Оренбургского ведомства, стал больше интересовать русскую администрацию и по отношению к казахским степям было решено использовать все средства, чтобы «сплотить степи с Россией узами более крепкими, чем теперешние, и поднять материальный быт киргизов (казахов. — *Г. М.*) с пользою для русской промышленности...»[22].

Однако и впоследствии экономические связи среднеазиатских ханств с кочевой казахской степью не приостановились. Среднеазиатские купцы по-прежнему скупали весь скот у казахов, кочевавших вблизи Оренбургской пограничной линии. Реализуя в обмен иногда все привезенные товары, они возвращались в Сред-

[19] ГАОО, ф. 6, оп. 10, 1654, л. 43-об.

[20] Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Ч. I. С. 141; Витевский В. Н. Указ. соч. Т. 3. С. 727.

[21] Туркестанский сборник. Т. I. С. 107.

[22] Там же. С. 109.

нюю Азию, не доходя до российских пограничных меновых дворов.

Бухарские и хивинские купцы производили торговлю с казахами и во время прохождения через их кочевья с торговыми караванами, идущими в Оренбург. Выменивая у них продукты скотоводства — овечью и верблюжью шерсть, войлоки, ковры, кожи и арканы, среднеазиатские купцы обменивали их в пограничных городах России на российские изделия. Они приобретали у казахов также пушной товар: меха волков, лисиц и корсаков[23], реализация которых приносила немалые прибыли.

Во второй половине XVIII в., как отмечает Н. Г. Аполлова, — торговля с казахами имела уже незначительные обороты, так как в хозяйстве рядовых казахов не было излишков. Обремененные всякого рода поборами они могли продавать лишь малое количество изделий своего труда, приобретая только самое необходимое, главным образом предметы одежды и дешевые среднеазиатские хлопчатобумажные ткани. Казахские же ханы предпочитали выменивать на скот у среднеазиатских купцов в Оренбурге, Бухаре и Хиве золото и серебро в слитках[24]. Казахи получали среднеазиатские товары не только в обмен, но и в уплату за то, что нанимались препровождать купеческие караваны. Оренбургский губернатор Рейнсдорп писал, что казахи, которые *препровождали караваны до Оренбурга, брали за это среднеазиатские* товары, а также российские: «всякие сукна, камки, штофы, галуны и множество разных мелочей, отдавая им лошадей, рогатую скотину, овец и разный пушной товар»[25].

Торговля казахов со среднеазиатскими жителями способствовала расширению в их хозяйстве производства изделий из продуктов скотоводства, при этом главное место занимало кочевое экстенсивное скотоводство. Скот круглый год содержали на подножном корму; зимние пастбища обычно располагались на юге, летние — в северных районах. Богатые хозяйства с многочисленными стадами верблюдов и лошадей кочевали на расстояние 700—1000 км. Домашняя промышленность у казахов развивалась медленно, так как на территории Казахстана, как отмечалось выше, отсутствовали города и ремесленные центры; внутристепной обмен был незначительным. Казахи занимались главным образом выделкой кож: бараньих (овчина), конских и козьих. Примитивная их обработка давала сыромятные кожи, которые требовали дальнейшей обработки, чтобы получить из них подошву, юфть или сафьян. Этим занимались русские кожевники.

Большое количество среднеазиатских товаров казахи приобре-

---

[23] Рычков П. И. Указ. соч. Ч. I. С. 231—233.

[24] Аполлова Н. Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX в. М., 1960. С. 204.

[25] Записки Оренбургского губернатора Рейнсдорпа «О недостатках вверенной его управлению губернии 1770 г.»//Вестник Императорского географического общества. Ч. 27. Спб., 1859. С. 90—104.

тали для продажи в Оренбурге. Так, по данным Н. Г. Аполловой, в составе привоза казахских товаров в Оренбург в 1763—1785 гг. были бухарские и хивинские хлопчатобумажные ткани: алача, бязь, набойка (149468 аршин), а также хлопок-сырец (4280 п. 28 ф.) и хлопчатобумажная пряжа (569 п. 2 ф.). За восемь лет (1763—1786 гг.) казахи реализовали в Оренбурге среднеазиатских товаров[26]:

Год	*Всего, руб*	*В том числе среднеазиат., руб*	*Среднеазиатские товары, %*
1763	43520	5549	12,8
1764	23479	2113	9,0
1765	31388	6531	10,5
1782	363893	4286	1,2
1783	326539	18759	5,7
1784	334760	5684	1,7
1785	295537	2925	1,0
1786	760325	431188	56,7

Как видно из приведенных данных, процент вывезенных казахами среднеазиатских товаров в отдельные годы составлял более половины собственных товаров.

Таким образом, связи Средней Азии с казахами были довольно обширными, приносили значительные прибыли среднеазиатским ханствам и были выгодны казахам.

Значительный обмен своими товарами среднеазиатские жители производили и с другими кочевниками, которые обитали на обширных пустынных пространствах Средней Азии. У кочевников-туркмен, например, они приобретали большое количество изделий из шерсти: войлоки, ковры и паласы. Производство этих предметов было тесно связано с хозяйственным укладом пастушеской жизни среднеазиатских кочевников. Они расстилались на полу и заменяли мебель. Из шерсти туркмены изготовляли большую часть одежды, шили мешки, в которые складывалось имущество при перекочевке, делали также нитки, веревки и попоны. Из кож они изготовляли обувь, сбруи и другие шорные изделия, которые использовались не только в хозяйстве, но и шли на обмен с жителями культурных оазисов Средней Азии[27].

Большой популярностью среди оседлых земледельческих народов Средней Азии пользовались туркменские ковровые изделия. Городские жители и население земледельческих районов коврами застилали полы, а ковровые ткани использовали для изготовления вещевых мешков и переметных сумок. Мелкие ковровые изделия, хотя частично и выполняли жители земледельческих селений и горожане в домашних условиях, но чаще всего они предпочитали приобретать таковые у туркмен-скотоводов.

---

[26] Аполлова Н. Г. Указ. соч. С. 206, 265.

[27] Среднеазиатские ковры//Оренбургский листок. 1902. 14 апреля.

В условиях, когда среднеазиатские жители деревянную мебель употребляли мало, «циновки, войлочные и ковровые ткани были совершенно необходимы», — отмечает В. Г. Мошкова. Она констатирует, что ковроделие на территории центральных районов Бухары и Ферганского владения, ныне вошедших в состав Узбекистана, в XVIII — в начале XIX в. было слабо развито. Источники упоминают о крупном производстве ковров среди туркмен, населявших западную часть Бухарского и Хивинского ханств и районы Закаспия[28].

Ковроделие являлось отраслью труда и искусства туркменских женщин. Особенно славились во всей Средней Азии текинские ковры, от торговли которыми в российских городах среднеазиатские купцы имели довольно значительные прибыли. Благодаря хорошим краскам, оригинальному узору и отличной выделке текинские ковры продавались по очень дорогим ценам. Кроме удивительной чистоты красок и прочности ковровой ткани А. Вамбери отмечал поразительное умение женщин «соблюдать симметрию фигур, часто отличающихся большим вкусом, нежели у многих европейских фабрикантов»[29]. Еще выше по качеству считались изготовляемые кочевниками мелкие ковровые изделия: переметные сумки, дорожки и другие предметы, изготовляемые нередко с примесью шелка. Спросом у покупателей пользовались шерстяные молитвенные ковры (намазлыки), небольшие ковры — энси, которыми завешивались двери жилища. Среднеазиатские жители приобретали у туркмен длинные и узкие ковровые сумки с бахромой, которые развешивались по стенам и служили для хранения мелких предметов, и ковровые дорожки шириной 3/4 аршина и длиной 20 аршин[30].

В обмен на ковры и ковровые изделия туркмены-кочевники так же, как и казахи, приобретали главным образом ткани среднеазиатского ремесленного производства: белую бязь (мату), крашеную бязь (зендень), выбойку (чит), а также алачу. Из них они шили одежду и белье. Большой популярностью пользовались бухарские ткани, которые отличались особой прочностью и были очень дешевы. Став товаром широкого потребления, они очень быстро раскупались[31].

Ведя обширную меновую торговлю с кочевниками, жители среднеазиатских ханств развивали торговлю и с соседними странами: Персией, Индией и Афганистаном. Камердинер Николай Минер, посланный Флорием Беневени в местности к югу от Аму-

---

[28] Мошкова В. Г. Ковры народов Средней Азии конца XIX — начала XX вв. Ташкент, 1970. С. 7, 12.

[29] Вамбери А. Указ. соч. С. 211.

[30] Оренбургский листок. 1902. 14 апреля.

[31] Небольсин П. И. Очерки торговли России со странами Средней Азии, Хивой, Бухарой и Коканом (со стороны Оренбургской линии)//ЗИРГО. Кн. X. Спб., 1856. С. 255—289.

дарьи, заметил, что в Балхе и Бадахшане «купечество торговало больше бухарскими товарами: холстами бумажными и кожами; этот товар они меняли бадахшанским жителям на золотой песок и на сплавы серебра, причем золотой червонец равнялся 35 зологникам чистого серебра; золотой песок меняли и на золотые червонцы». Среднеазиатские купцы доставляли сюда и российские товары: иглы, зеркала, ножницы, цветные бисерные бусы, а также меха выдры, бобров; юфть, лосиные и замшевые кожи; низкого сорта сукна зеленого, василькового и красного цветов и малое число английских сукон. Эти товары среднеазиатские купцы обменивали на золото и серебро[32].

Значительные прибыли среднеазиатские купцы имели от торговли ляпись-лазурью, которую приобретали в Бадахшане и тайно провозили в Балх, где батман весом 25 фунтов продавали по «три тамошних червонных», а в России этот камень покупали по 8 руб. фунт. Из него делали всякие галантерейные изделия: украшения к кадилам и евангелию, табакерки, чашки, печати и прочее. По показаниям Н. Минера, бухарские купцы привозили в эти страны также дорогую красную краску — кошениль (местное название «кермез»)[33].

Из всех городов Средней Азии особенное внимание соседних владений привлекала Бухара, которая так же, как и Самарканд, с древнейших времен пользовалась уважением и авторитетом, «задавая тон» и создавая «общественное мнение» во всей мусульманской Азии. Грек Николай Григорьев сообщал, что «торг... бухарцы и у себя с приезжими к ним, и отъезжая в другие места имеют, и сверх здешней ярмарки с караванами каждогодно или когда выдумают в разные города ездят»: в персидские — Мешхед, Исфаган и др.; индийские — Андхой, до которого от Бухары караванной езды 7 дней, в Балх — 9, Кабул, который «границей индейской почитается» — 19, Ляхут — 54 и в столицу Индии Джанабад — 66 дней. Товары, кроме золота, они сюда не привозили. На золото с большой выгодой бухарские купцы приобретали шелковые и хлопчатобумажные материи, которые были очень дешевы. В Персию они пригоняли хороших лошадей. Здесь их можно было реализовать с большой прибылью, но огромные трудности с прогоном удорожали их стоимость, что «самим им дороже золота становятся». Пригоняли также верблюдов и баранов, приобретенных у казахов[34].

Далее он отмечал, что бухарцы ездили также в Ташкент, где на золото выменивали необходимые им предметы, а из Индии и Персии они доставляли сюда больше всего шелковые парчицы и

---

[32] Показания Н. Минера, камердинера Беневени//ЗИРГО. Кн. IX. Спб., 1853. С. 387—392.

[33] Там же.

[34] Вельяминов-Зернов В. В. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Среднею Азиею со времени кончины Абул-хайр хана. Т. 1. Приложение. Уфа, 1853. С. 8—32.

хлопчатобумажные ткани. Из Ташкента бухарские купцы вывозили кожи, «называемые по томошнему сагры и бумажные ж вещи, а сверх того и баранов» (видимо, закупаемых у казахов. — *Г. М.*). Из персидских городов караваны к бухарцам не прибывали, так как в Бухаре «кроме лошадей и баранов на их персицкую руку товаров нет»[35]. Однако позднее положение изменилось. Бухарские купцы, кроме лошадей и баранов, вывозили в персидские города российские товары. Г. С. Карелин, путешествуя по Каспийскому морю в 1832—1836 гг., особенно много их заметил в Мешхеде, куда они поступали из Бухары, приобретенные предварительно в Оренбурге и Троицке. С выгодой продавали бухарские купцы в Мешхеде ситцы, кисею и хлопчатобумажные изделия красивых, в восточном вкусе, рисунков, гладкие коленкоры и миткали, сукна, бархат, юфть, чугун в деле, полосовое железо, сталь, латунь, листовую медь, сахар, галантерею, хрусталь, замки и др. Из Мешхеда бухарские купцы привозили шелк, который приобретали из первых рук по 150—180 реалов за энезанский батман (37 русских фунтов)[36].

Бухарские караваны «беспрестанно ходят в Кабул и Индию», — сообщил майор Бланкеннагель, посетивший Среднюю Азию в 1793—1794 гг. Индийские товары, по его данным, бухарские купцы вывозили в Кашгар (Малую Бухарию), где в уплату за них большей частью получали серебро в слитках. «Караванный путь до сей Бухарии, — писал он, — продолжался 30 дней и, сказывают, что в прохождении пути сего никакой нет опасности»[37].

Многолюдность бухарских рынков отмечал Т. С. Бурнашев, побывавший в Бухаре в 1794—1795 гг. Он писал, что «сверх большого числа собственных жителей здесь всегда множество находится людей, приезжающих для торговли из Персии, Индии, Китая, Кокандского, Ходжентского и Хивинского владений, также российских татар, грузин, армян, и разных кочевых народов»[38].

Бухару со специальным заданием неоднократно посещал А. Субханкулов, башкир, состоявший на русской службе. В 1809 г. он писал оттуда, что самый большой торг открывается здесь в декабре, январе, феврале и продолжается иногда до 15 апреля; после этого купцы разъезжаются в другие удобные для торговли места[39]. Они вывозили товары в другие среднеазиатские города, а также в Маймане, Герат и даже в Кандагар и Кабул.

---

[35] Там же.

[36] Путешествие Г. С. Карелина по Каспийскому морю//ЗИРГО. Т. X. Спб., 1883. С. 261.

[37] Путевые заметки майора Бланкеннагеля о Хиве в 1793—1794 гг. с примечаниями *В. В. Григорьева*//Вестник РГО. Ч. 22. 1858. С. 100.

[38] Бурнашев Т. С. Путешествие от Сибирской линии до г. Бухары в 1794 г. и обратно в 1795 г. С. 68.

[39] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, коллекция 410, д. 25, л. 3.

Последние два города, как отмечал А. Вамбери, хотя и были ближе расположены к Пешавару и Карачи, предпочтение отдавали российским товарам[40].

Через Герат в Персию среднеазиатские купцы вывозили овечью шерсть, сухофрукты, красную краску и другие изделия местного производства; взамен привозили опиум (териак) из Мешхеда, английские товары из дома Ралли и К°, сахар и кожевенный товар. Из Мешхеда в Бухару вела дорога, которую можно было одолеть за 10 дней, но бухарские караваны принуждали идти окольной дорогой через Герат, который находился втрое дальше.

Торговлю с Афганистаном Бухарское ханство осуществляло главным образом летом, так как зимой снег совершенно заносил горные переходы Гиндукуша. Ежегодно в Бухару прибывало товаров из Афганистана на 3—3,5 тыс. верблюдах. Из Кабула в Бухару доставлялись товары индо-английского производства ежегодно на 170 тыс. фунтов стерлингов, или более чем на 1 млн. руб. ассигнациями. Среди них разные бумажные, шелковые и шерстяные изделия, кашмирские шали, индиго и опиум. Из Кабула в Бухару возили также бумажные шали (пота) с синими и белыми полосами, которые шли на летние тюрбаны. Из Бухары в Афганистан в значительном количестве вывозили: шелк-сырец, хлопчатобумажные ткани и российские товары — сукно, металлические изделия, сундуки и др. В привозе мануфактурных изделий Афганистан не нуждался, так как они в большом количестве доставлялись из Англии и Индии[41].

Бухара всегда была многолюдна. Как заметил Е. К. Мейендорф, здесь «можно было встретить купцов из России, немного кокандцев, а также персов; иногда попадались кашмирцы». Ни тибетцев, ни китайцев он не встречал. В Бухару приходили три, редко четыре каравана из Ирана[42]. Основным транзитным пунктом в торговле с последним в XVIII в., как и в более ранние периоды, был Мерв, не утративший своего значения и после опустошений, произведенных здесь Шахмурадом[43].

Через Кабул, расположенный в 1600 верстах от Бухары, среднеазиатские купцы торговали с Индией, в Кашмире, находящемся на расстоянии более 3 тыс. верст от Бухары, они закупали главным образом шали[44]. О торговом пути, по которому индийские купцы приезжали торговать в Бухару, в 1735 г. сообщил Марварий Бараев, опрошенный в Оренбургской экспедиции. Он вел из Дели в пограничный с Индией город Кабул, а оттуда через Бадахшан — в Бухару, через которую индийские купцы ездили

---

[40] Вамбери А. Указ. соч. С. 213.
[41] Туркестанский сборник. Т. XXX. С. 116.
[42] Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару/Перев. Е. К. Бетгера. М., 1975. С. 97.
[43] Иванов П. П. Указ. соч. С. 114.
[44] ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 1654, л. 41-об.

торговать в Хиву, а оттуда сухим путем месяца за полтора достигали Астрахани[45].

Путь, по которому бухарские купцы достигали Индии, представлял собой огромный круг; они поднимались по Инду до того места, где заканчивалась судоходность реки, отсюда товары перевозили сухим путем до главного рынка Индии Газны, затем, пройдя через весь Кандагар, попадали в Бухару[46].

Наиболее освоенным бухарскими купцами был маршрут, ведший в Индию через Северный Хорасан: Бухара — Амуль Джейхунский (Чарджоу) — Мерв — Серахс — Мешхед — Герат — Кандагар — Кабул — Пешавар — Лахор. Был и другой, более южный вариант, который от Кандагара поворачивал не на север — к Кабулу, а на юг — в Дадун Шикарпур. Мултан, откуда родом было большинство индийских купцов, занятых в среднеазиатской торговле, находился как раз на полпути между конечными пунктами обоих маршрутов — Лахором и Шикарпуром[47].

Индийские ткани в Бухаре пользовались большим спросом: они закупались главным образом для реализации в российских городах. За десять лет — с 1790 по 1800 г. было вывезено в Россию товаров почти на 50 тыс. рублей. Среди них: бязь, басма, алача, выбойки, занавески, одеяла и покрывала, кисея и полукисея, шелковые изделия с золотыми и шелковыми трафками, а также индийские орехи[48]. Но большей частью среднеазиатские купцы приобретали драгоценные камни, пряности, лекарства и кашмирские шали, потому что они были не только чрезвычайно прибыльными, но и портативными, что облегчало доставку их по трудным переходам между Бухарой и Индией[49].

Индийские купцы и сами ездили торговать в Бухару. Здесь был целый квартал, где проживало до 300 человек коммерсантов. Часть их постоянно находилась в Бухаре, а часть уезжала и приезжала с торговыми караванами из Кабула. Большинство индусов было родом из Мултана (в Пенджабе) и Кабула, некоторые — из Шикарпура. Они доставляли в Бухару в большом количестве кубовую краску индиго, которую называли также «нил», и продавали по 10 червонцев (44 руб. серебром) за один пуд. Иногда в Бухару приходило до двух тысяч верблюдов, нагруженных этой краской[50]. Индийские купцы привозили в Буха-

---

[45] Добросмыслов А. И. Материалы по истории России. Т. II. Оренбург, 1900. С. 47.

[46] Алекторов А. Торговые пути в Средней Азии//Оренбургский листок. 1891. 17 февраля.

[47] Байкова Н. Б. Роль Средней Азии в русско-индийских торговых связях (первая половина XVI — вторая половина XVIII в.). Ташкент, 1964. С. 21—22.

[48] Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. 276, оп. 1, д. 540, л. 20-об.

[49] Алекторов А. Торговые пути в Средней Азии//Оренбургский листок. 1891. 17 февраля.

[50] ГАОО, ф. 6, д. 7, л. 20-об.

ру также значительное количество кашмирских и персидских шалей, на которые в то время была большая мода в России и Европе. В июле 1828 г. бухарец Маркаваев отправил в Оренбург до 600 кашмирских шалей, доставленных из Индии. В Бухаре они стоили от 100 до 300 тилла пара или от 250 до 300 руб. штука[51]. В России их реализовали от 400 до 1000 руб. за одну штуку. Их приобретали главным образом зажиточные люди или для «высочайшего» двора. В феврале 1809 г., например, по заказу двора Оренбургский генерал-губернатор Г. С. Волконский закупил 15 кашмирских шалей разных цветов по цене 400 руб.— всего на сумму 6 тыс. руб.[52]

Индийские купцы торговали не только в Бухаре, со своими товарами они выезжали также и в другие города. Купец Рахим Шаходжа Ахматов, прибывший в феврале 1826 г. в Бухару, через три с половиной месяца выехал с попутным караваном в Хиву, откуда через казахские степи 15 июля 1826 г. прибыл в Оренбург[53]. «Знатнейшими (из привозимых ими товаров), — отмечал П. И. Рычков, — являются золото и серебро... по большей части в индейских, персидских и бухарских монетах», а также «...короткие и широкие кисеи и другие бумажные полотна, шелковые и полушелковые парчицы, что к восстановлению и умножению коммерции с жительствующими в Восточной Индии народами подаст несумненную надежду...». Он констатировал также, что индийские купцы охотно покупали в Бухаре российские товары, доставляемые из Оренбурга[54]. Но больше всего индийские купцы ездили торговать в Астрахань, куда с 1790 по 1800 г. было доставлено товаров на 266,5 тыс. руб. (за то же десятилетие вывезено из Астрахани — на 190,0 тыс. руб.). Среди них были не только индийские, но и бухарские, хивинские и персидские товары[55]. Однако главными посредниками в торговле Индии с Русским государством выступали среднеазиатские и особенно бухарские купцы. Они вывозили из Индии значительное количество товаров, которые пользовались в российских городах большим спросом. Это были драгоценные камни (алмазы, яхонты и лал), пряности (гвоздика, мускатные орехи, перец, инбирь белый, желтый и мускатного цвета), изделия индийского ремесленного производства (материи, шитье золотом и серебром, шелковые ткани, бумажная кисея, добротные выбойки, кушаки и др.)[56]. В правящих кругах России существовало убеждение, что Индия — «всеми почитаемое золотое дно»[57].

---

[51] Там же, ф. 166, оп. 1, д. 1, л. 59-об.

[52] Гра А. Материалы по истории Оренбурга//Труды ОУАК. Вып. XI. Оренбург, 1903. С. 141—142.

[53] ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 3328, л. 17.

[54] Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Ч. I. С. 325—327.

[55] ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, д. 540, л. 20-об.

[56] ГАОО, ф. 6, оп. 1, д. 2, л. 67.

[57] Усов П. С. Вооруженные караваны для торговли с Ост-Индией//Исторический вестник. 1884. № 7. С. 89.

Бухара была посредницей и в торговле с Китайским Туркестаном, откуда ежегодно прибывали караваны, состоящие из 500, а иногда и 800 верблюдов. Позимовав в Кашгаре, весной они возвращались обратно[58]. Торговлю с Китаем и Кашгаром бухарские купцы производили главным образом через Коканд. Здесь она была более оживленной, чем в Чугучаке. Среднеазиатские купцы привозили для обмена хлопок, пряжу, текстильные изделия бухарского и российского производства, каракуль и др. В Кашгар они возили местные бумажные выбойки, шерстяные, шелковые и смешанные ткани и русские металлические изделия. Из Коканда в Бухару доставляли шелк-сырец, а из российских товаров главным образом металлические изделия[59].

Из западных провинций Китая через Чугучак и Семипалатинск, а также через Коканд среднеазиатские купцы вывозили в Россию чай. Но оба пути для торговли были небезопасными, особенно после разграбления в Чугучаке русской фактории. Торговля с Китаем в этом пункте поддерживалась только золотом. Когда обстановка в Коканде становилась неспокойной, то торговля с Китаем и Кашгаром осуществлялась через Бухару[60].

С Китаем Средняя Азия вела самую незначительную торговлю фарфором[61]. Тем не менее мысль о возможности развития более широких связей с ним никогда не покидала российских купцов. Троицкий второй гильдии купец Абдували Абдувагап Абубакиров в своем рассказе о путешествии с товарами в Чугучак писал: «Задобрив в свою пользу местные китайские власти, мы можем овладеть всею торговлею Западного Китая и хозяйничать в Чугучаке, Кульдже, Аксу, Турфане, Яркенде, Тибете и Кашгаре, а оттуда прямой и близкий путь в Пешаур»[62].

Таким образом, среднеазиатские купцы вели значительную торговлю с соседними владениями и вывозили туда не только предметы собственного производства, но и товары, которые поступали из других стран — Афганистана, Ирана, Индии и др. Однако торговля с ними осложнялась тем, что за приобретенные в тех странах товары нужно было расплачиваться валютой. Кроме того, они были отделены от среднеазиатских ханств труднопроходимыми дорогами через хребты гор, на которых к тому же приобретенные товары облагались различными поборами.

Следует отметить, что общение с указанными государствами, у которых были аналогичные с среднеазиатскими ханствами способы производства товаров, не могло внести элементов новой жизни в экономический базис среднеазиатских народов. Их отста-

---

[58] ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 3284, л. 30—31.
[59] Там же, д. 7736, л. 24-об, 25.
[60] Там же, л. 24.
[61] Вамбери А. Указ. соч. С. 214.
[62] Рассказ троицкого 2 гильдии купца Абдул Вали Абдул Вагапова Абубакирова о путешествии его с товарами из Троицка в Чугучак и о прочем// Географические известия. 1850. № 2. С. 403.

лость находилась в прямой зависимости от пребывания в окружении этих государств и народов с низким уровнем производства. Именно из-за этих условий среднеазиатские ханства были заинтересованы в развитии самых тесных экономических связей прежде всего с Русским государством. Тяготение среднеазиатских народов к России, стране передовой культуры и мощного, территориально компактного государственного устройства, общение с нею путем развития экономических связей носили исключительно прогрессивный характер. Наиболее ярко это выразилось в отношениях к России Бухарского ханства.

Русско-бухарские торговые связи, основанные на относительном или абсолютном равенстве сторон, приносили обоюдную выгодность. Бухарские купцы с большой пользой для себя сбывали на рынках России сельскохозяйственную и ремесленную продукцию ханства, а в Бухаре большим спросом пользовались металлические и текстильные изделия российской промышленности. Из самой Бухары и при ее посредстве из других среднеазиатских ханств Россия могла получать: хлопок, марену, индиго, меха лисиц-карганок, каракулевые шкурки (донодар и богона), овчину-мышину (бараньи кожи в виде замши), хлопчатобумажную пряжу, выбойки, шелковые и шерстяные крашеные ткани, бакалейные товары, чай[63].

Особенно большим спросом пользовались бухарские ткани. Они отличались особой прочностью и были дешевыми, хотя были грубее персидских и индийских. Для нетребовательных жителей Сибири, — отмечал Г. Н. Потанин, — они «были более приличны, так как были крепче и дешевле... Почти вся Сибирь ходила в белье и платьях из китайских и бухарских тканей»[64]. По данным Х. З. Зияева, наиболее широким спросом в сибирских городах пользовались: кутни или парча (шелковые и полушелковые), выбойки (большие, средние и низкого сорта), саранжи, алача, или тунпай, кунт в паре, бязь крашеная и белая, занавески и др.[65] Особенно популярными бухарские ткани были среди низших слоев населения России от устья Волги до Казани и Сибири. От реализации среднеазиатских тканей в российских городах бухарские купцы имели значительную выгоду. Мату они покупали в Бухаре по 1—2 копейки аршин, а продавали по 5—6 коп. По сравнению с русскими ситцами даже самого низкого качества она стоила вдвое дешевле[66].

На развитие взаимовыгодной торговли с среднеазиатскими ханствами русское правительство возлагало большие надежды.

---

[63] ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 7736, л. 21—32.

[64] Потанин Г. Н. О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии//Чтение ОИДР. Кн. II. Отдел I. Спб., 1868. С. 86—87.

[65] Зияев Х. З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI—XIX вв. Ташкент, 1983. С. 107.

[66] Кастельская З. Д. Из истории Туркестанского края (1865—1917). М., 1980. С. 57.

Средняя Азия для Русского государства всегда была желанным соседом, «хозяйственные отношения с которым неизменно интересовали Россию не только потому, что среднеазиатские районы поставляли в обмен на русские товары нужные для роста экономики страны продукты, но и потому, что Средняя Азия имела связи со странами Востока (Индией, Китаем) и являлась по отношению с ними постоянным торговым посредником»[67].

Большое значение развитию отношений с среднеазиатскими ханствами придавал Петр I. «Прорубив» окно в Европу в начале XVIII в., он обратил внимание на южно-уральские степи, через которые мечтал открыть ворота в «Полуденную Азию». По мнению Петра Первого, казахские степи имели «значение ключа и ворот, которыми необходимо было овладеть, чтобы завести торговые и другие сношения с Средней Азией»[68]. Для разведки — какими товарами там можно торговать, он послал в Среднюю Азию в 1721 г. Ф. Беневени, поручив «наивяще всего подлинно разведать и усмотреть стараться, какие товары Бухаряне в своем владении имеют и куда оными торгуют и не возможно ли в те краи Российского купечества размножить и через какой канал и какие товары потребны и может ли быть купечество отправлено морем или сухим путем... Стараться доподлинно разведать через бухарцев и хивинцев, живущих в Бухаре, о золоте, реках..., возможно ль получить много того золота...»[69].

Главные задачи экономической политики Петра I в Средней Азии заключались в поиске рынка для русского торгового капитала и разведке ее недр в поисках золотых россыпей. Однако смерть помешала претворить в жизнь грандиозные планы. На развитие взаимовыгодных отношений с среднеазиатскими ханствами большие надежды возлагали и его преемники. Определяющим событием в претворении задуманного было основание в сороковых годах XVIII в. города Оренбурга, ставшего центром русско-среднеазиатской торговли[70]. Русское правительство сумело полностью оценить значение Оренбурга, как оценило прежде Астрахань и Казань, и предоставило торговавшему в Оренбурге восточному купечеству значительные льготы. Издав указ № 11807 от 30 апреля 1763 г., Екатерина II предписала, что «надо стараться всеми силами о большом всегда распространении торговли ...и до какой степени можно ...умножить коммерцию с азиатцами (именно) со стороны Оренбурга»[71], «в особенности меною товаров на золото и серебро, вывозимое в монетах и слитках»[72].

---

[67] Соколов Ю. Ташкент, ташкентцы и Россия. Ташкент, 1965. С. 16—17.
[68] Витевский В. Н. Указ. соч. Т. 1. С. V.
[69] Панков А. В. Указ. соч.//ЗИРГО. Кн. IX. С. 338—340.
[70] Подробно см.: Михалева Г. А. Торговые и посольские связи России со среднеазиатскими ханствами через Оренбург. Ташкент, 1982.
[71] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. XVI. Спб., 1830. С. 230.
[72] Витевский В. Н. Указ. соч. Т. 3. С. 823.

Оренбургская администрация, наделенная широкими полномочиями, предпринимала всяческие меры, чтобы превратить Оренбург в форпост русско-среднеазиатской торговли. Заинтересованные в развитии внешней торговли, среднеазиатские ханства принимали в ней большое участие. Их правители, особенно бухарские эмиры, действуя через своих подставных лиц, охотно вступали в переговоры по вопросам торговли, однако подкрепить эти отношения письменными обязательствами с ними русскому правительству и оренбургской администрации не удавалось. Поэтому результаты всех переговоров оставались не фиксированными и целиком зависели в дальнейшем от усмотрения эмира и его приближенных. К тому же надо добавить, что эмиры с недоверием относились к прибывающим миссиям и окружали их сетью шпионов. Несмотря на это русское правительство старалось не обострять отношений с среднеазиатскими ханствами, стремясь всеми силами их укреплять.

Особенного расцвета русско-среднеазиатская торговля получила при первом оренбургском губернаторе И. И. Неплюеве (1742—1757 гг.). Для управления аборигенами края он подбирал себе талантливых помощников, каковым, например, был полковник Тевкелев. Ему и И. И. Неплюеву Оренбургский край обязан своим первоначальным устройством. Говоря о больших организаторских способностях указанных «устроителей», следует, однако, отметить, что свои мероприятия по освоению нового края они проводили за счет разорения его аборигенов. Известно, какие жестокие меры предпринимал И. И. Неплюев, чтобы подавить волнения башкир[73].

Направляя в Оренбург своих надежных и преданных престолу людей, русское правительство посылало одновременно с ними в качестве помощников и представителей местных национальностей, которые знали быт, язык и нравы аборигенов края. Большую услугу в этом отношении оказал старший переводчик по секретным делам при Петре I Кутлу Мухаммед Мемешев — сын перебежавшего к русской границе казаха, именовавшего себя после крещения Алексеем Ивановичем Тевкелевым[74].

В южно-уральские степи Тевкелев был направлен вместе с И. К. Кирилловым, который назначил его своим помощником и произвел в полковники. В освоении будущего Оренбургского края, которое осуществлялось огнем и мечом, Тевкелев не отставал от царских сановников и вел отчаянную борьбу с башкирами. Он «разорил до тла около 50-ти башкирских деревень; сотнями загонял башкир в пустые амбары и сжигал их; жен и детей башкирских отдавал солдатам, а мужей и отцов подвергал самым жестоким пыткам и казням»[75]. За свое «усердие»

---

[73] Подробно см.: Михалева Г. А. Указ. соч.
[74] Витевский В. Н. Указ. соч. Т. I. С. 135—136.
[75] Там же. С. 143.

он был награжден чином бригадира, землями и крестьянами в Уфимской провинции, а впоследствии дослужился и до генеральского чина[76].

Большое влияние Тевкелев оказал на принятие казахами российского подданства, которое, с одной стороны, обеспечивало спокойствие на юго-восточных границах от опустошительных вторжений, затруднявших колонизацию, с другой — подавало русским купцам и промышленникам много блестящих надежд на торговлю со Средней Азией. Для развития торговли с ней в самом Оренбурге И. И. Неплюев создавал самые благоприятные условия и добился того, что она стала приносить государственной казне значительные доходы за счет поступления пошлин. Большие усилия он прилагал также к тому, чтобы проложить путь торговому движению русских в Среднюю Азию. Но для этого нужно было наладить отношения с казахами, через бескрайние просторы которых шли караванные пути к среднеазиатским ханствам. И. И. Неплюев прежде всего пытался наладить свои отношения с ханом Малого казахского жуза Абулхайром, питавшим неприязнь не только к русским, но и к самому Неплюеву.

Смерть Абулхайра, убитого Барак-ханом, развязала ему руки, так как его отношения с Нурали-султаном — старшим сыном Абулхайра, ставшим ханом вместо отца, были более благоприятными. Неплюев «обласкал и щедро одарил Нурали-хана», чтобы добиться обещания «заботиться о безопасности торговых караванов» во время проезда их через казахские степи[77].

Для развития торговли с Бухарой, Хивой, Кокандом и Ташкентом в Оренбурге и Троицке были построены меновые дворы, куда среднеазиатские купцы доставляли свои товары. Особенно много в это время они ввозили золота и серебра в индийских рупиях и слитках. Русско-среднеазиатская торговля настолько возросла, что с 1745 г. все расходы по управлению Оренбургским краем уже покрывались за счет пошлинного сбора с товаров. И. И. Неплюев докладывал правительству, что «вместо получаемых от начала той экспедиции ежегодно до 30 тыс. руб. из казны (он стал) содержать оную от доходов пошлинных», которые составляли до 50 тыс. руб. в год[78], а до него пошлинный сбор и трех тысяч не достигал[79].

Таким образом, Оренбург уже в первое десятилетие своего существования полностью использовал созданные для него особо благоприятные условия. От торговли со среднеазиатскими купцами на Оренбургской линии получала выгоды не только казна, значительные прибыли приобретало российское купечество. В 1749 г. И. И. Неплюев писал в Коллегию иностранных дел, что

---

[76] Там же. С. 216.
[77] Витевский В. Н. Указ. соч. Т. 3. С. III.
[78] Там же. С. 723—724.
[79] Там же. С. III.

«российские купцы процент на процент, т. е. копейка на копейку получали». Однако с увеличением конкуренции в торговле прибыль понизилась до 70%, а затем и до 40%. Это было следствием того, что каждый купец, исходя из своих узких торговых интересов, неосмотрительно один перед другим понижал цены на российские и заграничные товары. Повышая же цены на среднеазиатские товары, они подрывали общий уровень всей торговли[80].

Доставляя много различных товаров в Оренбург, среднеазиатские купцы, главным образом хивинские и бухарские, старались провозить много серебра, чтобы обменять его на российские товары. Так, в 1749 г. в Оренбург поступило 418 пудов 22 фунта серебра, подлежащих обмену на российские товары. Опасаясь, что среднеазиатские купцы будут «впредь к привозу серебра приохочены», отчего государственной казне и российскому купечеству пользы не будет, коллегия иностранных дел донесла об этом в Сенат. В результате Сенат предложил принять все меры, чтобы в Оренбург доставляли больше российских товаров и обменивали их не на серебро, а на среднеазиатские товары. Чтобы обеспечить Оренбург притоком большого количества товаров, посылаемых от российских купцов «приказчикам и самим купцам (велено) давать подорожные, по силе указов за их двойные прогоны»[81].

В отличие от своих предшественников И. И. Неплюев старался содействовать развитию торговли со среднеазиатскими ханствами «мерами спокойными, тихими и дружелюбными», что способствовало наплыву большого количества среднеазиатских товаров, которые состояли из простых хлопчатобумажных тканей, разных сортов парчи и полотен из черного и серого бухарского каракуля; в привозе были также бадахшанский камень ляпись-лазурь и индийские товары: шелковые материи, хлопчатобумажные полотна, многие сорта кисеи и др. Из Ташкента в Оренбург доставляли виноград, шепталу (персики), яблоки, груши и сухофрукты. Первое место среди привозных товаров в это время занимали золото и серебро, ввоз которых начался уже в 1748 г.[82]

Наплыв драгоценных металлов и камней в Россию был вызван большим спросом на русские изделия в среднеазиатских ханствах. По сведениям Оренбургской пограничной таможни, в короткий срок с 1748 по 1755 г. из Средней Азии в Оренбург поступило до 50 пудов золота и около 4500 пудов серебра в монете (почти все индийскими рупиями) и слитках[83]. В одном только 1749—

---

[80] Там же. С. 732.
[81] Оренбургские губернские ведомости. 1868. № 37.
[82] Витевский В. Н. Указ. соч. Т. 3. С. 815.
[83] Рычков П. И. Указ. соч. С. 229.

1750 г. в Оренбург поступило более 10 пудов золота и 2540 пудов серебра[84].

Как серебро, так и золото в слитках, а также в индийских, персидских и бухарских монетах поступали на оренбургский рынок в качестве товара и стоили: индийские золотые монеты по 6 рублей, бухарские червонцы по 2 руб. 70 коп. каждая[85]. Пошлина с золота и серебра не взималась[86].

Одну из главнейших статей русско-среднеазиатской торговли во второй половине XVIII в. и в дальнейшем составляли простые хлопчатобумажные материи, а также шелковые и полушелковые ткани, вырабатываемые в ремесленных мастерских Бухарского ханства. Первое место в русском привозе среднеазиатских тканей в 1747—1750 гг. занимали зендени (84210 аршин), среднеазиатская пестрядь (83700 аршин), цветная выбойка (81950 аршин). Среднеазиатских полушелковых тканей в Оренбург поступало в 6—7 раз больше, чем шелковых и полушелковых тканей иранского производства[87].

Чтобы создать благоприятные условия для торговли среднеазиатских купцов в Оренбурге, И. И. Неплюев упорядочил цены, установив своим распоряжением от 12 февраля 1750 г. следующую таксу: кошениль — 250 руб. пуд, краска брусковая (индиго) — 60 руб. пуд; сукно-кармазин красного и других цветов от 3 руб. 60 коп. до 4 руб. и от 2 руб. 80 коп. до 3 руб. 20 коп. за аршин; сукна голландские — 2 руб.; кожи яловичные: лучшие — 3 руб. 60 коп., средние — 3 руб. 20 коп. и малые — 2 руб. 80 коп.; выдры русские добрые по 26 руб. и бобры немецкие по 10 руб. пара. Курс рупий — 40 копеек[88]. Хлопок-сырец в Оренбурге продавали по 10—15 коп., а пряжу — 30—40 коп. за фунт[89].

К 1754 г. цены на российские товары в Хиве были: кожа — 2 червонца, юфть — 6; семя канцелярное и сахар по 6 черв. за пуд, воск — 8 черв. пуд, голь по 10 черв. постав, кармазин — 60 черв. половинка, карновые сукна по 8 черв. половинка[90]. По данным Оренбургской пограничной таможни, в конце XVIII — начале XIX в. хивинские халаты в Оренбурге продавали по 6 таньга, самый лучший халат стоил 1,5 черв.; один конец хивинской выбойки — 5—8 таньга, белой бязи — 5—6, буяк (ткань крашеная) — 3,5—8 таньга; красная юфтовая кожа стоила от 20 до 34 таньга. Тяжелые чугунные котлы продавались на вес — по 7 руб. за пуд[91].

---

[84] Михайлов М. Наша среднеазиатская торговля//Туркестанский сборник. Т. V. С. 1—10; Рычков П. И. Указ. соч. С. 322.
[85] Вельяминов-Зернов В. В. Указ. соч. С. 46.
[86] Витевский В. Н. Указ. соч. С. 817.
[87] Аполлова Н. Г. Указ. соч. С. 273.
[88] ГАОО, ф. 166, оп. 1, д. 4, л. 7—8.
[89] Витевский В. Н. Указ. соч. Т. 3. С. 665.
[90] Там же. С. 814. Примечание «б».
[91] ГАОО, ф. 166, оп. 1, д. 1, л. 14 б.

Торговать в Оренбург большей частью приезжали бухарские, хивинские и ташкентские купцы, являясь посредниками в торговле российского купечества с феодальной знатью среднеазиатских ханств. Так, в 1756 г. в Оренбург приезжали 60 купцов из владений Бухарского ханства, 14 ташкентских и 13 хивинских купцов, посланных из владений Каипа через кочевья казахского султана Батыра[92].

О торговых оборотах русско-среднеазиатской торговли свидетельствуют данные Оренбургской пограничной таможни[93]:

Год	*Поступило пошлин, руб.*	*Обороты капиталов, руб.*	*Пошлины с одного руб, %*
1738	546—98	27349—25	2
1739	687—63	34381—99	"
1740	3083—23	154161—62	"
1741	3872—39	193619—37	"
1742	3384—50	113616—58	3
1743	4182—83	139427—83	"
1744	4806—19	160209—33	"
1745	6893—25	229775—00	"
1746	8027—95	267598—44	"
1747	12627—95	420391—75	"
1748	19689—34	656311—33	"
1749	44188—61	1472955—58	"
1750	52506—84	1750226—80	"
1751	85123—84	2837461—50	"
1752	73233—49	2441116—50	"
1753	38884—48	777689—60	5
1754	50362—64	1007252—85	"

Следует отметить, что обороты торговых капиталов неизменно возрастали, принося государственной казне значительные доходы. Если пошлин в 1738 г. поступило немногим более 500 руб., то позднее в отдельные годы (1751 г.) их сумма превышала 85 тыс. руб. По мнению П. И. Рычкова, торговые доходы могли быть и выше, если бы среднеазиатские купцы не привозили из ханств золото и серебро, а также «дорогие каменья», с которых по особому оренбургскому тарифу никаких пошлин не брали[94]. Среднеазиатским же купцам торговать драгоценными камнями и алмазами было очень выгодно, так как указами Правительствующего сената от 2 и 25 ноября 1764 г. им разрешалось проезжать с ними в Москву и Петербург, но с условием, чтобы «вместе с алмазами и другими драгоценными камнями не провозили другие товары для продажи их во внутренних городах»[95].

---

[92] Аполлова Н. Г. Указ. соч. С. 238.
[93] Оренбургские губернские ведомости. 1869. № 49. С. 246.
[94] Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Ч. I. С. 229.
[95] ЦГИАЛ, ф. 13, оп. 2, д. 234, л. 9.

Имея такое разрешение, среднеазиатские купцы в Москве и Петербурге продавали алмазы и драгоценные камни не только российским купцам, но и иностранцам.

В связи с этим президент Коммерц-коллегии, тайный советник П. А. Саймонов письмом от 18 ноября 1797 г. докладывал правительству, что ввоз алмазов и драгоценных камней среднеазиатскими купцами «для российской коммерции не только никакой пользы не приносит, но еще и может уменьшить преимущества в балансе коммерции, принадлежащие российскому купечеству...». Он считал, что торговля со Средней Азией может быть полезна для России, «если она производима будет через них в пограничных российских городах»[96].

Однако, несмотря ни на какие запретительные меры, среднеазиатские купцы под видом сбора долгов за свои товары, ухитрялись проезжать со своими товарами во внутренние города России. Русское правительство старалось не слишком притеснять среднеазиатских купцов, так как торговля с ними приносила казне ощутимые доходы. За 30 лет с 1745 по 1774 г., по данным ведомостей о торговых оборотах по Оренбургской губернии, поступило пошлин в казну 1 038 952 руб., в т. ч. с азиатских товаров — 176 980 руб. За то же время было вывезено товаров из Оренбурга в Среднюю Азию на 5957426 руб., поступило среднеазиатских товаров в Оренбург — на 5047113 руб.[97] В последующее десятилетие 1787—1796 гг. было вывезено товаров из среднеазиатских ханств всего на 4 625 861 руб., в т. ч. бухарскими купцами — на 4 158 316 руб., хивинскими — только на 467545 руб. За это же время было вывезено товаров в Среднюю Азию на 4 094 028 руб., в т. ч. в Бухару — на 3 680 869 руб., в Хиву — 413 159 руб.[98]

Таким образом, меновая торговля с Бухарским ханством принесла российским торговцам за указанные 10 лет доходов более чем на 450 тыс. руб.; выигрыш русских купцов в Хиве за тот же период составил около 50 тыс. руб. Из среднеазиатских ханств регулярно поступали: шелк-сырец, канаус, чесуча, мануфактурный товар, шелковые и бумажные халаты; ковры, половики, одеяла; сухофрукты, кишмиш, фисташки; кожсырье, тигровые шкуры, марена, шорные изделия, кожаные пояса и др.[99] Большим спросом в это время во многих российских городах пользовались хлопок и пряжа[100], очень ценился бухарский каракуль, который шел частично на экспорт, частично оставался в столице[101]. В значительном количестве по-прежнему поступали ткани, главным образом

---

[96] Там же, д. 67, л. 4.
[97] Витевский В. Н. Указ. соч. Т. 4. Приложение. С. 82—89.
[98] ЦГИАЛ, ф. 13, оп. 2, д. 83, л. 18.
[99] Гельмгольц Ф. Оренбургский Меновой двор. Статистический очерк //Известия Оренбургского ОИГО. Вып. 3. Оренбург, 1894. С. 34—76.
[100] ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 1654, л. 34.
[101] Вяткин М. П. Указ. соч. С. 78.

из Бухары и Ташкента. С 1747 по 1785 г., по данным Н. Г. Аполловой, поступило: алачи (4,7%) — 110940 аршин, бязи (42,6%) — 1000462, выбойки (52,7%) — 1238060 аршин[102].

Как видно из приведенных данных, в обороте русско-среднеазиатской торговли видное место всегда принадлежало Бухарскому ханству, общая численность населения которого русскими путешественниками определялась цифрой от 2,5 до 3 млн. человек[103]. В его столице Бухаре в первой четверти XIX в. проживало около 70 тыс., в Самарканде — 30 тыс., в Ходженте — 16 тыс. и в Ура-тюбе — 12 тыс. человек[104].

Бухара, занимавшая первенствующее положение в торговле, была обязана этим не промышленному развитию, а своему выгодному географическому положению. Бухарское ханство находилось в центре Средней Азии и представляло собой плодородный оазис в песчаных степях и пустынях, расположенных между реками Аму- и Сырдарьей, которые служили перепутьем для торговых караванов и превосходным складочным местом для товаров, поступающих из разных стран. Число караванов, ежегодно прибывающих в Бухару, превосходило 15 тыс.[105] Все это явилось «причиной основания Оренбурга», как отмечалось в письме Комитета министров[106] от 4 декабря 1818 г.

Бухарские купцы, предпочитавшие ввозить в Оренбург большое количество золота и серебра, с начала XIX в., наоборот, стали вывозить отсюда золотую и серебряную монету. Взамен своих товаров они приобретали в Оренбурге на 4/5 российских товаров, а на 1/5 увозили звонкой монетой. По данным Оренбургской таможни, было вывезено из Оренбурга[107]:

Год	*Всего товаров, руб.*	*В том числе иностранной монеты*					
		золотых черв.		*франков*		*серебр. таллеров*	
		колич.	*сумма*	*колич.*	*сумма*	*колич.*	*сумма*
1815	1821509	5[illegible]505	690866	1765	54730	17038	102671
1816	1936790	49335	639726	62	2480	43258	254124
1817	—	107206	1237859	—	—	69616	357395
1818	1689001	22589	227120	—	—	13820	62923
1819	1353161	415	9545	—	—	27090	133914

Червонцы на рынке стоили от 12 до 14 руб., франки — от 20 руб. 50 коп. до 40 руб.

---

[102] Аполлова Н. Г. Указ. соч. С. 274.
[103] Иванов П. П. Указ. соч. С. 120.
[104] История таджикского народа. Т. II. Кн. вторая. М., 1964. С. 94.
[105] Туркестанский сборник. Т. XXX. С. 116.
[106] ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 1974, л. 3.
[107] Там же, т. 1, л. 233—256.

Разрешение вывозить из России червонцы и иностранные монеты открывало для среднеазиатских купцов значительные выгоды, — докладывали в Коммерц-коллегию советник 4-го класса Ильинский и асессор 5-го класса Беневоленский. Обменивая свои товары частично на золото и серебро, они имели возможность развивать торговлю с Индией и Персией, а также с турецкими областями, где товары отпускались только за деньги. Когда среднеазиатским купцам вывозить иностранные монеты запрещали, русско-среднеазиатская торговля простиралась в привозе до 3,5 млн. руб., в отпуске российских товаров — на 1,0 млн. руб., иностранных — 1,4 млн. руб. Когда же вывозить иностранные монеты разрешили, привоз товаров составлял 3,8 млн. руб., в отпуске российских товаров было на 1,2, иностранных — 2,4 млн. руб.[108], то есть вывоз иностранной монеты не повлиял на состояние торговли с Средней Азией, наоборот, она увеличилась как по стоимости, так и по количеству товаров. Такое положение сохранялось до начала XIX в., оно поставило в невыгодные условия российское купечество, которое направляло жалобы в Коммерц-коллегию, указывая на вред, происходивший «от выпуску иностранной монеты к азиатцам»[109].

Заметив, что бухарские купцы совершенно перестали ввозить золотую и серебряную монету, ограничили привоз кашмирских шалей и сократили закупку российских товаров, встревожилась и оренбургская администрация. Директор пограничной таможни в 1817 г. докладывал оренбургскому губернатору П. К. Эссену, что среднеазиатские купцы ставят российское купечество в невыгодные условия. Во-первых, от создавшегося положения все выгоды от торговли достаются одним только среднеазиатским купцам; во-вторых, из-за отсутствия конкуренции российские товары обходятся среднеазиатским потребителям по самым дешевым ценам[110].

Однако жалобы российских купцов и оренбургской администрации были оставлены без удовлетворения, так как русское правительство не было заинтересовано в этот период осложнять свои отношения с ханствами, к тому же государственная казна убытков не несла, продолжая получать значительные доходы в виде пошлин. Так, с привозных и отпущенных товаров в Оренбурге было взыскано: в 1803 г. 78,4 тыс. руб., 1808 г. — 46,6, 1809 г. — 38,4 тыс. руб.[111] На оренбургский Меновой двор ежедневно прибывало до двух и более тысяч верблюдов с товарами из среднеазиатских ханств, откуда поступали: алачи бумажные, бязь, складные чалдары, хлопчатобумажная пряжа и хлопок-сырец, выбойки бухарские, занавески, кишмиш, кушаки бумажные, по-

[108] ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, д. 540, л. 21—об.
[109] Там же, л. 25—26.
[110] ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 1654, л. 34.
[111] ЦГИАЛ, ф. 10, оп. 1, д. 1, л. 9; д. 9, л. 53; д. 242, л. 10; д. 243, л. 10; д. 246, л. 19.

лушелковые и бумажные халаты, корень ревень и др.[112] Корень-ревень употребляли в России в качестве красителя для шерстяных тканей, а также «во врачебных целях». Торговля им строго контролировалась и была превращена в государственную монополию[113].

Оживленную торговлю среднеазиатские купцы производили не только в Оренбурге, они ездили торговать также в Троицк[114]. В троицкий Меновой двор ежегодно прибывало до 200 бухарских купцов[115]. Опасаясь, что развитие торговли в Троицке «непременно убьет торговлю в Оренбурге», оренбургская администрация старалась всяческими мерами привлекать купцов для торговли в Оренбурге[116].

Среднеазиатские купцы ездили торговать и в Орск, отстоящем от Оренбурга на 265 верст. Это был маленький городок с населением до 3 тыс. жителей, где среднеазиатские жители приобретали главным образом кожи, вырабатываемые на большом кожевенном заводе орского купца Назарова[117].

Значительную торговлю среднеазиатские купцы производили на ярмарках, куда возили различную продукцию ремесленного производства, главным образом хлопчатобумажные изделия и меха. На Макарьевской ярмарке, например, было реализовано бумажных изделий и мехов: в 1808 г. на 308900 руб., в 1809 г.— 489100 руб. Соответственно прибыль составила в 1808 г.— 9750 руб., в 1809 г.— 21300 руб.[118] Всего было реализовано среднеазиатских товаров в 1810 г. на 2 181 197 руб., в 1811 — 2 577 273 руб. Взыскано пошлин в 1810 г. 40 863 руб., в 1811 г.— 42 720 руб. Отпущено товаров в Среднюю Азию в 1810 г. на 2169141, а в 1811 г.— 2792029 руб.[119]

В обороте русско-среднеазиатской торговли в Оренбурге было товаров, руб.[120]:

Год	*В привозе*	*В отпуске*
1815	1 727 784	1 82 1509
1816	2 570 732	1 93 6790
1817	682 935	свед. нет
1818	2 537 651	1 6 89 001

В 1816 г. из одной только Бухары поступило товаров на 6126, а из Хивы — на 2335 верблюдах. В Бухару было вывезено

---

[112] Там же, ф. 13, оп. 2, д. 1196, л. 3—5; д. 1075, л. 19.
[113] Зияев Х. З. Указ. соч. С. 43—44.
[114] Туркестанский сборник. Т. II. С. 89—91.
[115] ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 1654, л. 17.
[116] Туркестанский сборник. Т. II. С. 91.
[117] Там же, с. 89—91.
[118] ЦГИАЛ, ф. 13, оп. 1, д. 376, л. 75; д. 422, л. 43.
[119] ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 276-а, л. 117, 118.
[120] Там же, л. 133, 621; д. 394, л. 13; д. 2291, т. 1, л. 238—256.

товаров на 5008 верблюдах[121]. Из 7584 верблюдов, прибывших в Оренбург в 1818 г., 5615 было из Бухары[122]. В 1820 г. прибыло из Бухары 4951 верблюд с товарами, а из Хивы — 268[123].

В 1821 г. наблюдалось резкое сокращение прибывавших в Оренбург торговых караванов: из Бухары — 1783, а из Хивы — только 5 верблюдов[124], что объяснялось различными причинами и прежде всего — опасностью разбойничьих нападений и грабежей на караванных дорогах. Российские купцы вообще отказывались ездить в Среднюю Азию, поэтому инициатива торговли находилась в руках среднеазиатских купцов, из среды которых выделялась экономически мощная группа, вкладывавшая свои капиталы в торговлю с Россией. На этой торговле они наживали большие капиталы, а некоторые даже становились миллионерами. Своим богатством среди них особенно выделялся Галибай Кушалов, сосредоточивший в своих коммерческих оборотах капитал почти на один миллион рублей. Кроме московского, он содержал два богатых магазина в Троицке с шалевыми и другими товарами, вывозил свои товары также на Макарьевскую, Ирбитскую и Коренную ярмарки. Вступив в ряды гильдейского купечества, он организовал в Москве крупную регулярную торговлю шалевыми и текстильными изделиями из Бухары, куда отправлял обратно ежегодно большие караваны с железом, медью, оловом и иностранной монетой. Годовой оборот русско-бухарской торговли в это время составлял примерно 10 млн. руб.[125]

Значительные средства в караванную торговлю с Россией вкладывала и феодальная аристократия — крупные землевладельцы Бухарского ханства, а также сами ханы. Причем они вкладывали не только свои капиталы, но и прибавочные продукты, выколачиваемые из непосредственных производителей — крестьян и ремесленников, занимаясь ростовщичеством[126]. Крупную торговлю в России производили такие бухарские купцы, как Азимджан Шарипов и Гафурджан Наврузжанов, имевшие в торговом обороте от 30 до 35 тыс. руб.[127], а также Шакирджан Ашурджанов, мулла Зариф Шарипов (Зариф-кари) и Шакирджан Марис Рахимбаев. Они выезжали также в Москву, где проживали по билетам, выданным на жительство московским военным генерал-губернатором. По данным московского оберполицеймейстера Шульгина от 23-го ноября 1820 г., выданы были билеты Шакирджану Ашуржанову на 4 года, Зарифу Шарипову — на 2 и Шакирджану Рахимбаеву на 5 лет. Непосредственной торговлей в

---

[121] Там же, д. 1269, л. 17.
[122] Там же, д. 1971, л. 150.
[123] Там же, д. 2230, л. 1—67.
[124] Там же, д. 2453, л. 1—22.
[125] Там же, д. 1654, л. 9—12.
[126] Иванов П. П. Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв. М.—Л., 1954. С. 43, 52, 53.
[127] ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 443, л. 4—10.

Москве они не занимались, а ездили на Макарьевскую ярмарку и в Бухару, откуда доставляли товары в кредит местным российским купцам. В Москву приезжали также купцы для сбора долгов за товары, отданные в кредит, и оставались там до следующей ярмарки[128].

В 1818—1824 гг. ежегодно вывозилось товаров в Среднюю Азию на 3 384 858 руб.[129] В Бухару в 1824 г. было отправлено товаров на 1 228 852 руб., в Хиву — на 14869 руб. По данным Оренбургской пограничной таможни, цены на товары в эти годы были: на бирюзу — 100 руб. пуд; 4 шелковых халата стоили 100 руб., за такую же сумму можно было купить 1 и 1/4 пуда хлопчатобумажной пряжи[130]. Почти на этом же уровне оставалась торговля и в 1827 г., когда среднеазиатских товаров из Хивы и Бухары поступило на 1207073 руб. От их реализации казна пополнилась на 160598 руб. На первом месте по сумме привезенных товаров стояли: хлопчатобумажные изделия (434324 руб.), хлопчатобумажная пряжа (286945 руб.) и кашмирские шали (249930 руб.), которых в привозе было 240 шт. Вывозилось значительное количество мягкой рухляди (107 457 руб. 90 к.), хлопка-сырца (51 695 руб.); сухофруктов (9070 руб.), шелка и полушелковых изделий (3174 руб.); камня бирюзы (3200 руб.), шелка-сырца (1600 руб.), шерстяных изделий (776 руб.), цитварного семени (720 руб.) и пшена сорочинского (189 руб.)[131].

Русско-среднеазиатскую торговлю по-прежнему поддерживали бухарские купцы. Из прибывших в Оренбург в 1828 г. 3578 верблюдов с товарами на 4 456 241 руб. из Бухары было 2480, Хивы — 1003, Ташкента — 95 верблюдов[132]. В тот год было отправлено товаров в Среднюю Азию на 3 760 079 руб.; доходы русской казны от этой торговли составили более полмиллиона рублей[133]. Пошлины от караванной торговли в 1829—1837 г. намного возросли и по Оренбургскому таможенному округу составили следующую картину, руб.[134]:

Год	*Поступило пошлин с товаров*	
	привозных	*отпущенных*
1829	2149451—90	1814181—69
1830	2698694—25	1079853—36
1831	2826743—95	1267861—70
1832	1369765—60	704017—27
1833	1443208—90	950743—66
1834	1553186—20	816646—15
1835	2650148—58	1150101—55
1836	9160338—64	1441986—50
1837	3041457—00	1983199—00

[128] Там же, д. 2336, л. 5.
[129] Там же, д. 2933, л. 36, 559.
[130] Там же, л. 574—576, 620, 637.
[131] Там же, д. 3319, л. 188—189.
[132] Там же, л. 245, 252.
[133] Там же, л. 297, 298.
[134] Там же, д. 5286, л. 11—об.

В составе среднеазиатских купцов, прибывших в Оренбург, было[135]:

	1829 г	*1831 г*	*1833 г*	*1835 г*	*1837 г*
бухарцев	213	—	152	341	388
хивинцев	156	691	153	234	—
кокандцев	18		9	—	—
афганцев	—	—	—	—	—
русских	14	11	—	12	25
прибыло вербл.	3976	4088	2492	5475	5720
выбыло—.—	3783	3647	4762	5366	4390
—.— подвод		130	74	157	569

Вышеприведенные данные свидетельствуют о том, что в первой половине XIX в. объем русско-среднеазиатской торговли сильно возрос. Однако этот рост происходил в невыгодных для российского купечества условиях. Как видно из табл. 1, в последнее десятилетие отмечалось уменьшение количества мануфактурных изделий и увеличение привоза таковых из Средней Азии, увеличился в частности привоз хлопчатобумажной пряжи по сравнению с хлопком-сырцом. Кроме этого наблюдался постоянный рост вывоза звонкой русской монеты: деньги были в это время единственным предметом отпуска, освобожденным от пошлин. Для промышленности России вывоз монет, по мнению оренбургской администрации. хотя и не был вредным, но и никаких выгод казна от этого не получала, поэтому и не старалась поощрять его вывоз в Среднюю Азию[136]. Для среднеазиатских же ханств ввоз иностранной монеты был очень выгодным, так как наличие денег облегчало возможность развития широкой торговли с соседними странами (Афганистаном, Индией и др.), где товары реализовались на наличные деньги.

Имея возможность торговать на трех ярмарках, среднеазиатские купцы, однако, предпочитали ездить на Нижегородскую, где продавали товары по следующим ценам[137]:

Наименование товаров	*Ед. измерения*	*Цена*
Хлопок	1 пуд	26 руб.
Хлопчатобумажная пряжа	—"—	54 руб.
Хлопчатобумажные халаты	1 шт.	9—10 руб.
Выбойка	1 конец	5 руб. 25 коп.
Бязь	—"—	2 руб. 20 коп.
Шелковая суса	пара	32 руб.
Каракуль бухарский	100 шт.	500 руб.
казахский	—"—	70 руб.
Сухофрукты	1 пуд	12—14 руб.
Кашмирские шали	1 шт.	600—800 до 1000 р.

[135] Там же, л. 12.
[136] Там же, л. 13.
[137] Там же, д. 4687, л. 30.

Российские товары на Нижегородской ярмарке можно было купить по следующим ценам[138]:

Ситец	шт.	29—32 руб.
Коленкор	»	8—10 руб.
Нанка	»	22 - 27 руб.
Парча мишурная	»	100—120 руб.
Шелковая материя	»	200 - 220 руб.
Сукно	аршин	7—10 руб.
Сахар	пуд	44 - 45 руб.
Жемчуг	золотник	50—60 руб.
Корольки	фунт	90—120 руб.
Семена конопели	пуд	400 - 450 руб.
Юфть — кожа	»	34—46 руб.
Сундуки	дюжина	150—170 руб.
Железо в изделиях	пуд	2р. 50к.—4р. 50к.
Чугун	»	4—5 руб.
Хлеб	»	0 95 к.—1р. 70к.

Поступление товаров на Оренбургскую

Наименование товаров	1829	1830	1831
Хлопчатобумажная пряжа	751210—00	1010832—50	1111467—50
Хлопок-сырец	160820—00	261933—50	98760—00
Мануфактурные изделия	983743—40	1276502—00	1305795—35
Мягкая рухлядь	212052—50	130645—50	295911—60
Краска	36656—00	10295—25	12679—50
Ископаемые	4970—00	7907—50	2650—00
Разные товары	—	528—00	224—10
Итого на сумму	2149451—90	2698694—25	2826723—95

Отпуск товаров в

Мануфактурные изделия	623888—15	386846—80	460966—75
Фабричные и ремесл. изд.	164698—74	96900—91	115004—85
Юфть	213440 00	229011—00	205730—00
Металлы и проч. ископаем.	228437—50	145415—50	112997—40
Кошениль	386172—50	109290—25	224687—50
Колониальные продукты	110102—85	64686—50	80249—00
Сырые материалы	19381—00	26988—60	26572—00
Скот	12440—00	—	25650—00
Разные товары	55661—35½	14713—80	16004—20
Итого на сумму	1814181—69½	1073853—36	1267861—70

Отпущено денег по Оренбургской линии

1829	1830	1832	1833	1834
14217	56210	3836	15345	60135

* ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5286, лл. 11—11 об.

[138] Там же, л. 32.

Среднеазиатские купцы возили свои товары на верблюдах, составляя караваны от 10 до 15 тыс. пудов или от 160 до 200 тыс. пудов различных товаров, большей частью грубых тканей среднеазиатского ремесленного производства, цветных и белых бязей, бурмети, сотканных наподобие китайки, а также выбоек наподобие ситцев «худшей доброты». Вывозили из Средней Азии хлопчатобумажную пряжу и небольшое количество хлопка-сырца, около 100 тыс. готовых халатов, кашмирские шали, сухофрукты, каракуль, бирюзу, ковры и разные шелковые изделия[139]. Основными предметами вывоза из Средней Азии в 40-х годах XIX в., как и прежде, были: хлопчатобумажная пряжа и ткани, которых в 1837—1839 г. было доставлено в Россию до 25% всего вывоза, среднеазиатские шелковые изделия, бухарский и казахский каракуль, вымененный бухарцами у казахов по дороге в Россию, меха, кашмирские шали, ковры и сухофрук-

Таблица 1

линию в 1829—1837 гг., руб.*

1832	1833	1834	1835	1836	1837
471040—00	511960—00	569479—25	912290—00	108690—00	1327168—50
101801—25	139?0—00	31808—00	239498—74	792629—12	26?836—50
581284—55	645695—55	716882—70	1035434—45	722559—55	1112826—40
188121—8·	252540—85	199583—75	403827—50	470597—00	2531?5—20
19307—00	15602—50	28487—50	56844—87	47793—00	73541—75
1150—00	2400—00	4765—00	2215—00	37762—00	1350?—00
58—00	1208—00	2180—?0	68—00	2108—00	176—70
1362765—60	14432?8—90	1553186—2?	2650178—56	3160338—67	3041457—05
среднеазиатские ханства					
265194—69	304231—46	315472—55	368662—60	515009—80	404500—56
43799—80	75439—20	58575—80	84117—3?	122722—10	64264—5?
88189—00	173?64—00	177148—50	227657—00	114120—00	236573—00
145032—50	233909—00	145738—?0	214763—00	279119—70	301328—25
118150—00	95020—00	38561—25	143900—00	244260—00	277626—35
23896—00	98403—25	90756—25	85103—45	42245—50	56776—50
6563—00	18153—50	22?65—00	13238—00	25?51—00	10546—00
—	—	—	—	3660—00	—
13183—25	12523—25	43128—80	12660—20	35818—60	88518—90
704017—24	950743—66	861646—15	1150101—55	1441986—30	1383133—96

с 1829 по 1841 гг., руб. ассигнациями

1835	1836	1837	1839	1840	1841
10265	194590	142086	1004867	1844826	355533

[139] Там же, д. 5286, л. 19.

ты[140]. Общий объем вывоза в эти годы колебался от 2-х до 3,5 млн руб. ассигнациями. В вывозе в Бухару были в основном: *юфть, медь, железо, краски, хлопчатобумажные изделия*, сукна, металл в изделиях, составляя в общем объеме от 1,2 млн до 1,6 млн руб.[141]

Новым моментом в вывозе из России было значительное увеличение удельного веса текстильных изделий. На долю обработанных изделий в 1834—1840 гг. приходилось уже от 50 до 60% всего вывоза товаров из России в Среднюю Азию[142]. На Ирбитской и Нижегородской ярмарках в исследуемый период среднеазиатские купцы приобретали товары у заводчиков, фабрикантов и иностранных купцов из первых рук, стараясь обменивать товары на монету, отчего российское государство теряло никогда не возвратимые капиталы в золоте и серебре[143].

Хороший сбыт на бухарских рынках имели ситцы и платки *Посылинских, Гарелинских, Зубовских и других российских фабрик*. Однако некоторые русские фабриканты в целях наживы шли на злоупотребления — приклеивали к кускам ситца ярлыки (этикетки), украшенные золотом, с указанием на них большей меры, чем в действительности было в куске. Такой ситец они *старались сбывать неграмотным бухарцам, приговаривая*: «все сойдет, все сметет»[144]. Большим спросом в Средней Азии в это время пользовался тик. Хороший сбыт в Бухаре имели сукна, удовлетворявшие среднеазиатских жителей своими расцветками. Сахар-рафинад российских фабрик бухарские купцы покупали небольшими головками для подарков, в широкую продажу фабриканты пускали нечисто-рафинированный кристаллизованный сахар, так как обходился он значительно дешевле[145]. В 40-х годах XIX в. отмечается увеличение привоза почти всех среднеазиатских изделий, кроме хлопка-сырца и кашмирских шалей, так как спрос на последние уменьшился, а хлопок-сырец в большом количестве сбывали в самой Бухаре и в г. Маймене, где в ткацких мастерских изготовляли хлопчатобумажную пряжу и *ткани, пользующиеся спросом в пограничных городах России*[146]. Большой популярностью в это время, особенно у жителей Сибири и прилинейных казахов пользовалась бухарская выбойка. Хотя она была и не очень ровной, но отличалась плотностью и прочностью цветов, так как бухарские ремесленники не жалели ни пряжи, ни марены, из-за дешевизны которых и выбойка была дешевой. Ее вырабатывали кусками, из одного выходило два

[140] Там же, д. 4687, л. 27—об.

[141] Бунаков Е. В. К истории сношений России со среднеазиатскими ханствами в XIX в.//Советское востоковедение. Т. II. М.—Л., 1941.

[142] Ханыков Я. В. Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства//ЗИРГО. Кн. V. 1851. С. 21.

[143] ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5240, л. 19.

[144] Там же, д. 7736, л. 26.

[145] Там же, л. 21—32.

[146] Там же, д. 4687, л. 28—об, 29.

женских платья и стоил он от 1 руб. 25 коп. до 1 руб. 50 коп. русскими деньгами. Шерстяные, шелковые и смешанные ткани также были очень дешевы, отличались плотностью и прочностью красок. Весьма ограниченным был вывоз из Бухары бакалейных товаров, которые, несмотря на обилие фруктов, готовили очень плохо[147].

В 30—40-е гг. XIX столетия отмечается значительное понижение цен на некоторые российские изделия в Бухаре. 11 мая 1834 г. в Оренбурге были составлены новейшие сведения о существующих ценах на российские товары в Бухаре (табл. 2).

По данным Оренбургской пограничной таможни, в 40-х годах XIX столетия отмечается падение цен и на среднеазиатские товары в России. В 1841 г. было ввезено необыкновенно большое количество хлопчатобумажных и шелковых изделий, бухарских и казахских мерлушек и мягкой рухляди, снижение цен на которые составило 20%. Упали цены и на хлопчатобумажную пряжу. В связи с этим привоз указанных товаров в следующем, 1842 г. намного сократился, а привоз хлопка-сырца и сухофруктов удвоился. Отмечалось также уменьшение привоза кашмирских шалей, так как в большом количестве они были завезены в 1841 г. Кроме того, их вывоз уменьшился из-за смут, которые происходили в соседних с Бухарой владениях — Афганистане и в самом Кашмире[148].

В 1842 г. цены на среднеазиатские товары были следующие[149]:

Товары из Средней Азии	*Единица измерения*	*Цена, руб.*
Хлопчатобумажная пряжа:		
самого лучшего сорта	пуд	от 10 до 12, 85
посредственная	»	8,00
Хлопок-сырец:		
лучших сортов	»	от 4,0 до 6,0
средний	»	от 3,30 до 5
Выбойка	шт.	от 1 до 1,25
Бязь белая	»	0,50—0,57
крашеная	»	0,49 0,50
Суса бумажная	»	0,50—0,60
Халаты бумажные	»	1,25 до 2,28
из шелковой сусы	»	6,0—7,14
средние	»	5,0—7,14
Казахские мерлушки	100 шт.	23,0—24,0

В общей сложности торговля этого периода была удовлетворительной и характеризовалась следующими данными, руб.[150]:

[147] Там же, д. 7736, л. 25.
[148] Там же, д. 5260, л. 117—об, 118.
[149] Там же, л. 118, 118—об.
[150] Там же, л. 119—об.

Таблица 2

Ведомость о ценах на товары, составляющие предмет торговли Оренбургского края с Средней Азией и о ценах хлеба в Бухарии, составленная по новейшим сведениям 11 мая 1834 г. (Государственный архив Оренбургской области, ф. 6, оп. 7, д. 778, лл. 49—50).

Название товаров	Счет, вес и мера	Где куплен	Цена покупная на российскую монету серебром	Место продажи	цена продажная на азиатскую монету	на российскую серебряную монету
ТОВАРЫ РОССИЙСКИЕ						
Кошениль (консенельное семя)	Один пуд	На Нижегородской (НГ)ярмар	100 руб	в Бухаре	30 тл	120руб
Сукно красное	Одна половина	—.—	31—25	—.—	11 тл	44 руб
Сукно других цветов	—»—	—.—	25—00	—.—	10 „	40 руб
Ситец —»—	Кусок от 42 до 45 арш.	—.—	6—50	—.—	2 „	8 руб
Нанка лучшая полосатая	3 куска от 42 до 45 арш. каждый	—.—	12—50	—.—	4 „	16 руб
Нанка простая	Кусок от 42 до 50 арш.	—.—	3—75	—.—	18 тн	3—60
Кисея *большой руки*	Кусок в 26 арш.	—.—	12—50	—.—	3 тл	12—00
Кисея малой руки	—»— в 13 арш.	—.—	4—50	—.—	1 тл 5тн	5—00
Саржа бумажная (демикотон)	Кусок от 40 до 43 арш.	—.—	6—00	—.—	1 тл 10 тн.	6—00
Платки шелковые с золотыми цветами	Четыре платка	—.—	4—00	—.—	1 тл	4—00
Платки шелковые без цветов лучшие	Пять платков	—.—	3—75	—.—	1 тл	4—00
						8—00
Плис (*бумажный бархат*)	Кусок 32 арш.	—.—	8—00	—.—	2 тл	4—00
Парча мишурная	3,5 арш.	—.—	3—50	—.—	1 тл	4—00
Парча худшего разбора	7,0 арш.	—.—	3—50	—.—	1 тл	4—00
Проволока медн. и стальная тонкая	Один пуд	—.—	9—50	—.—	3 тл 10 тн	14—00
потолще	Один пуд	—.—	8—00	—.—	3 тл	12—00
Сассапарель	—»—	—.—	32—50	—.—	14 тл	56—00
Холстинка бум. полосатая	Кусок от 30 до 32 арш.	—.—	5—75	—.—	2 тл 5тн	9—00
Позумент золотой	60 золотников	—.—	13—50	—.—	3 тл 10 тн	14—00
Мишурное золото	14 пучков	—.—	3—50	—.—	1 тл	4—00
Сахар — мелис	Один пуд	—.—	9—00	—.—	3 тл	12—00

Продолжение табл. 2

Название товаров	Счет, вес и мера	Где куплено	Цена покупная на рос. монету серебром	Место продажи	цена продажная	
					на азиатскую монету	на российскую серебряную монету
Латунь из желтой меди	—»—	—.—	8—00	—.—	3 тл.	12—00
Медь красная листовая	—»—	—.—	8—00	—.—	2 тл.5 тн.	9—00
Иглы швейные	Одна пачка	—.—	2—75	—.—	3 тл.10 тн.	14—00
Железо полосове	1 батман (8 пудов)	В Троицке	8—00	—.—	3 тл.10 тн.	14—00
Железо прутковое	—»—	—.—	9—00	—.—	4 тл.10 тн.	18—00
Чугунные котлы	2 батмана (16 пудов)	В Оренбурге	16—00	—.—	9 тл.	36—00
Гвоздика	Один пуд	на НГ ярмарке	30—00	—.—	8 тл.	32—00
Чай зеленый	Ящик в 10 фунтов	НГ ярмарке	17—50	В Бухаре	7 тл.	28—00
Зеркала московские величиной в поллиста бумаги	Один пуд	—.—	7—50	—.—	3 тл 10 тн	14 00
Подносы медные	—»—	—.—	13—75	—.—	5 тл.	20—00
Ртуть	—»—	—.—	30—00	—.—	8 тл.	32—00
Воск белый	—»—	—.—	8—75	—.—	5 тл.	20—00
Юфть черная	Десять кож	В Оренбурге	17—50	—.—	5 тл.	20—00
красная кунгурская	—»—	—.—	26—25	—.—	7 тл.	28—00
ТОВАРЫ БУХАРСКИЕ						
Бумага пряденая первого разбора	1 батман (8 пудов)	В Бухаре			30 тл	120—0
второго	—»—	—.			25 тл	100—0
третьего	—»—	—.			20 тл	80—00
Выбойка лучшая	100 концов по 24 арш. каждый	—.			30 тл	120—0
—»— базарная	100 концов от 18 до 22 арш. каждый	—.—			25 тл	100—0
Мерлушки серые	*10 шкурок*	—.—			3 тл	12—00
Пшеница 1 разбора	1 батман (8 пудов)	—.=			12 тн	2—40
2 —»—	—»—	—.—			10 тн	2—00
3 —»—	—»—	—.—			9 тн	1—80
Ячмень	3 батмана (24 пуда)	—.—			1 тл.	4—00

	1841 г.	*1842 г.*
Товары в привозе	2 402 840	2 016 721
в отпуске товаров	1 303 752	1 187 696
монеты	265 932	94 706
Итого	1 596 684	1 282 402
Привоз товаров превысил отпуск на	806 155	734 318

Как видно из приведенных данных, в 1842 г. значительная убыль произошла в отпуске монет, спрос на российские товары поднялся.

Поступление пошлин в государственную казну составило в 1839 г.— 107 660 руб., в 1840 г., 1841 г., 1842 г. соответственно — 137 328 руб., 250 141 руб., 173 603 руб.[151]

Уменьшение таможенных доходов в 1842 г. по сравнению с 1841 г. объяснялось тем, что в привозе было меньше товаров, облагаемых пошлиной.

Таким образом, торговля России с среднеазиатскими ханствами удовлетворяла насущные потребности обеих сторон, вознаграждая ощутимыми выгодами прежде всего российских купцов и государственную казну. О выгодности среднеазиатской торговли оренбургский губернатор И. Рейнсдорп писал еще в 1770 г., отмечая: «...то явно и безспорно..., что баланс Оренбургскому торгу всегда в пользу Российских подданных склоняется... каждый национальный, то есть русский купец, отъезжает в свой дом всегда с тройною прибылью и с потребным ему остатком суровых Бухарских продуктов и таких товаров, кои в России почитаются весьма надобными ж». И далее: «...И найдутся ль еще купеческие города, где б в торгах столь многократный оборот в ней был, как выше сего означено?»[152]

О том, что меновая торговля с среднеазиатскими ханствами была очень выгодна для Русского государства мы узнаем и из другой записки от 5 апреля 1800 г., которую К. Г. Гагарин адресовал графу Растопчину. «Главное основание торговли с азиатскими народами при Оренбурге,— писал он,— с начала было и есть, дабы товары их не на деньги, но меною на товары наши были получаемы. Политическая установленная сему причина есть та, что многие сырые продукты, а равно и обработанные изделия, оттуда привозимые, будучи первые нужны для собственных наших фабрик, другие же для внутреннего потребления, а иногда и для заморского отпуска потребовали бы большого платежа наличными деньгами...» Выгода состояла еще и в том, что в обмен на среднеазиатские доставлялись те товары, которых в России было в избытке, «или весьма мало нам надобные». Меновая торговля,

---

[151] Там же, л. 120—об. 121.

[152] Рейнсдорп Ив. Записка «О недостатках вверенной его управлению губернии 1770 г.»//Вестник ИРГО. Ч. 27. Спб., 1859. С. 101.

заключал он, «ощутимейшим (образом) нас вознаграждает выгодами и обращает азиатский торг в существенную нашу пользу»[153]. Оренбургские администраторы в свою очередь докладывали, что «в промен входили единственно продукты российские и весьма мало чужестранных товаров»[154].

О выгодности меновой торговли со среднеазиатскими ханствами свидетельствуют и данные начальника Петропавловской таможни: чугунные котлы обменивались, например, на меха, причем за каждый котел диаметром в азиатскую четверть (5 вершков) давали одну лисицу или четыре корсака, или же 3—5 лучших тулупных мерлушек. При таком обмене котел весом в один пуд, диаметром 10—12 четвертей стоил около 50 руб., тогда как на Ирбитской ярмарке его приобретали всего за 2 руб. 70 коп. С каждого котла русские купцы наживали более 40 руб. Другой пример приводит Красовский: русский торговец брал за миткаль, стоящий 5 копеек, 30 коп.; плис плохой выделки он выменивал за полбарана, т. е. за 1 аршин платил 1 руб. серебром; деревянное блюдо обменивал на барана, т. е. оно ему стоило 1 руб.[155]

Среднеазиатским купцам запрещалось продавать товары не только за деньги, но и в розницу, что было узаконено специальным торговым уставом, а также выезжать со своими товарами во внутренние города России.

Эти ограничения вызывали справедливые нарекания и жалобы среднеазиатских купцов, с которыми они через своих представителей обращались к русскому правительству. Российское купечество также жаловалось на невыгодные условия в своей торговле. Правительство понимало, что уравнения прав русских купцов в Средней Азии можно добиться только учреждением торгового консульства, но переговоры по этому вопросу всегда были безуспешными, так как на учреждение в среднеазиатских ханствах коммерческого агента его правители никогда не соглашались[156].

Несмотря на возникавшие разногласия, русско-среднеазиатская торговля никогда не приостанавливалась и приносила ощутимые доходы государственной казне и большие выгоды среднеазиатским купцам.

Инициативу торговли среднеазиатскими товарами в России и российскими в Средней Азии по-прежнему в своих руках держали среднеазиатские, особенно бухарские купцы и торговые казанские татары. Этому благоприятствовало то обстоятельство, что российские купцы не могли перейти Урал и приехать в Оренбург из-за опасения быть взятыми в плен разбойниками в казахской степи и проданными на невольничьем рынке Хивы. Несколько обезопасить край удалось В. А. Перовскому. Благодаря устройст-

[153] ЦГИАЛ, ф. 13, оп. 2, д. 234, л. 6, 7.
[154] Там же, д. 83, л. 13.
[155] Бекмаханов Е. Б. Присоединение Казахстана к России. М., 1957. С. 34—35.
[156] ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 7736, л. 101—102.

ву укреплений на р. Сырдарье, особенно форта № 1 — Казалы, переход караванов от Оренбурга до этого форта на расстояние более 300 верст стал безопасным[157].

В 50-х годах XIX в. бухарские, хивинские и ташкентские купцы в города Оренбургской линии доставляли разных товаров до 20 тыс. пудов. Торговлю Средней Азии с Россией этого периода характеризуют данные, которые приводит А. Вамбери, фунты стерлингов[158]:

Товар	*Всего*	*Бухара*	*Хива*	*Коканд*
Вывоз из России в Среднюю Азию				
Монеты, золото и серебро	229554	213969	15210	375
Медь	49675	45776	1856	2043
Железные и стальные изделия	102437	82127	9331	10970
Бумажные материи	223181	156707	58915	7559
Шерстяные —»—	78312	50467	25869	1976
Шелковые —»—	15420	10550	4799	71
Кожи	123533	81543	37921	4069
Деревянные изделия	9881	8595	460	826
Красильные вещества и краски	67232	48635	17904	693
Другие товары	115012	85416	27567	2031
Всего	1014237	783785	199830	30662
Ввоз в Россию из Средней Азии				
Хлопок-сырец и х/б пряжа	412150	333177	76255	2718
Бумажные товары	601802	498622	88960	14180
Шелк-сырец и шелковые материи	20691	17443	3088	160
Шерстяные материи	1082	428	1322	52
Крап	34555	7351	26201	7
Меха и мерлушки (каракуль)	160065	151773	6297	1995
Драгоценные камни и жемчуг	18559	17856	703	—
Сушеные плоды	44814	27784	2147	16883
Шали кашмирские	24242	24242	—	—
Другие товары	28057	19661	4452	3041
Всего	1345741	1096380	249425	39936

Как видно, в 40—50-х годах XIX в. ассортимент товаров русско-среднеазиатской торговли почти не изменился. Новую статью торговли в эти годы составили чай, который поступал из пограничного с Китаем города Чугучака, шелк-сырец из Бухары[159].

По заключению начальника Оренбургского таможенного округа, особенно благоприятным для торговли был 1846 г., о чем можно судить по поступившим пошлинам: в 1843 г.— 96045 руб., в 1844 г.— 98430 руб., 1845 г.— 125838 руб., 1846 г.— 150501 руб.

Выгоду среднеазиатские купцы получили «от дешевой покупки мануфактурных и других товаров русских», в связи с чем российское купечество понесло потери. Значительный вред ему нанесло также соперничество английских товаров[160].

---

[157] Там же, л. 27—об.
[158] Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. С. 212.
[159] ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5797, л. 1—об, 2, 2—об.
[160] Там же, л. 5, 5—об.

Среднеазиатские купцы по-прежнему вывозили из России значительное количество монет, золота и серебра, о чем свидетельствуют следующие данные[161]:

Год	*Всего отпущено товаров, руб.*	*В т. ч. монеты*
1843	900484	84100
1844	1162988	56856
1845	1179507	192596
1846	1224112	127859
1851	1141366	221803
1852	979715	239617
1853	1133433	187822

Вопросам экономического развития с среднеазиатскими ханствами в это время Россия придавала очень важное значение, о чем свидетельствует инструкция, данная П. И. Демезону, который *был направлен в 1833—1834 гг. в Бухару с ответственным заданием*. Прежде всего ему предлагалось принять меры к усилению торговли, «особенно «хлопчатой бумагой» и до какой степени можно шелком». Необходимо было выяснить вопросы о торговых отношениях Бухарского ханства с сопредельными странами: Восточным Туркестаном, Кокандским ханством, Афганистаном, Бадахшаном и Ираном, а также в каком состоянии находится его торговля с казахами и выгодна ли она последним. Оренбургская администрация предписала ему узнать — почему среднеазиатские ханства предпочитают вывозить из России металлы (железо и медь), а не металлические изделия, и о возможности расширения ассортимента вывозимых из России товаров[162].

П. И. Демезону удалось добыть в Бухаре ценные сведения, на основании которых он составил ведомость о ценах товаров, «составляющих предмет торговли Оренбургского края с Средней Азией, и о ценах хлеба в Бухарии»[163].

Из этой ведомости следует, что в Бухаре хорошо расходились такие российские товары, как сукно, кисея, шелковые платки, плис, парча, проволока, сассапарель, позументы, мишура, латунь, медь, иглы швейные, железо, чугун в котлах, воск, юфть (черная и красная), сахар-мелис, гвоздика и зеленый чай. Среди товаров, вывозимых из Бухары, указаны: *хлопчатобумажная пряжа по цене за* батман (8 пудов) высшего сорта — 120 руб., среднего — 100 и низшего («третьего разбора») — 80 руб. Лучшая выбойка стоила сотня концов (по 24 аршина в каждом) 120 руб. (т. е. по 5 коп. *аршин*); *выбойка базарная 100 кусков (по 18—22 аршина в каждом)* — 100 руб.; мерлушки серые — по 12 руб. десяток. Цены на хлеб: пшеница первого разбора 2 р. 40 к., второго разбора — 2 руб. и третьего — 1 р. 80 к. за батман. Три батмана ячменя оценивались в 4 руб.

[161] Там же, л. 5.
[162] Там же, оп. 7, д. 778, л. 29—32.
[163] Там же, д. 959, л. 49—50.

Сведения о русской торговле в Бухаре, которые собрал П. И. Демезон, были неутешительными, так как российские товары в цене «весьма понизились», а вследствие неурожая хлопка резко поднялись цены на «пряденую бумагу». Однако общий оборот русско-среднеазиатской торговли возрастал и приносил немалые доходы российской казне. С 1840 по 1850 г. в Среднюю Азию было вывезено товаров более чем на 10 млн фунтов стерлингов, в том числе в Бухару — 783785, Хиву — 199830 и Коканд — 30662 фунта стерлингов. За тот же период поступило товаров из среднеазиатских ханств на сумму 1385741 фунт стерлингов, в том числе из Бухары — 1096380, Хивы — 249425 и Коканда — 39936 фунтов стерлингов[164]. Из российских товаров среднеазиатские купцы вывозили медь, железо, чугун и выделанные кожи[165]. Отпуск товаров из России к 1850—1852 гг. почти утроился. Если в 1824—1826 гг. он составлял 3,9 млн руб., то к 1850—1852 гг. равнялся уже 12,2 млн руб.[166] Привоз и вывоз товаров в одну только Бухару составлял около 4 млн руб. в год[167].

Таким образом, приведенные данные свидетельствуют о том, что русско-среднеазиатская торговля поддерживалась главным образом за счет развития торговли с Бухарским ханством. В течение длительного периода торговых отношений с ханством Россия выяснила, что в дальнейшем основные статьи вывоза из Бухары будут составлять: хлопок, марена, шелк, индиго, меха лисиц, каракуль, овчины и чай, т. е. сырье, которое нужно было для работы российских фабрик.

Взаимоотношения с Хивинским ханством постоянно осложнялись различными обстоятельствами, однако торговле с ним русское правительство также придавало большое значение. Из письма, составленного в Оренбурге 30 сентября 1840 г. явствует, что «Хива — это маленький оазис с бедным народонаселением и особенно образованием, но которому по положению на перекрестке всех караванных путей и близ устья двух единственных судоходных рек Турана (Сырдарьи и Амударьи) суждено играть важную роль в среднеазиатской политике. Еще в XVI в. (1557, 1563, 1566 и 1583 гг.) приезжали посланцы хивинского хана и ходатайствовали перед русским правительством о разрешении свободной торговли с Россией. Однако несмотря на снисходительность и покровительство со стороны последней хивинские ханы занимались подстрекательством и неблаговидными действиями по отношению к российскому купечеству»[168], чем наносили ущерб и своей экономике. Положение особенно осложнилось завоеванием Хорезма Надир-шахом в 1740 г., которое прежде всего отразилось на уровне жиз-

---

[164] Вамбери А. Путешествие в Среднюю Азию в 1863 г.//Туркестанский сборник. Т. XII. С. 337—341, 352—358.

[165] ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5240, л. 18—21.

[166] Труды ОУАК. Вып. XVI. Оренбург, 1906. С. 153.

[167] ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 7736, л. 77.

[168] Там же, д. 5068, л. 287—287—об.

ни трудового населения, так как на жителей Хорезма был наложен особый налог «за пощаду» (мали амани), взимавшийся в таких размерах, что трудящееся население было совершенно разорено[169]. Вследствие этого, начиная с 40-х годов XVIII в. в течение ряда лет резко сократилась торговля с Россией. Хивинские купцы на некоторое время выбыли из числа участников Оренбургской ярмарки, что повлияло также на привоз скота в Оренбург казахами, т. е. весь скот у них закупали хивинцы для выполнения поставок Надир-шаху и внутреннего потребления. Оренбургский историк П. И. Рычков отмечал, что хивинцы «оскудевают токмо лошадьми и скотом, ибо пажитных мест весьма там мало, а больше песчаных, и затем лошадей покупают у киргизцев (казахов.— *Г. М.*) и каракалпаков»[170].

При первых правителях кунградской династии до Эльтузара (1804—1806) включительно Хивинское ханство занимало небольшую площадь в южной части Хивинского оазиса с центром в г. Хиве. Между Хивинским ханством и Бухарой лежали безводные пространства Кызылкумов, прорезанные лишь узкой полосой Амударьи, берега которой здесь были совершенно безлюдными. Капитан Данилевский, посетивший Хиву в 1842 г., отмечал, что границей Хивинского ханства на западе являлось Каспийское море, на юге — владение Персии (Ирана). В 1858 г. русскому путешественнику Игнатьеву в бытность его в Хиве было сообщено, что южная граница ханства проходит через Мервский оазис, а северная — по р. Эмбе, хотя последняя уже давно фактически принадлежала России[171].

Изучив данные о социальных отношениях в Хивинском ханстве, П. П. Иванов делает вывод, что «несмотря на выдающиеся военные успехи и связанное с ним значительное расширение территории государства в первой четверти XIX в., внутреннее положение страны было крайне неустойчивым. Разоряемое непосильными налогами бесправное узбекское крестьянство не могло представлять той надежной социальной базы, которая могла обеспечить необходимую прочность государственного организма. Еще менее устойчивой была та часть населения, которая не принадлежала к узбекской народности и поэтому подвергалась наиболее ожесточенной эксплуатации господствующим классом. Экономическая жизнь ханства поддерживалась не столько трудом рабов и жестокой феодальной эксплуатацией совершенно разоренного крестьянства, сколько систематическим ограблением соседних народов. Вполне понятно,— заключает П. П. Иванов,— что военные успехи способствовали обогащению только военно-феодальной

---

[169] Чехович О. Д. К истории Узбекистана в XVIII в.//Труды Института востоковедения АН УзССР. Ташкент, 1954. С. 79.

[170] Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии... Ч. I. С. 15.

[171] Иванов П. П. Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.) М., 1958. С. 148—149.

знати и отрицательно отражались на положении основной массы населения в общем уровне производительных сил ханства»[172].

Определенное влияние на экономику ханства оказывала торговля, которая в значительном количестве происходила в городе Ургенче. Построенный недалеко от Амударьи, он был средоточием обширной торговли всего Хивинского ханства, в которой главную статью составляли шелковые материи[173]. Разведению шелководства в Хиве способствовало обилие тутовых деревьев вдоль оросительных каналов. Ургенч ближе других городов располагался к казахской степи и к Оренбургу, откуда приезжали купцы, чтобы обменять свои товары на хивинские. Торговать в Хиву приезжали также туркмены и каракалпаки; бухарские купцы добирались сюда на маленьких судах, сделанных из небольших досок[174]. С Бухарским ханством у хивинцев были длительные отношения. В Бухару хивинские купцы возили одежду и полотна, а оттуда вывозили чай, пряности, хлопок и другие товары ремесленников. Для внутренней торговли в каждом городе Хивинского ханства бывали по одной или две ярмарки, которые всегда проводились праздично; на них съезжались за 10—12 миль, чтобы купить несколько иголок или другой мелочи. В сущности, как отмечал А. Вамбери, всех влекло сюда стремление показать себя и посмотреть на людей. Все приезжали на ярмарки на отличных лошадях, в самых лучших нарядах и увешанные самым лучшим оружием[175].

Торговые отношения Хивинского ханства с Бухарой производились на весьма невыгодных условиях для первой. Бухара вывозила в Хиву свои мануфактурные изделия, а также табак, которые были главными предметами хивинско-бухарской торговли. Из соседних стран бухарские купцы привозили в Хиву разные меха и каракуль, краску индиго, зеленый чай и фарфор. В Хиве бухарские купцы приобретали преимущественно российские фабричные изделия: котлы, железные и другие предметы, кожи, иногда расплачиваясь за товары звонкой монетой. Хивинские купцы возили в Бухару шелк-сырец, кунжутное масло и семена[176].

То, что торговля Бухары с Хивой была не в пользу последней, заметил и Данилевский, подчеркнув, что «при одинаковом богатстве в сырье фабричность бухарская несравненно более развита и стоит на высшей степени совершенства, чем в Хиве»[177].

---

[172] Там же. С. 165—169.

[173] Оренбургский листок. 1891. 24 февраля.

[174] Описание пути от Оренбурга к Хиве и Бухарам с принадлежащими обстоятельствами, выпавшего при отправлении в 1753 году из Оренбурга в те места купеческом караване самарского купца Данилы Рукавкина//Московский любопытный месяцеслов на 1776 год. С. 205—206 (Печатано при императорском Московском Университете).

[175] Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. С. 171.

[176] Туркестанский сборник. Т. XXX. С. 95.

[177] Данилевский Г. И. Описание Хивинского ханства//ЗРГО. Кн. V. 1851. С. 129.

Торговля Хивинского ханства с Персией и Гератом была незначительной, так как осложнялась опасностью путей, проходивших через зону влияния предводителей туркмен. Из Ирана в Хиву товары—ситцы, хлопчатобумажное полотно и другие изделия ремесленного производства—доставляли бухарские купцы. Иногда торговать в Хиву приезжали сами иранцы, они покупали здесь звонкую монету хивинской и русской чеканки, российские кожи, и сукна; из хивинских изделий они приобретали главным образом шелк. Торговля Хивинского ханства была сосредоточена в основном в руках ургенчских купцов, скупавших наибольшую часть товаров всего ханства[178]. Они же были посредниками в торговле Хивинского ханства с Россией. Караваны, состоящие из одной-двух тысяч верблюдов, они отправляли в Оренбург весной и в Астрахань осенью, нагружая их хлопком, шелком, кожами, одеждой для ногайцев, шагреневой кожей и сухофруктами. Из России хивинские купцы привозили котлы, чугунную посуду, ситцы, тонкую кисею, коленкор, сахар, железо, ружья низшего сорта и различные мелочные товары. Значительную статью вывоза из Хивы составляла рыба[179].

Широко была развита торговля Хивы с кочевыми народами. У казахов и туркмен хивинцы приобретали овец, лошадей, верблюдов, верблюжью шерсть, кошмы и ковры. В обмен на эти товары они привозили хлеб, дешевые хлопчатобумажные ткани, а также российские товары — преимущественно металлические изделия и предметы, необходимые в повседневной жизни[180].

Русско-хивинские контакты постоянно осложнялись также из-за разграничения сфер влияния в казахских степях и частые нападения хивинцев на торговые караваны, идущие из Бухары в Россию и обратно. Самым сложным в отношениях с российским правительством был вопрос об освобождении русских пленников, захваченных в пограничных русских селениях. В связи с этим предпринимались жесткие меры. В 1836 г., например, было дано указание задерживать на юго-восточной границе России всех хивинских купцов, конфисковывать их товары и вообще прекратить торговые отношения с ханством, объявив Аллакули-хану, что меры эти будут отменены лишь по возвращении из Хивы русских пленников. Как и в 1754 г. это средство произвело весьма невыгодные последствия для Хивинского ханства — оно лишилось доходов от торговли, «ощутило недостаток нужнейших произведений», которыми снабжалось исключительно из России. По данным Оренбургской пограничной таможни, в Хиве непомерно повысились цены: плата за десяток кожи-юфти возросла от 130 до 270 руб. ассигнациями, пуда ртути — от 12 до 40 руб., киновари — от 240 до 600 руб., кошенили — от 170 до 600 руб. Мануфактурные изделия вздорожали в 15 раз, а сырье — на 90%[181].

---

[178] История народов Узбекистана. Т. II. Ташкент, 1947. С. 149—150.
[179] Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. С. 170.
[180] Туркестанский сборник. Т. XXX. С. 95.
[181] ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5068, л. 289.

Русско-среднеазиатская торговля в это время нисколько не пострадала, так как российские торговые караваны продолжали свой путь в Бухару, минуя Хивинское ханство. В Бухару в 1837 г. было вывезено товаров на 1,4 млн руб., в 1838 г.— 1,6 млн руб. и в 1839 г.— на 2,4 млн руб.[182]

Как ни пагубны были предпринятые меры для экономики Хивинского ханства, его правители не старались наладить отношения с Россией, усугубляя их тем, что принуждали караваны, идущие в Бухару и оттуда, заходить в Хиву, требуя уплаты различных пошлин. Однако это не было выходом, поэтому в 1837 г. хан вынужден был освободить 25 русских пленников и с подарками русскому царю отправил своего посланца, прося освободить задержанных в России хивинских купцов. Взамен он обещал освободить всех пленников, находящихся в Хиве. Русский царь не принял ни посланца, ни подарков и повторил прежнее требование. В 1838 г. хивинский хан вынужден был освободить еще 80 пленников. Однако русское правительство, не дожидаясь окончательного выполнения своих требований, снарядило в 1839 г. в Хиву воинский отряд под командованием корпусного командира для устрашения хивинцев. Отряд был встречен хивинцами из трех тысяч отборных всадников, которые в суточной перестрелке были отбиты, и отряд пошел дальше по назначению. Треть всадников погибла в пути от мороза и голода, что вынудило хивинского хана искать примирения и пойти на уступки. Именно этого добивалась Россия, так как тогда она была еще не готова к завоевательным походам и желала развивать свои отношения на мирных началах[183].

Важное значение русское правительство по-прежнему придавало вывозу из Хивинского ханства сырья, собственного или приобретенного у казахов, туркмен и других соседних племен. Российские купцы вывозили из Хивы хлопок, марену, меха и в самом незначительном количестве хлопчатобумажные и шелковые изделия[184]. Большим спросом на рынках Оренбурга, путь до которого протяженностью 1380 км хивинские купцы преодолевали за 40—55 дней, пользовались сухофрукты[185]. В обмен на свои товары хивинские купцы вывозили из России хлопчатобумажные и шерстяные изделия, сукна, металлы и разные предметы из них, юфть, краски, сахар, чай и москательные товары.

Развивая взаимоотношения с Хивинским ханством, русское правительство проявляло большой интерес к экономике присыр-

[182] Там же, л. 289—об.
[183] Там же, л. 289—об., 290—об, 294—295—об.
[184] Туркестанский сборник. Т. XXX. С. 93.
[185] Московский любопытный месяцеслов на 1776 год. С. 207.
[186] Туркестанский сборник. Т. XXX. С. 93.
[187] Чабров Г. Н. Поездка в Бухару переводчика П. И. Демезона (1833—1834 гг.)//Труды Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина. Новая серия. Вып. XCIV. Исторические науки. Кн. 14. Ташкент, 1957. С. 112.

дарьинских районов. Оренбургская администрация уже в начале 30-х годов XIX столетия начала изучать эти районы, рассматривая их как «возможные в будущем для экономического освоения казахским населением, освобожденным от гнета кокандских феодалов, установлением в этих районах русского владычества».

Огромная задача в этом отношении была возложена на П. И. Демезона, направленного в 1833—1834 гг. в среднеазиатские ханства. В «Записке», составленной на его имя, изучению экономики присырдарьинских районов было посвящено шесть параграфов (§ 12—17). Ему строго предписывалось выяснить: «где выменивают себе хлеб и товары кочевники присырдарьинских районов» и «не согласны ли они прикочевать поближе к России»; можно ли в этих местах заниматься хлебопашеством, сеять «хлопчатую бумагу» и каковы перспективы орошения этих земель.

Широко и разносторонне изучая вопрос об экономических возможностях присырдарьинских районов, оренбургская администрация интересовалась также перспективами вовлечения в товарообмен туркмен, поскольку торговые пути из Средней Азии в Россию по хивинской дороге проходили и через туркменские степи.

П. И. Демезон должен был узнать действительно ли, как сообщали казахи, хивинцам «во время дороговизны почти недостает хлеба и в Хиве во время минувшей зимы весьма многие жители из нея удалились, так что очень заметно уменьшение народонаселения и что вообще в Хиве правительство пришло в совершенное бессилие». Эти обстоятельства заслуживали большого внимания, так как в Оренбурге готовился поход против Хивинского ханства. После этого похода, хотя и неудачного, который был осуществлен под предводительством В. А. Перовского, взаимоотношения России с Хивой намного улучшились, что оказало влияние на развитие русско-хивинской торговли. За десятилетие (с 1840 по 1850 г.) привоз разных товаров хивинцами в Россию составил сумму 1,4 млн. руб. серебром[188]. Среди них были: хлопок, сухофрукты, хлопчатобумажные ткани, марена и др. С 1850 по 1860 г. привоз означенных товаров из Хивы составил 1 769 736 руб., т. е. ежегодно в среднем 176 тыс. руб., привоз из России — 263871 руб. или ежегодно только 26 тыс. руб.[189]

Развитие русско-среднеазиатской торговли способствовало также росту торгово-промышленных городов Кокандского ханства. В последней четверти XVIII в. значительно усиливается торговля с Ташкентом и Ходжентом. Через Кокандское ханство велась торговля с Восточным Туркестаном. В Записке «О торговых учреждениях в Китайском Туркестане», составленной в 1825 г. в Оренбурге, отмечалось, «что караваны в сию область идут боль-

---

[188] Григорьев В. В. Описание Хивинского ханства и дороги туда из Сарайчиковой крепости. Ч. II. Оренбург, 1881. С. 133.

[189] Туркестанский сборник. Т. XXX. С. 93.

шей частью из Бухары и Кукана, и сим путем она получает российские товары, которые китайцы через Кульджу не пропускают. Ежегодно осенью обыкновенно приходит сюда караван, состоящий из 500—600 верблюдов, зимует в Кашгаре и весной возвращается»[190]. Центром хозяйственно-политической жизни ханства была Ферганская долина — один из очагов древней оседлости Средней Азии. Путешественники отмечали наличие здесь большого числа многолюдных селений, жители которых занимались земледелием, хлопководством и шелководством, садоводством, а также торговали с соседними кочевыми племенами. Относительно высокого уровня в Фергане достигла городская жизнь. Крупнейшими городами здесь были Коканд, Андижан, Наманган и Маргилан. Ф. Назаров, посетивший эти города в начале XIX в., отмечал их обширность и сообщал об оживленной торговой деятельности населения. Андижан «изобилует всякими фруктами, жители занимаются разведением шелковичных червей, выделкою бумажных материй и хлебопашеством, имеют торговлю с кочующими поблизости казахами, скупают у них скот». Наманган, расположенный на расстоянии 120 верст от Андижана, по его свидетельству, «весьма многолюден, имеет бумажные фабрики, его жители торгуют с казахами»[191]. «Коканд и все Кокандское ханство,— писал он,— изобильны хлопчатою бумагою и шелковичными деревами; везде видишь засеянные хлопчатою бумагою поля, из коей кокандцы приготовляют ткани и меняют оные бухарцам на российские товары». Ферганские историки,— свидетельствует он,— сообщают о дешевизне продуктов в этих районах и рассказывают о благоприятных условиях для купцов, сложившихся в годы правления кокандского хана Нарбута-бия (с начала 70-х годов до конца XVIII в.) «Дешевизна и порядок, обеспечивающие возможность спокойно заниматься торговой и хозяйственной деятельностью, считались восточными летописцами первостепенными показателями благоденствия страны». При Алимхане (1798—1810 гг.) политическое значение Кокандского ханства особенно усилилось. При нем был завоеван Ташкент, который к началу XIX в. стал уже крупным торговым городом[192].

Торговая деятельность Ташкента некоторое развитие получила еще в рамках обширного государства джунгаров (кочевников Западной Монголии), которые подчинили все кочевье и Ташкент к 1723 г. «Ташкентские купцы,— как отмечает Ю. Соколов,— стали частыми «гостями» не только в степи, но и в русских пограничных городах Сибири. В 1736 г. группа ташкентских купцов впервые поехали на Макарьевскую (Казанскую) ярмарку через Оренбург», после основания которого роль Ташкента как посредника в транзитной торговле возросла. Ташкентцы стремились к свя-

[190] ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 3284, 1825 г., л. 30.
[191] Назаров Ф. Указ. соч. С. 50.
[192] Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. М., 1968. С. 11.

зям с Россией, чтобы укрепить экономические основы своего независимого государства. Значительное развитие они получили при Юнус-Ходже, который «желал использовать эти связи, чтобы получать из России необходимое ему военно-стратегическое сырье (в частности медь) для усиления собственной власти»[193].

Развитию отношений с Ташкентом Россия также придавала важное значение. С первых же дней прибытия в Оренбургский край И. К. Кириллов, один из первых устроителей Оренбургского края, старался всячески поощрять торговлю. По его ходатайству 24 марта 1735 г. был издан указ Анны Иоановны, на основании которого ташкентским купцам Нурмухаммаду Алимову и Аурузу Бакею Турсунову, приехавшим в Уфу, были назначены кормовые деньги по пять рублей каждому. Нурмухаммад Алимов сообщил Кириллову нужные ему сведения о Ташкенте, его взаимоотношениях с казахскими ханами и о положении в казахских жузах[194].

В 1739—1740 гг. из Оренбурга в Ташкент был отправлен под воинской охраной первый русский торговый караван, при котором были купец Шубай Арсланов, курский купец С. Дроздов и казанский татарин М. Юсупов с различными российскими товарами. Ш. Арсланову поручено было выяснить возможности привлечения местного купечества к торговле в Оренбурге. Через пять месяцев он вернулся в Орск и привез ценные сведения о Ташкенте[195].

По словам Ш. Арсланова, Ташкент в то время вел оживленную торговлю с Бухарой, Ходжентом, Кашгарией, калмыками, казахами и другими, получая от нее значительные выгоды. Бухарские купцы привозили в Ташкент небольшое количество каракуля, красный и черный бархат, кушаки и шелковые парчи, которые обменивали на изделия ташкентских ремесленников и российские товары, поступавшие из Оренбурга. Шубай Арсланов заметил, что большим спросом в Ташкенте пользовались российские товары: сукно кармазинное, бобры, выдры, кожи, краска брусковая и др. Будучи в Ташкенте, он призывал ташкентских купцов к торговле в Оренбурге, на что ташкентцы откликнулись положительно и отправились туда, хотя Ш. Арсланов еще находился в Ташкенте[196]. Пользующиеся широким спросом российские кармазинные сукна лучших сортов стоили в Ташкенте по два рубля с полтиною, а если на обмен — 40 корсаков или 5—6 кусков шелковой материи, смотря по качеству сукна. Одна красная юфть стоила 3 руб. (60 корсаков), бобры немецкие по 2 руб. 50 коп.— 3 руб. (40 корсаков). Комплект игл (250 шт.) стоил по гривне и по четыре алтына (2 корсака). Бисер и корольки покупали на глаз[197].

---

[193] Соколов Ю. Указ. соч. С. 29, 46—47.

[194] Добросмыслов А. И. Материалы по истории России. Т. II. Оренбург, 1900. С. 50

[195] Зияев Х. Ташкент в XVIII — первой половине XIX века (по данным русских источников)//Общественные науки в Узбекистане. 1983. № 4. С. 44.

[196] Там же. С. 46.

[197] Добросмыслов А. И. Указ. соч. Т. II. С. 63—64.

Из местных товаров в Ташкенте продавали меха корсаков, волков, лисиц, бобров, барсов, разные шелковые материи, хлопчатобумажные выбойки и полотно, которые охотно закупались российскими купцами.

Торгово-экономическое значение Ташкента особенно выросло в конце XVIII — начале XIX в., когда он вошел в сферу большого политического влияния России и стал крупным торгово-промышленным центром Средней Азии с населением 60—80 тыс. человек. Ташкенту была подчинена обширная степная территория, занятая казахами старшего жуза до низовьев Сырдарьи на севере и предгорий Карабаха на востоке[198]. Близость Ташкента с казахской степью способствовала интенсивному развитию торговли с кочевниками. Ташкент снабжал их одеждой, тканями, металлическими и гончарными изделиями и хлебом, получая взамен скот, шерсть, кожи, меха и др. Однако торговля Ташкента «собственными произведениями,— как отмечали Поспелов и Бурнашев, посетившие город в 1800 г.,— была весьма не обширна» по причине бедности его населения, приведенного в такое состояние внутренними и внешними раздорами. Ташкентские купцы торговали не только с Россией, но и с Бухарой, Китаем, Персией и Индией. С Кокандским и Ходжентским владениями в это время у них почти не было связей «вследствие нарушенного согласия по торговле». Из России, по данным Поспелова и Бурнашева, ташкентские жители получали медь, железо, жемчуг, кораллы, выдр, котиков, сукна разных цветов, полуплис, хлопчатобумажную пряжу и в незначительном количестве шелковые ткани, т. е. все те товары, которые пользовались спросом в среднеазиатских ханствах[199].

Хорунжий Н. И. Потанин, посетивший Ташкент в 1829 г., писал, что «жители г. Ташкента занимаются хлебопашеством и садоводством, ... скотоводства большого не имеют, довольствуются скотом, пригоняемым торговцами из казахской степи»[200]. Из Кокандского ханства в Ташкент поступал хлопок, сухофрукты, шерсть, кожи, шелк, опиум, шелковые материи кокандских и маргиланских кустарных мастерских, а в Коканд шли главным образом русские мануфактурные изделия и сахар[201].

Как сообщает Х. З. Зияев, ташкентские правители стремились развить торговлю с Россией также через Сибирь[202]. В конце XVIII в. ташкентский правитель Юнус-Ходжа через начальника Сибирской линии просил прислать русских специалистов по горному делу, чтобы начать разработку полезных ископаемых края;

---

[198] Иванов П. П. Очерки по истории Средней Азии. С. 196.

[199] Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 г./С примечаниями Н. В. Ханыкова//Вестник ИРГО. 1851. Ч. I. Кн. 1, VI. С. 11—56.

[200] Записки о Кокандском ханстве хорунжего Потанина (1830 г.)/Отдельный оттиск//Военный журнал. 1831, № 4—5. С. 14.

[201] Хорошхин А. П. Заметки о Кокане//Туркестанский сборник. Т. XXIII. С. 177.

[202] Зияев Х. З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью... С. 94—95.

просьба была удовлетворена. Сибирская администрация также стремилась к укреплению связей с Ташкентом, откуда, по мнению генерал-поручика Штардмана, можно было получить шелковые и бумажные ткани, халаты, хлопок, пряжу, рис и разные фрукты. Через Ташкент можно было также переправлять казахские и китайские товары. В рассматриваемое время различных товаров из Ташкента в сибирские города Семипалатинск, Устькаменогорск и Петропавловск доставлялось на сумму до 200 тыс. руб.[203] Штардман перечислял также ассортимент российских товаров, которые шли из Сибири в Ташкент: сукна разных сортов, кожи красные, бобры, выдры, верверсты, стамедь, сахар мелкоголовый, сандал красный, воск, меха беличьи и лисьи, зеркала, мишура, бисер, имбирь, разные медные и железные изделия[204], словом, почти те же товары, которые поступали в среднеазиатские ханства через Оренбург.

Вся торговля Ташкента с Кашгаром и Бухарским ханством производилась через Коканд, где в четырех караван-сараях останавливались чужеземные купцы[205].

Таким образом, несмотря на сложную внутреннюю обстановку, бесконечные внешние войны, а также междоусобия, среднеазиатские ханства не прерывали своих экономических связей.

Развитие торговых отношений с Россией среднеазиатских ханств, особенно Бухарского, постепенно втягивало их в общероссийский рынок. В этой связи уместно привести известное положение Ф. Энгельса о действительно прогрессивной роли России по отношению к Востоку, обусловленной более высоким промышленным и культурным уровнем Русского государства по сравнению со странами Средней Азии[206].

---

[203] Там же.
[204] Там же.
[205] Мейендорф Е. К. Указ. соч. С. 50.
[206] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 27. С. 241.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение истории торговых взаимоотношений среднеазиатских ханств между собой, с кочевниками, с соседними странами (Афганистаном, Ираном, Индией и др.), а также с Русским государством в XVIII — первой половине XIX в. позволяет сделать следующие выводы.

Среднеазиатские ханства осуществляли между собой широкую торговлю. Центром, куда стекались купцы со всех окрестностей Бухарского, Хивинского и Кокандского ханств, а также из Ташкента, была Бухара. Здесь среднеазиатские жители обменивались продукцией своего ремесленного производства, приобретали товары, поступающие из Афганистана, Ирана, Индии и других соседних владений, а также из российских городов.

Значительную торговлю среднеазиатские жители производили с кочевниками. Оседлое население культурных оазисов Средней Азии приобретало у них преимущественно сырье (кожи, шерсть, а также готовые изделия из них), которое доставляли казахи, а также кочевники среднеазиатских пустынь, главным образом туркмены. На рынки среднеазиатских ханств они пригоняли овец, лошадей и верблюдов. Большим спросом пользовались ковры и ковровые изделия, особенно текинские, которые доставлялись туркменами. Их приобретали не столько для собственных нужд, сколько для реализации на внешних рынках. От торговли коврами на рынках Западной Европы среднеазиатские купцы имели большую прибыль. Но сами они туда не ездили, а продавали ковры российским купцам в Оренбурге и других российских городах, где им была дозволена торговля.

Продукцию своего кочевого хозяйства кочевники обменивали на среднеазиатских рынках, приобретая местные ткани, которые удовлетворяли их вкусы своей прочностью, расцветками, а самое главное — были очень дешевыми.

Экономические связи жителей культурных оазисов Средней Азии с кочевниками-скотоводами обусловили активный торговый обмен и способствовали развитию международной караванной

торговли. Среднеазиатские купцы вывозили свои товары в соседние государства — Афганистан, Иран и Индию. Но торговля с последними была очень осложнена труднодоступными дорогами, многочисленными поборами на пути следования. Отрицательным явлением было то, что за приобретенные товары в этих странах приходилось расплачиваться наличными деньгами, которыми большая часть среднеазиатских купцов мало или почти не располагала.

Самой выгодной и доступной для среднеазиатских ханств была торговля с Россией, носившая меновой характер. Развитию торговли с Средней Азией большое внимание уделяли торгово-промышленные круги России, что было связано с быстрым ростом и техническим прогрессом российских хлопчатобумажных фабрик. Вопрос о Средней Азии как рынке сбыта русских промышленных изделий приобрел в XVIII — первой половине XIX в. первостепенное значение. По мнению русского правительства и торгово-промышленной буржуазии, особенно важное значение торговля приобретала для развития капиталов в малопромышленных и бедных восточных российских губерниях, где среднеазиатские товары, особенно ткани и текстильные изделия, пользовались широким спросом и были доступны широким слоям населения из-за дешевизны.

Некоторые представители русской администрации, как, например, начальник Оренбургского таможенного округа, процветание русско-среднеазиатской торговли считали вредным «для младенчествующих азиатских народов» в том отношении, что российские мануфактурные изделия, отправляемые в Среднюю Азию, отличались дороговизной и низким качеством. По его мнению, все это возбуждало у среднеазиатских народов недоверчивость к русскому правительству и произведениям российской промышленности[1]. Несмотря на это, как уже отмечалось, торговля с Русским государством для Средней Азии была доступной и наиболее благоприятной, чем с другими странами.

Развитие русско-среднеазиатской торговли было очень выгодно для Русского государства, так как его заводы и фабрики не могли соперничать с европейскими по качеству своей продукции, широкий сбыт они могли найти только у народов, которые по развитию производительных сил стояли на более низкой ступени, каковыми были среднеазиатские ханства, где Россия стремилась овладеть рынками «для сбыта своих изделий взамен их естественных богатств»[1].

Особенного развития русско-среднеазиатская торговля достигла в период правления оренбургского губернатора И. И. Неплюева (1742—1757), когда среднеазиатские купцы стали охотно приезжать на Оренбургскую линию, а русские со своими товарами ездили в Хиву, Бухару, достигая даже границ Афганистана.

В XVIII в. среднеазиатская торговля особенно интересовала московских, ростовских и сибирских купцов, а в XIX столетии она

[1] ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 7508, л. 1-об.

почти исключительно была сосредоточена в руках немногих торговых оренбургских и троицких фирм (Деевых, Путоловых и др.).

Развитие внешней торговли оказывало свое влияние на состояние среднеазиатского ремесленного производства, однако ассортимент изделий местных ремесленников был невелик, так как потребности народа были ограничены. Постоянство вкусов среднеазиатских жителей делало расширение ассортимента, хотя бы и лучшими товарами, затруднительным. «К тому же замен сей,— отмечалось в «Записке о среднеазиатской торговле»,— лишил бы народ значительной части его прибытков, а следовательно в скором времени и возможности приобретать наши (русские.—*Г. М.*) продукты»[2]. Продукция ремесленного производства вполне удовлетворяла местных жителей. Ремесленные изделия стоили очень дешево и пользовались большой популярностью у кочевников и малоимущего населения окраин России.

Каждая ремесленная мастерская в среднеазиатских ханствах постоянно была занята одним и тем же, например, выработкой хлопчатобумажных тканей, шелка, кожевенных изделий, красильным делом и т. д.

Продажу изделий среднеазиатского ремесленного производства на российских рынках русское правительство поощряло и старалось не ущемлять интересов среднеазиатских торговцев. Их беспрепятственно допускали на российские рынки, давая этим самым возможность среднеазиатским жителям обменивать свои ремесленные изделия на продукцию, которую они отравляли из российских городов в Среднюю Азию.

Русско-среднеазиатская торговля приносила российской казне значительные доходы, однако с самого её начала и до присоединения Средней Азии к России она не была обеспечена никакими надежными ручательствами правителей Бухары, Хивы, Коканда и Ташкента. Договора, хотя и заключались, были настолько сомнительными и непостоянными, что опереться на них было невозможно. В резиденциях среднеазиатских ханств русское правительство не могло учредить торговых агентов.

Русские купцы опасались ездить со своими товарами в среднеазиатские ханства, поэтому инициатива торговли как местными, так и российскими товарами находилась в руках среднеазиатских купцов и «торговых татар», обосновавшихся в Сеитовском посаде Оренбурга. Однако несмотря на это, баланс в русско-среднеазиатской торговле почти всегда был на стороне Русского государства. Его правительство старалось общаться с среднеазиатскими ханствами на мирных и взаимовыгодных началах. Не обостряя своих отношений на протяжении длительного времени, развивая торговые связи с народами Средней Азии, оно изучало обстановку в ханствах. Это дало возможность выяснить, что только присоединение Средней Азии к России позволит добиться намеченной цели — приобрести удобные рынки для сбыта своей продукции и сырьевую базу для развития российской промышленности.

[2] Там же, д. 5284, л. 3—6.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3
Глава 1. Состояние ремесленного производства в среднеазиатских ханствах в XVIII — первой половине XIX в. 13
Глава 2. Внутренняя торговля, торговые учреждения, пошлины, денежное обращение и метрологические данные 34
Глава 3. Торговые связи среднеазиатских ханств с кочевниками, соседними странами (Афганистаном, Ираном и Индией), с Русским государством в XVIII — первой половине XIX в. Ввоз и вывоз товаров, состояние торгового баланса 61
Заключение 110

3 р.